

ИСТОРИЯ HISTORY

Блинцов Д. А.
D. A. Blintsov

ОРГАНИЗАЦИЯ ОХРАНЫ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II ВО ВРЕМЯ ПРЕБЫВАНИЯ ЕГО В СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ КРЕПОСТИ В ЯНВАРЕ 1915 г.

THE PROTECTION OF THE EMPEROR NICHOLAS II DURING HIS STAY IN THE SEVASTOPOL FORTRESS IN JANUARY 1915

Блинцов Дмитрий Александрович – научный сотрудник научно-экспозиционного отдела ГБУК РК «Ливадийский дворец-музей» (Россия г. Ялта); 298604, г. Ялта, ул. Горького 23, к. 54; +79780153860. E-mail: d.blintsov@yandex.ru.

Mr. Dmitry A. Blintsov – Researcher of the scientific-exposition Department of the State budgetary institution of the Republic of Crimea, Livadia Palace-Museum (Russian Federation, Yalta); 298604, Yalta, Gorkogo street 23, building 54; +79780153860. E-mail: d.blintsov@yandex.ru.

Аннотация. В статье речь идет о визите императора Николая II в Севастополь в январе 1915 г. и о комплексе охранных мероприятий, предпринятых Севастопольским жандармским управлением для обеспечения его безопасности. На основе архивных материалов рассмотрены малоизвестные страницы из истории организации охраны российского самодержца, а также представлены материалы, позволяющие по-новому взглянуть на деятельность сотрудников жандармского управления.

Summary. The article is devoted to the visit of the Emperor Nicolas II in Sevastopol in January 1915, and the range of security measures that were for ensuring its security. Based on archival materials the author considered the little known pages of life of the last Russian Tsar, and presents materials that allow viewing gendarme department differently.

Ключевые слова: царь, Николай II, охрана, жандармское управление, безопасность, Севастополь, флот, В. Ф. Джунковский.

Key words: Tsar, Nicholas II, security, gendarme department, security, Sevastopol, fleet, Dzhunkovsky.

УДК 94(351.742)

В январе 1915 г. российский император Николай II принял решение посетить с визитом южные пределы Российской империи, в том числе крепость и военно-морскую базу Севастополь, расположенную на территории Таврической губернии, являющуюся важным стратегическим объектом на Южном театре военных действий. Однако эта поездка, совершавшаяся в условиях войны, объективно требовала принятия ряда важных мер, направленных на обеспечение безопасности персоны государя. Сам государь в своих дневниковых записях посвятил этому визиту лишь несколько строк, однако на самом деле эта поездка привела к активизации деятельности различных служб и органов Российской империи, которым пришлось действовать в условиях ограниченности времени и осознания ответственности, связанной с безопасностью государя. На основе архивных материалов и опубликованных источников в статье предпринята попытка проанализировать комплекс мер, предпринятых сотрудниками жандармского управления города Севастополя, в целях обеспечения личной безопасности императора Российской империи.

Важную роль в деле обеспечения охраны императора сыграли сотрудники Министерства внутренних дел, Отдельного корпуса жандармов, а также сотрудники дворцовой полиции. Дело в том, что еще с 1867 г. в результате реформы Отдельного корпуса жандармов (ОКЖ, в Симферополе было создано единое Таврическое губернское жандармское управление, которое сосредоточило в своих руках все полномочия по производству политического сыска и дознаний по государственным преступлениям в пределах вверенных им губерний). Однако рост революционного движения, равно как и угроза распространения антиправительственных идей, привел к тому, что в 1884 и

1901 гг. в Керчь-Еникальском и Севастопольском градоначальствах были созданы городские жандармские управления со своими канцеляриями (см. прим. 1). С началом первой мировой войны задачи ОКЖ были расширены. Им было поручено заниматься контрразведывательной деятельностью, предотвращением революции, а также обеспечением политической безопасности действующей армии, помощью армии в организационных вопросах: доставка новобранцев, усиление офицерского состава штабов фронтов, конвоирование военнопленных и работа на оккупированных территориях Австро-Венгрии и Турции [2, 19]. Жандармские управления, находившиеся в пределах театра военных действий, были мобилизованы и перешли в двойное подчинение МВД и местных военных властей [2, 19]. Однако начало мировой войны многократно усилило нагрузку на ОКЖ, которое начало испытывать колоссальный кадровый голод. Поэтому в течение 1914-1915 гг. в армию было направлено 178 офицеров ОКЖ, то есть 18 % от штатного состава. Несмотря на предпринятые меры к январю 1917 г. в 43 тыловых ГЖУ из 218 полагавшихся по штату офицеров в списках числилось лишь 165 человек, то есть нехватка составляла около 24 %. Работа отдельных жандармских управлений была почти парализована, но и в таких сложных условиях они продолжали свою тяжелую работу [2, 19].

16 января 1915 г. товарищ министра внутренних дел и глава ОКЖ В. Ф. Джунковский обратился с письмом к градоначальнику контр-адмиралу С. И. Бурлею, в котором проинформировал его о дате визита императора в Севастополь, предполагаемом маршруте следования государя, а также напомнил о мерах специального характера, которые было необходимо предпринять для охраны венценосной особы. Прежде всего речь шла об охранной зоне в районе полотна железной дороги, которая равнялась 214 м (100 саженьям). Дело в том, что еще в 1891 г. была разработана «Инструкция по охране императорских железнодорожных поездов при Высочайших путешествиях», которая регламентировала перечень действий охранного характера в полосе железной дороги и примыкающей территории (см. прим. 2). Кроме того, В. Ф. Джунковский предложил С. И. Бурлею помощь людьми в количестве семи классных чинов, 28 урядников и 60 конных стражников, а также 42 городских, которых предполагалось командировать в Севастополь в распоряжение Таврического губернатора, дабы не ослаблять полицейские наряды в самом городе. В случае необходимости усиления состава городской полиции предполагалось воспользоваться полицейскими силами города Балаклава [1, 1].

Само пребывание императора в Севастополе должно было быть весьма непродолжительным, только 29-го и часть дня 30 января 1915 г. Маршрут визита был проложен следующий: с Графской пристани император следовал на Екатерининскую площадь, оттуда на Нахимовский проспект, откуда через Базарную улицу и Базарную площадь направлялся в район крепости. Обрато государь возвращался другим путем: через Романовский институт по Нахимовскому проспекту, Екатерининской улице, далее по Миноносному спуску, Чесменской и Адмиральской улицам. Затем направлялся к Владимирской площади и через Соборную улицу следовал в лазарет Российского Общества Красного Креста. Также была запланирована встреча с командованием Черноморского флота и старшими флотскими офицерами.

Через несколько дней информация об августейшем визите была доложена начальнику Севастопольского жандармского управления полковнику К. И. Глобачеву, который развил активную деятельность, принимая во внимание тот факт, что времени до приезда венценосной особы оставалось очень мало (в дальнейшем К. И. Глобачев получил продвижение по службе, не в последнюю очередь, видимо, и за свою распорядительность по организации приема. В 1915 г. его переведут в Петроград на должность начальника Отделения по охранению общественной безопасности и порядка) (см. прим. 3). В письме за № 996 от 21 января 1915 г. командиру Севастопольского порта контр-адмиралу Перелешину К. И. Глобачев напоминал, ссылаясь на прошлый опыт, о необходимости создания комиссии для осмотра зданий, находящихся в 100-саженной полосе от маршрута следования государя, в которую помимо сотрудников жандармского управления должны были войти чины Морского ведомства и представители полиции и градоначальства [1, 2].

В обращении к севастопольскому градоначальнику, контр-адмиралу С. И. Бурлею, от 21 января 1915 г., К. И. Глобачев предложил ввести в состав комиссии для осмотра зданий город-

ского архитектора и члена городской управы. Из Штаба Севастопольского порта было получено письмо за № 28 от 24 января, в котором начальнику жандармского управления сообщалось, что в состав комиссии назначены капитан 1-го ранга Ю. Г. Шплет и коллежский асессор Ф. А. Шпакович вместо заболевшего подполковника А. М. Рахильского. Они характеризовались как сотрудники опытные и проверенные [1, 5]. В то же время для усиления возможностей по организации охранных мероприятий, а также для контроля в распоряжение начальника Севастопольского жандармского управления был командирован начальником Особого отряда охраны Дворцовой полиции ротмистр Козловский, прибывший 17 января 1915 г. в распоряжение К. И. Глобачева. Интересно отметить, что в секретном донесении на имя К. И. Глобачева комендантом Севастопольской крепости Глобачеву было приказано присутствовать при Высочайшем смотре для представления Его Императорскому Величеству (см. рис. 1). Форма одежды заявлена простая – «пальто в рукава, походная фуражка, оружие поверх пальто и коричневые перчатки» [1, 6].

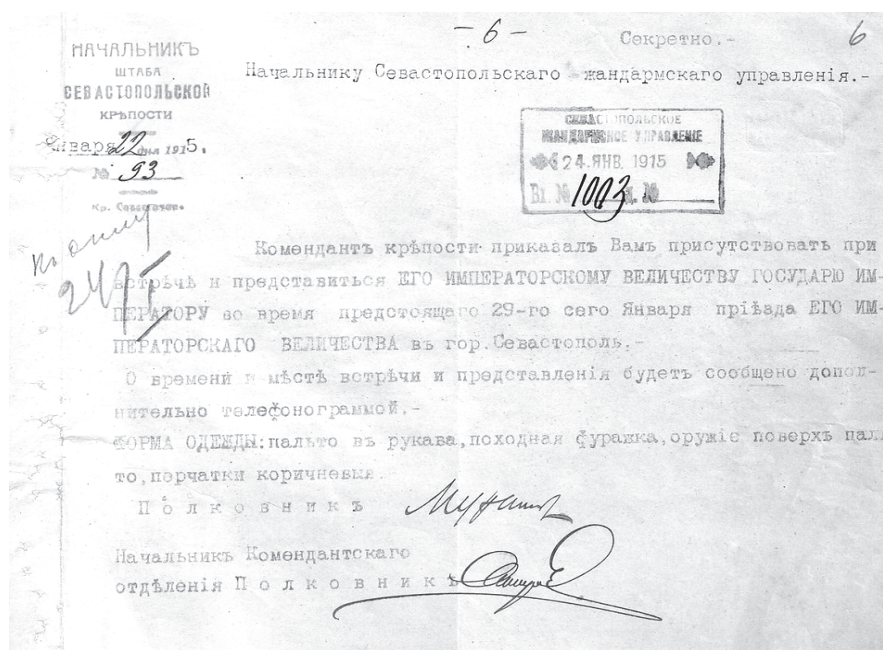

Рис. 1. Донесение начальнику Севастопольского жандармского управления [1, Л. 6]

В процессе подготовки мероприятий, связанных с безопасностью маршрута следования императора в Севастополе, был подготовлен список зданий и сооружений для обязательного осмотра членами комиссии:

- Капитан 1-го ранга Шплет	Все сооружения портового ведомства в 100 саж. полосе у полотна железной дороги
- Подполковник по Адмиралтейству Хрущов	Район доков Адмиралтейства до корабельной калитки
- Подполковник Шперлинг	Плавающая тюрьма и все сооружения в 100 саж. полосе от верстовой черты Килен-бухты
- Капитан 1-го ранга Ризенкамф	Пристрелочная (торпедная) станция
- Капитан по Адмиралтейству Иванов	Бойня хозяйственного Комитета Черноморского флота
- Капитан по Адмиралтейству Никифоров	Казармы и сооружения Морского ведомства в 100 саж. полосе от жел. дороги
- Коллежский советник Голубев	Госпиталь, Павловский мысок, обсерватория и Митрофаньевская церковь

- Лейтенант Матвеев (нач. связи ЧФ)	Радиостанция и гидроаэропланские сооружения
- Штабс-капитан по Адмиралтейству Алексеев	Панаиотова балка
- Штабс-капитан по Адмиралтейству Ладыгин	Местность вокруг Морских казарм
- Коменданту Севастопольской крепости	Казармы Бресткого полка у полотна жел. дороги и трамвая на Корабельной стороне

В тесном взаимодействии с жандармским городским управлением и градоначальством был подготовлен приказ № 28, не подлежавший оглашению, от лица севастопольского полицмейстера капитана К. Н. Бочарова, в котором были определены зоны ответственности в виде охраняемых участков, закрепленных за конкретным лицом. Так, первый охраняемый участок возглавил помощник пристава от Феодосийского полицейского управления Левчинский, в подчинение которому было передано 27 человек. Во втором охранном участке ответственным был назначен помощник пристава Феодосийского полицейского управления Рощенко, под началом которого находилось 36 человек, а третий охраняемый участок возглавил пристав Севастопольского полицейского управления Невзоров, в подчинение которому было передано 39 человек. Лишь за 4 ч до прибытия на станцию императорского поезда на эти охранные зоны должны были заступить на свои места назначенные сотрудники полиции. Ответственным за эти действия был назначен помощник городского полицмейстера А. М. Сухорелов. Однако это была лишь часть работы, которую необходимо было выполнить на сухопутном маршруте следования императора. Дело в том, что для охраны побережья Севастопольской бухты и главного рейда была задействована рейдовая партия траления. Сам факт того, что государь прибывал в крепость, действующую в условиях войны, накладывал огромную ответственность на организаторов охраны и создавал дополнительные трудности для них. Одна из главных задач, поставленных перед начальником рейдовой партии траления перед лейтенантом В. Скрыбиным, опытным морским офицером, стоявшего у истоков создания партии траления, заключалась в проверке на предмет отсутствия мин у ряда пристаней (см. прим. 4). Водолазы партии траления проверили Малую и Большую Царскую пристани, Графскую, Константиновскую, Экипажескую, Михайловскую, Инженерную и Госпитальную пристани в течение двух дней, 27 и 28 января 1915 г. [1, 23]. По окончании работ пристани были взяты под охрану. Одновременно с этим под охрану были взяты пристань в Перевозной балке (наряд из четырех человек), территория побережья от Артиллерийской бухты до Яхт-клуба (два человека) и от Яхт-клуба до пристани Русского Общества пароходства и Торговли (12 человек). Были задействованы чины Севастопольской крепостной жандармской команды под начальством подполковника Полянского, на которых, согласно инструкции жандармским командам от 19 октября 1895 г., была возложена задача по организации военно-полицейской службы на вверенном участке, а также осуществлению паспортного режима и контроля за всеми подозрительными личностями, появлявшимися в пределах вверенной им территории, и охране крепости и ее фортификационных сооружений от ведения разведки (см. прим. 5). Стоит отметить, что в дальнейшем деятельность крепостной жандармской команды и ее начальника была отмечена в благодарности августейшего самодержца, что позволяет судить об их работе, как весьма эффективной.

28 января 1915 г. все пристани были взяты под охрану чинами полиции. Одновременно с этим был проверен туннель под памятником адмиралу Корнилову, возле которого был должен проезжать Николай II. Эту задачу Глобачев возложил на ротмистра Козловского, который совместно с инженером градоначальства, начальником канализационных систем и членами городской управы выполнил эту неприятную, но важную задачу [1, 35]. Был проверен Владимирский собор, а также госпиталь РОКК, которые должны были удостоиться монаршего визита. Правда эту миссию поручили ротмистру А. П. Автомонову из Севастопольского жандармского управления. Еще одно лечебное заведение – Романовский институт физических методов лечения, осматривал

ротмистр Мавродин, который был главой проверяющей комиссии. Все сотрудники госпиталей, вневедомственных учреждений были проинструктированы и предупреждены об ответственности.

В результате деятельности Севастопольского жандармского управления удалось выяснить, что в городе проживают и находятся лица, состоящие под надзором и проходящие как неблагонадежные. Всего было выявлено 172 человека, из которых к высылке из города было подготовлено три лица, в отношении двух человек приняты меры к их недопущению к императорскому проезду, а 12 человек были помещены под негласный надзор чинов полиции.

Дополнительно под охрану чинами портовой полиции были взяты: дамба малого Мортонного эллинга, стена Докового Адмиралтейства, шлюпочный сарай, ворота около водокачки и Железнодорожный мост. В районе Павловского мыска был развернут пост в составе двух человек, а всего в указанных местах находилось 31 стражник, 7 старшин и 6 надзирателей, а также 3 городских [1, 44-45]. Была проверена восточная часть Южной бухты, примыкающая к железной дороге, и суда, находящиеся в ней. Командирам судов было сделано объявление о недопустимости пребывания штатских лиц на борту и прекращении всякого сообщения с берегом на время монаршего визита в Севастополь.

С целью проверки благонадежности личного состава штаб Севастопольского порта представил в жандармское управление список офицеров и нижних чинов, которые были определены для дежурства на Царской пристани во время пребывания государя в Севастополе. Был упорядочен контроль за лицами, прибывающими на Царскую пристань, причем для этого была разработана система пропусков (см. рис. 2). Передача пропусков посторонним лицам категорически запрещалась.

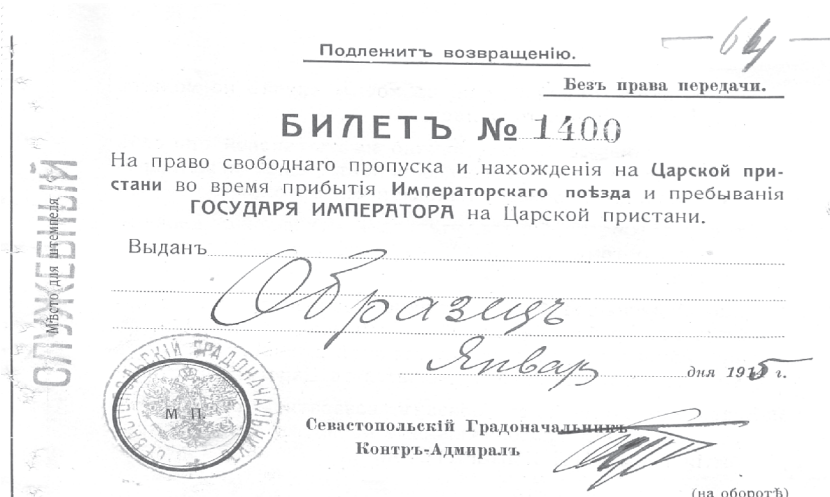

Рис. 2. Образец пропуска [1, Л. 64]

В дневнике императора Николая II поездке в Севастополь уделено фактически несколько строк. Так, дневниковая запись от 29 января гласит: «... Приехал в Севастополь в 10 ч. Обойдя массу представляющихся на пристани, сел в паровой катер и пошел к эскадре. Посетил флагманский корабль “Евстафий” и крейсер “Кагул”. Проходя мимо остальных судов, везде благодарил команды за боевую службу. Заехал также в морской госпиталь, где еще находились четыре раненых матроса. Вернулся в поезд к 12 1/2 ч. Завтракали высшие морские чины и Григорович. В 3 ч переехал через бухту и поднялся к морским казармам; сделал смотр молодым матросам... Отличный бодрый вид. Затем прошел в помещение школы юнгов и к памятнику адмирала Лазарева, откуда вернулся к катеру. После чая принял адм. Эбергарда и Григоровича. Обедали адмиралы и командиры судов 1-го ранга. Погулял полчаса на пристани. День и вечер были совсем тихие» (см. прим. 6). Следующий день в дневнике самодержца описан также весьма лаконично, однако из за-

писей можно сделать представление о маршруте движения и тех местах, которые лично посетил император: «Встал в 8 ч чудным солнечным утром. В 9 1/2 отправился на катере на северную сторону на инж. пристань и в моторе объехал все батареи сев. отдела, начиная с конца обороны приморского фронта с № 16-го, который первый подвергся огню “Гебена”. Обошел все укрепления пешком и благодарил офицеров и нижних чинов. Видел, как эскадра выходила в море в новый поход к Трапезунду. Посетил небольшой лазарет, где находились еще двое раненых артиллеристов. Вернулся в поезд в 12 1/2. Завтракал с сухопутным начальством. В 2 1/4 проехал через город и таким же образом осмотрел батареи южного фронта. Закончил осмотр самой новой бат. № 20-й, которая граничит с № 21-м около Балаклавы. Здесь было холодно, потому что дул свежий ветер с моря. Вернулся прямо в Севастополь. Посетил Тфекрасное учреждение – Романовский институт всяких лечений, где пользуются многие раненые офицеры. Заехал во Владимирский собор и в лазарет Красн. Креста. Вернулся около 6 1/2 на пристань, у которой стояла новая большая подводная лодка “Нерпа”, только что пришедшая из Ялты. Простился со всеми и в 7 1/2 тронулся в обратный путь. Ночь была теплая. Остался очень доволен видом войск гарнизона и морских команд» (см. прим. 6). Короткий визит императора завершился, но по его итогам участники удостоились монаршего благоволения, объявленного в виде приказа по гарнизону 31 января 1915 г. В приказе была объявлена благодарность градоначальнику контр-адмиралу Бурлею, начальнику Севастопольского жандармского управления полковнику Глобачеву, начальнику Севастопольской крепостной жандармской команды подполковнику Полянскому, Севастопольскому полицмейстеру Севастопольского градоначальства капитану Бочарову и чинам отдельного корпуса жандармов и полиции.

Визит императора завершился, прошел без происшествий, однако для этого пришлось приложить значительные усилия, потребовавшие опыта, знаний, распорядительности, жесткости. Фактически «... охрана императорской семьи во время их визитов в Крым была одной из важнейших задач местной политической полиции. Служба эта была сложной, и требовавшей... координации действий не только между собой, но также с дворцовой и личной охраной самодержца» (см. прим. 7). Испытание войной сотрудники ОКЖ, как и сотрудники Дворцовой полиции, выдержали успешно, им, действуя в сложных условиях военного времени, удалось решить проблему, связанную с обеспечением безопасности августейшей особы в период пребывания его на фронтах действующей армии, за пределами столицы Российской империи. Главным фактором эффективности предпринятых мер является то, что августейший визит прошел без происшествий, и каких бы то ни было попыток организации покушения или иных мероприятий, могущих создать угрозу для императорской особы, не было. Изучение архивных документов позволило проанализировать особенности организации охраны российского императора, кропотливую и, зачастую, действительно грязную работу, в которую оказывались вовлечены десятки и сотни людей, объединенных присягой, воинским долгом и чувством ответственности за выполняемую работу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Республики Крым. Переписка с начальниками штабов Севастопольской крепости и Севастопольского штаба об организации охраны во время пребывания в Крыму в 1915 году Николая II. – Ф. 556. – Оп. 1. – Д. 13.
2. Хутарев-Гарнишевский, В. В. Отдельный корпус жандармов и Департамент полиции МВД: органы политической сыска накануне и в годы Первой мировой войны, 1913-1917: автореф. дис. ... канд. истор. наук / Владимир Владимирович Хутарев-Гарнишевский. – М., 2011. – 29 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Пасечников, И. А. К вопросу о судьбе архивов органов политической полиции Таврической губернии / И. А. Пасечников // Наукова електронна бібліотека періодичних видань України.-Сіверщина в історії України: Зб. Наук. Праць. – К.: Глухів, 2010. – Вип. 3. С. 49-52. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dspace.nbuv.gov.ua/handle/123456789/68085>.
2. Зимин, И. В. Царская работа XIX – начало XX в. Повседневная жизнь Российского императорского двора / И. В. Зимин. – М., 2011. – 640 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://profilib.com/chtenie/99046/igor-zimin-tsarskaya-rabota-xix-nachalo-xx-v-115.php> (дата обращения 15.03.2017).

3. Глобачев Константин Иванович // Русская армия в Великой войне: картотека проекта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=4338> (дата обращения 16.03.2017).
4. Мельников, Р. М. Первые русские миноносцы. В составе бригады линейных кораблей / Р. М. Мельников // Малый флот. Корабли и катера малого флота [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cmboat.ru/rusmin/rusmin37/> (дата обращения 16.03.2017).
5. Качкин, А. Н. Формирование Владивостокской крепостной жандармской команды / А. Н. Качкин // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2013. – Вып. 1. – С. 61-65 // Научная электронная библиотека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-vladivostokskoy-krepostnoy-zhandarmskoy-komandy> (дата обращения 16.03.2017).
6. Дневники императора Николая II // Сайт «Военная литература» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://militera.lib.ru/db/nikolay-2/index.html> (дата обращения 17.03.2017).
7. Пасечников, И. А. Охрана членов императорской фамилии органами политической полиции Таврической губернии / И. А. Пасечников // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. – 2016. – Вып. 1. – Т. 12. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/ohrana-chlenov-imperatorskoy-familii-organami-politicheskoy-politsii-tavricheskoy-gubernii> (дата обращения 17.03.2017).

ПЕТРУНИНА Ж. В., ОПАЛЕЙ Г. Е.
БОРИС ВИКТОРОВИЧ ДАНЧИЧ – СОВЕТСКИЙ АРХИТЕКТОР И ГРАДОСТРОИТЕЛЬ (1892-1942)

Петрунина Ж. В., Опалей Г. Е.
Z. V. Petrunina, G. Ye. Opaley

**БОРИС ВИКТОРОВИЧ ДАНЧИЧ – СОВЕТСКИЙ АРХИТЕКТОР
И ГРАДОСТРОИТЕЛЬ (1892-1942)**

**BORIS VIKTOROVICH DANCHICH IS A SOVIET ARCHITECT
AND TOWN PLANNER (1892-1942)**

Петрунина Жанна Валерьяновна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории государства и права Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, г. Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8(4217)24-11-58. E-mail: petrunina71@bk.ru.

Ms. Zanna V. Petrunina – Doctor of History, Professor, Head of History of State and Law Department, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenin pr.; 8(4217)24-11-58. E-mail: petrunina71@bk.ru.

Опалей Галина Евгеньевна – студентка группы 6ДСм-1 Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, г. Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27, 8(4217)24-11-51. E-mail: adonet@mail.ru.

Ms Galina Ye. Opaley – Student of the group 6DSm-1, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, Lenin Avenue, 27; 8 (4217) 24-11-51. E-mail: adonet@mail.ru.

Аннотация. Город Комсомольск-на-Амуре обладает интересной историей, которая отражена в его архитектуре. Одним из архитекторов, который внёс большой вклад в город, был Борис Викторович Данчич. Под его руководством ленинградскими архитекторами был разработан генеральный план города. Комсомольск-на-Амуре стал в истории архитектуры примером комплексного подхода к структурированию городской среды. Также в его заслуги входят проекты жилых и общественных зданий для города. Борис Викторович Данчич талантливым образом решил сложнейшую архитектурную задачу – строительство крупного города «с нуля».

Summary. The city of Komsomolsk-on-Amur has an interesting history, which is reflected in its architecture. One of the architects who made a big contribution to the city was Boris Viktorovich Danchich. Under his leadership Leningrad architects developed the master plan of the city. Komsomolsk-on-Amur became an example of an integrated approach to structuring the urban environment in the history of architecture. We can include projects of residential and public buildings for the city in his merit. Boris Viktorovich Danchich solved the most complicated architectural problem – the construction of a large city "from scratch."

Ключевые слова: Дальний Восток, городская среда, архитектура, градостроение, планировка города.

Key words: far east, urban environment, architecture, urban planning, city planning.

УДК 72.9

Архитектурный облик современных городов России характеризуется тем, что новые возводимые здания очень часто строятся вне рамок ансамблей, без привязки к ближайшим ранее построенным объектам. Это нарушает сложившийся стиль городского квартала, приводит к тому, что город утрачивает свое уникальное лицо. При том, что темпы строительства в стране выше, чем 20 лет назад, возводятся новые города в районах новых промышленных проектов, актуально обращение к наследию тех отечественных архитекторов, которые имели опыт строительства новых городов с нуля по единому проекту. Одним из таких архитекторов-градостроителей был Б. В. Данчич.

Советский архитектор, градостроитель и художник Борис Викторович Данчич родился в городе Изюме. В 1912 году поступил на архитектурный факультет Императорской Академии ху-

дожеств (после революции – Высший художественно-технический институт), но из-за событий первой мировой войны и революции 1917 года смог закончить его только в 1925 году. Ведущим педагогом был Леонтий Николаевич Бенуа [1].

Начиная с 1927 года и до конца жизни, работал в ГИПРОМЕЗе – организации, осуществляющей проектирование металлургических заводов. В 1934 году ленинградский ГИПРОМЕЗ был расширен в ГИПРОГОР – Государственный институт проектирования городов.

Главными достижениями Б. В. Данчича стали генеральные планы городов Кривой Рог, Комсомольск-на-Амуре, Магнитогорск, Нижний Тагил, Уфа. Также он является автором акварелей, гуашей и рисунков в жанрах пейзажа, натюрморта, анималистической живописи и портрета.

Борис Викторович пережил самую тяжелую – первую – зиму блокады Ленинграда и скончался от истощения во время эвакуации в 1942 году.

К числу наиболее заметных достижений Б. В. Данчича принадлежит создание генерального плана города Комсомольск-на-Амуре.

Комсомольск-на-Амуре представляет собой город, построенный с нуля в 1930-е годы в рамках процессов индустриализации страны. Регион был избран для строительства авиационного и судостроительного заводов. Таким образом, город первоначально представлял собой две промышленные площадки будущих заводов и барачные поселки при них.

В 1934 г. «Дальпрогору» была поставлена задача – в кратчайшие сроки разработать генеральный план города в расчете на 300 – 400 тыс. чел. Проект определял места расположения парков (в том числе Силинского), медицинских учреждений, аэропорта, жилой застройки, вокзала, водных пристаней – грузовых и пассажирских. Хотя застройка в последующем формировалась в некоторых случаях стихийно, планирование улиц осуществлялось в точном соответствии с проектом. Застройка кварталов начиналась с возведения кирпичных домов по углам, как вех будущих улиц, а внутреннее пространство заполнялось деревянными домами. Город был сильно разбросан – его кварталы были разделены между собой достаточно большими участками тайги и отстояли далеко друг от друга. Большая часть улиц была не замощена.

Первая улица города, получившая имя С. М. Кирова, проходила через первую площадь города, названную Круглой. В 1948 г., когда на ней установили скульптуру С.М. Кирова, площадь, как и улица, стала носить его имя. Аллея Труда, пересекающая площадь им. Кирова, до войны обрывалась у Политехнического техникума. Дальше, до самого поселка Мылки, была непроходимая тайга. В городе пока не было единого архитектурного ансамбля, не было четко выраженного центра. В поселке «Дземги» застройка велась более упорядочено и большей частью кирпичными домами. Был построен комплекс административных зданий авиационного завода, застраивался Центральный проспект, улица Советская, построен самый большой стадион в городе и парк авиастроителей. Активно застраивался индивидуальными домами поселок «Победа».

Основу архитектурной композиции поселка Дземги (Ленинский район) составила ул. Первомайская (ул. Калинина), примыкающая по меридиану на север к Комсомольскому шоссе, и перпендикулярные ей ул. Советская и Центральный проспект. Улица Авиационная (ул. Уральская) замкнула все эти магистрали в огромный треугольник, примыкающий к территории авиационного завода. В течение пяти лет связь между Дземгами и селом Пермским осуществлялась по двум тропкам вдоль берега Амура и тропой через реку Силинку. В 1937 году была построена самая длинная улица города – Комсомольское шоссе, соединившая две строительные площадки, которые назывались «Город» и «Дземги», а сейчас Центральный и Ленинский округа.

Генеральный план развития города был разработан коллективом ГИПРОГОРа под руководством Б. В. Данчича в 1939 году. Он предусматривал создание совершенно нового «социалистического» города, который должен был стать не только реальным центром, но и подлинным символом советского освоения Дальнего Востока [2], воплощать архитектурную идеологию «города-сада».

Предложенный Б. В. Данчичем план был основан на идее двух равноправных городских центров. Такое нестандартное и на первый взгляд странное решение имело две объективные причины: 1) река Силинка делила городскую территорию на две части (современные Центральный и

Ленинский округа); 2) в городе строились два крупных предприятия, не связанных в единую технологическую цепочку.

Относительно правого берега реки Силинки (Центральный район) при строительстве удалось точно выдержать строго симметричную планировку. Предполагалось, что на практике именно Правосилинская часть возьмет на себя функции общегородского центра, поэтому здесь было начато строительство Дома Советов, городского театра и городского сада.

От реки Амур прямой проспект с центральной аллеей, застроенный типовыми домами, шел к Дому Советов (ныне – Мэрия), возле здания театра центральная аллея резко расширялась и превращалась в городской сад. Получавшаяся площадь имела полукруглую форму. Театр и сад находились на стороне основания. На противоположной стороне городского сада была запланирована огромная прямоугольная площадь перед Домом Советов [4]. Описанный проспект предположительно должен был получить название Красный.

Все улицы Центрального района были ориентированы на реку Амур и на будущий главный проспект – Ленина, соединяющий две части города. Таким образом, планировка в конечном счете восходила к классической планировке центра Санкт-Петербурга – Ленинграда. Планировка территории будущего Ленинского района предполагалась строго прямоугольной.

План 1939 года в целом не был реализован. Начавшаяся Великая Отечественная война заставила бросить все силы на достройку промышленных объектов. Многие задуманные Б. В. Данчиным здания не были построены. Красный проспект, получивший в реальности имя проспект Первостроителей, был застроен только спустя многие годы после Великой Отечественной войны – начиная с 1977 года. Характерно, что мифологема «городского центра», или «центральной улицы города», Комсомольска, сложившаяся в 30-е годы, существовала до конца 70-х годов. Вот что писали корреспонденты «Комсомольской правды» в те годы: «...В «Дальневосточном комсомольце» мы прочли, что там (в Комсомольске – В.С.) сейчас обсуждается проект застройки главной улицы города – проспекта Первостроителей. До сих пор ее преднамеренно откладывали, хотелось, чтобы этот проспект, находящийся в самом центре, стал достойным архитектурным памятником подвигу первых комсомольцев... Проспекту Первостроителей требовались поистине величественные сооружения. Поэтому, когда приезжие, видя в центре города пустое пространство шириной в сто метров и длиной в два километра, удивленно спрашивали, что это такое, жители города неизменно отвечали: «Потерпите! Здесь будет главный проспект!» [3, 206-207].

В настоящее время о генеральном плане 1939 года напоминает планировка Центрального округа города.

Проект Бориса Викторовича Данчица остается в истории архитектуры примером комплексного подхода к структурированию городской среды, талантливым образцом попытки решить сложнейшую архитектурную задачу – строительство крупного города «с нуля».

Безусловно, генеральный план г. Комсомольска-на-Амуре несет на себе отпечаток бурной и противоречивой эпохи индустриализации. В нем можно наблюдать высшую степень завершенности и порядка, высокую композиционную упорядоченность магистралей города, регулярную «классическую» планировку проспектов, которая выражалась в идеальной симметрии, а также в стройной, строго пропорциональной «неоклассицистской» архитектуре – в этом прослеживалась имперская, властная идея.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борис Данчич. Графика / Материал сайта Музея истории Санкт-Петербурга, 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.spbmuseum.ru/exhibits_and_exhibitions/93/48854.
2. Дороднов, Е. В. Подвиг на Амуре: Док. повесть / Е. В. Дороднов, Г. Н. Хлебников. – Хабаровск, 1967. – С. 18, 94.
3. Жуков, Ю. Начало города: Страницы из хроники 30-х годов / Ю. Жуков, Р. Измайлова. – Хабаровск, 1977.
4. КНАГА. Ф. 15. Оп. 2. Д. 26. Инв. № 382; Оп. 9. Д. 7. Л. 1, 2.

Михолап Я. В.
Ya. V. Mikholap

РАБОТА ПО БОРЬБЕ С КОРРУПЦИЕЙ В ПРИМОРСКОМ КРАЕ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1990-х ГОДОВ

ANTI-CORRUPTION EFFORTS IN PRIMORSKY REGION IN THE CONTEXT OF SOCIO-ECONOMIC TRANSFORMATION IN THE FIRST HALF OF 1990s

Михолап Яна Владиславовна – аспирант кафедры истории и архивоведения Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета; ведущий специалист отдела территориального комплексного развития и инвестиций администрации г. Комсомольска-на-Амуре (Россия, г. Комсомольск-на-Амуре); 681000, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Аллея Труда, 13; 8(4217)52-27-25. E-mail: mikholap.yana@yandex.ru.

Ms. Yana V. Mikholap – a postgraduate at the Department of History of State and Law, Komsomolsk-on-Amur State Technical University; leading specialist of territorial complex development and investment department (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681000, Komsomolsk-on-Amur, 13, Alleya Truda st.; 8(4217)52-27-25. E-mail: mikholap.yana@yandex.ru.

Аннотация. В предлагаемой работе рассмотрена деятельность по борьбе с коррупцией в Приморском крае в первой половине 1990-х годов. Выделены особенности развития коррупционной преступности в первые годы после распада СССР, характерные для данного региона. Изучена деятельность отдела администрации Приморского края по борьбе с коррупцией и преступностью и проанализированы ее итоги. По мнению автора, антикоррупционная деятельность в крае велась динамично и давала положительные результаты, но в силу высокой степени криминогенности в крае и несовершенства законодательной базы оставалось большое количество проблемных вопросов, требующих поиска решения.

Summary. The article examines the anti-corruption activity in Primorsky region in the first half of the 1990s. The development of corruption crimes in the first years after the USSR collapse, which are characteristic features for the region is investigated. The activity of anti-corruption and crime Department of the Primorsky Region Administration is studied and its result is analyzed. In the author's opinion, anti-corruption activities in the region were carried out dynamically and gave positive results, but due to the high degree of criminality in the province and the imperfection of the legislative base, there remained a large number of problematic issues requiring a solution.

Ключевые слова: Приморский край, страны АТР, ресурсы, криминогенная обстановка, нелегальный вывоз, противодействие коррупции, правоохранительные органы, взяточничество, законодательная база, система мотивации.

Key words: Primorsky region, Countries of the Asia-Pacific region, resources, criminal situation, illegal export, anti-corruption, law enforcement, bribery, legislative framework, motivation system.

УДК 94

Развал Советского союза в 1991 году привел к всплеску коррупционной активности в новообразованном государстве. Стремительный рост преступлений, имеющих коррупционную составляющую, был обусловлен дезорганизацией власти, несовершенством законодательной системы, позволяющим с легкостью обходить законы, повальной приватизацией государственных предприятий и быстрым обогащением небольшой прослойки общества на фоне постоянного ухудшения уровня жизни населения страны. Стоит отметить, что в удаленных от центра регионах ситуация с уровнем коррупционной преступностью обстояла немногим лучше столицы. С учетом того, что некоторые субъекты РФ обладали широким спектром ресурсов и, соответственно, наличием огромного числа возможностей получения нелегального дохода, темпы роста коррупционной преступности постоянно росли, а в некоторых регионах значительно превышали средние показа-

тели по стране. Сложившаяся критическая ситуация не оставляла никаких сомнений в необходимости создания законодательной базы по противодействию коррупции, которая бы могла отвечать вызовам современности на федеральном и региональном уровнях. Первым нормативным правовым актом в РФ в этой области стал Указ президента России Б. Н. Ельцина № 361 «О борьбе с коррупцией в системе государственной службы», подписанный им 4 апреля 1992 года, который позднее лег в основу законопроектов «О борьбе с коррупцией» (Федеральный закон «О противодействии коррупции» № 273-ФЗ был принят только спустя 16 лет в 2008 году) и «Об основах государственной службы Российской Федерации» («Об основах государственной службы Российской Федерации» № 119-ФЗ был принят 31.07.1995). Этот указ стал отправной точкой в создании законодательной основы по борьбе с коррупционными проявлениями по всей стране, потому как именно после вступления его в силу региональное правительство стало заниматься разработкой собственной системы противодействия коррупционным проявлениям. Регионы, богатые различного рода ресурсами, всегда в большей степени подвергаются коррупционному воздействию. Ярким примером является Приморский край, на территории которого располагаются десятки портов с многомиллионным торговым оборотом, как с субъектами РФ, так и со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Незаконный ввоз автомобилей и запчастей из Японии, нелегальный вылов морских биоресурсов с целью последующей продажи за рубеж, теневой экспорт лесных ресурсов, незаконная добыча природных ископаемых, оборот наркотических средств и другое ставили проблему коррупции во главу угла.

В Приморском крае активная работа по созданию действующих механизмов борьбы с коррупционными преступлениями началась после назначения указом президента России на должность главы администрации (губернатора) Е. И. Наздратенко в мае 1993 года и с создания в том же году отдела по борьбе с коррупцией и преступностью во главе с А. А. Заболотниковым. Он был утвержден распоряжением главы администрации края № 534 от 05.08.1993 г. и специализировался на проверке хозяйственно-финансовой деятельности глав администрации городов края и на проведении анализа состояния и основных тенденций развития криминогенной обстановки в крае, производил проверки по жалобам граждан в адрес администрации на нарушения их прав должностными лицами, в том числе народных судов и прокуратуры [6]. Учитывая, что Приморский край являлся одним из ведущих экспортеров леса на Дальнем Востоке в страны Северо-Восточной Азии (Китайскую Народную Республику, Японию и Республику Корея), эта прибыльная отрасль экономики региона была крайне криминализована и коррумпирована. Так как деловая древесина вывозилась с территории края лесовозами без каких-либо документов, то реальные объемы вывоза леса значительно превышали официальные показатели [5]. Для борьбы с проблемой бесконтрольного вывоза деловой древесины силами УВД края была разработана и периодически проводилась операция «Лес», в ходе которой выявлялись факты незаконной порубки и транспортировки древесины ценных пород без соответствующих документов. Немаловажной проблемой в регионе являлся практически неподдающийся контролю поток мигрантов из стран Азии, который попытались решить совместно с УВД края путем внедрения механизма по упорядочению режима пребывания иностранных граждан на территории Приморского края и проведения совместного регулирования силами УВД, армии, флота в населенных пунктах края. Была создана программа по укреплению органов охраны правопорядка. В общем за первый год работы отдела были проведены проверки в администрациях: г. Уссурийска, г. Большой Камень, г. Дальнереченска, г. Шкотово-17, Кавалеровского, Шкотовского и Пограничного районах, по итогам которых за нарушение финансовой дисциплины (от нецелевого использования бюджетных средств до дачи беспроцентных кредитов коммерческим организациям) от должности были отстранены глава города Уссурийска и глава Кавалеровского района [6, 9].

В силу своего географического расположения богатый ресурсами Приморский край наиболее подвержен коррупционному влиянию в различных сферах экономики, и меры, проводимые отделом, оказали влияние на рост числа зарегистрированных фактов взяточничества в Приморском крае. Так, в 1993 г. было выявлено 4497 фактов взяточничества, что на треть больше по сравнению с 1992 г. (3331 факт), а в 1994 г. – 4919 фактов, что уже в полтора раза больше в сравнении

с тем же периодом [2], однако вследствие еще не до конца отработанной системы работы отдела по борьбе с коррупцией и преступностью, небольшой численности и ограниченных полномочий результаты работы не дали ошеломительного результата. Кроме того, так как объектом коррупции являются должностные лица, распоряжающиеся материальными, финансовыми и иными ресурсами, имеющими спрос на теневом рынке, а корни коррупции напрямую связаны с приоритетом социальных устремлений человека над правовыми, моральными и этическими нормами, то естественное желание улучшения своего материального положения и повышения социального статуса делает проблему искоренения коррупции достаточно сложной в решении и требует комплексного подхода, который бы предусматривал помимо системы наказания за коррупционные правонарушения систему мотивации государственных и муниципальных служащих. Поэтому в ежегодных отчетах руководитель отдела отмечал необходимость привести в соответствие уровень заработной платы чиновника со стоимостью ресурсов, которыми он распоряжается. Причем потеря зарплаты в случае наказания – ничто в сравнении с полученной выгодой. Уголовная ответственность наступала лишь в случае установления факта взятки, что весьма трудно было доказать, особенно при использовании косвенных способов получения вознаграждения. И на тот момент фактически не существовало перечня четко оговоренных запретительных норм, которые могли бы обозначить и ограничить сферу действий коррупции, сферу ее поиска правоохранительными органами, что значительным образом усложняло работу правоохранительных органов и развязывало руки коррупционерам [6].

ЛИТЕРАТУРА

1. Анализ состояния и основных тенденций развития криминогенной ситуации в крае // Отдел администрации края по борьбе с коррупцией и преступностью. – Владивосток: ГАПК – Фонд 1694. Опись 1. Ед. хр. 112. Л. 48.
2. Басова, Т. Б. Тенденции взяточничества в России и Приморском крае Владивостокский центр исследования организованной преступности / Т. Б. Басова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.crime.vl.ru/index.php?p=912&more=1&c=1&tb=1&pb> (дата обращения 11.02.2017).
3. Документы об исполнении законодательства, регламентирующего деятельность органов местного самоуправления за 1994 г. – Владивосток: ГАПК – Фонд 533. Опись 1. Ед. хр. 946.
4. Документы (справки, информация, служебные записки) о финансовом положении Приморского края, особенностях экономики Приморского края. – Владивосток: ГАПК – Фонд 1694. Опись 1. Ед. хр. 492.
5. Загоруйко, А. Лесные войны с нелегалом / А. Загоруйко // Арсеньевские вести. – 2003. – № 21(532). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.arsvest.ru/archive/issue532/economy/view3102.html> (дата обращения 15.02.2017).
6. Отчет от деятельности в 1993 г. отдела администрации края по борьбе с коррупцией и преступностью. – Владивосток: ГАПК – Фонд 1694. Опись 1. Ед. хр. 112. Л. 1.
7. Протоколы заседаний межведомственной комиссии по борьбе с преступностью и коррупцией за 1994 год (19.04.1994-08.12.1994). – Владивосток: ГАПК – Фонд 1694. Опись 1. Ед. хр. 233. Л. 185.
8. Протоколы заседаний межведомственной комиссии по борьбе с преступностью и коррупцией за 1995 год (13.03.1995-25.10.1995). – Владивосток: ГАПК – Фонд 1694. Опись 1. Ед. хр. 356. Л. 59.
9. Справка о работе за 1993 отдела администрации края по борьбе с коррупцией и преступностью. – Владивосток: ГАПК – Фонд 1694. Опись 1. Ед. хр. 112. Л. 2.
10. Указ Президента РФ от 04.04.1992 № 361 «О борьбе с коррупцией в системе государственной службы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_431/ (дата обращения 23.03.2017).

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ
PEDAGOGY AND PSYCHOLOGY

Наливайко Т. Е., Шинкорук М. В.
T. Ye. Nalivayko, M. V. Shynkoruk

**ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ СРЕДА УНИВЕРСИТЕТА: ВОЗМОЖНОСТИ
ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ**

**EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF THE UNIVERSITY: THE POSSIBILITIES
OF INNOVATIVE DEVELOPMENT**

Наливайко Татьяна Евгеньевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии профессионального образования Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, г. Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, д. 27; 8-4217-53-98-25. E-mail: tenal@knastu.ru.

Ms Tatiana Ye. Nalivayko – Doctor in Education, Professor, Vice-rector for Academic and Psychological Work in Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 27 Lenin Avenue, Komsomolsk-on-Amur, zip code 681013; 8-4217-53-98-25. E-mail: tenal@knastu.ru.

Шинкорук Марина Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, г. Комсомольск-на-Амуре); 681013, ул. Вокзальная, д. 48/1, кв. 21; 8-4217-27-28-05. E-mail: mari-shinkoruk@yandex.ru.

Ms Marina V. Shynkoruk – PhD in Pedagogy, Associate Professor, Pedagogy and Psychology Department, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 48/1 Vokzalnaya Street, apt 21, Komsomolsk-on-Amur, zip code 681013; 8-4217-27-28-05. E-mail: mari-shinkoruk@yandex.ru.

Аннотация. В статье представлены возможности инновационного развития воспитательной среды университета через реализацию совокупности мероприятий, направленных на формирование новой идентичности университета как центра позитивных изменений и инновационного развития города и региона.

Summary. The article presents innovative development of the university educational environment through the measure implementation aimed at creating a new university identity as a center for positive changes and innovative city and region development.

Ключевые слова: инновации, развитие, воспитательная среда, вуз.

Key words: innovation, development, educational environment, university.

УДК 378

Большой энциклопедический словарь [2] определяет новацию как что-либо новое, только что вошедшее в обиход, новшество. Под инновациями принято рассматривать такое нововведение, которое имеет в качестве результата (или сопровождается) стойкий экономический эффект. Такой подход применительно к социальным системам не всегда представляется оправданным, что стимулирует поиск новых критериев и показателей инновационного развития. В качестве таковых выдвигаются улучшение качества жизни (инновации в социальной сфере), качества образования (инновации в системе образования), качества воспитательного процесса (в воспитательных системах) [9].

В высшем образовании инновации рассматриваются в качестве доминирующего фактора развития, обеспечивающего современному вузу конкурентоспособность в условиях нарастающей динамики социальных изменений.

Многообразие перспектив инновационного развития вуза стимулирует исследователей к всестороннему анализу механизмов, факторов, условий и конкретных воплощений инноваций в образовательном пространстве современного университета. Рассматриваются возможности инноваций в организации непрерывного образования в системе «колледж – вуз» [3]; описаны проблемы

и возможные пути их решения в организации малых инновационных предприятий как возможности коммерциализации деятельности вуза [4]; освещено инновационное развитие вузов в контексте инновационного развития экономики [5; 7; 8]; представлена роль инновационной деятельности вуза в развитии города и региона [1; 3; 4; 6; 7; 8; 10]; уделено достаточное внимание и отдельным организационным формам и образовательным средствам в воплощении инновационного потенциала университета. Между тем роль и возможности воспитательной деятельности, являющейся сегодня основным механизмом инновационного социально-культурного развития университета, представлены весьма скромно и заслуживают более широкого представления.

Инновационное развитие воспитательной среды вуза – это долгосрочные инициативы, основанные на использовании новых воспитательных средств, способствующие социализации и профессиональному становлению студентов, профессиональному развитию преподавателей, а также наращиванию и расширению социально-культурного потенциала околотовузовской среды.

В качестве одной из таких инициатив может выступать совокупность мероприятий, направленных на формирование новой идентичности университета как центра позитивных изменений и инновационного развития города и региона.

Целью данного блока мероприятий является построение сильного бренда – Университет региона, центра позитивных изменений и инновационного развития города и региона; обеспечение приобретения им узнаваемости и известности, положительной репутации и потребительской лояльности.

Блок представлен следующими мероприятиями:

1) *Ребрендинг и продвижение нового бренда университета в регионе*, направленное на формирование новой идентичности университета как центра позитивных изменений, разработку системы действий по актуализации и управлению новым брендом.

Целью данного мероприятия выступают ребрендинг и разработка инструментов продвижения нового бренда университета как уникальной организации в целом.

Задачами мероприятия являются:

- создание привлекательного образа университета как центра позитивных изменений города и региона, площадки для коммуникации в формате брендинга;
- оценка эффективности интегрированных коммуникаций продвижения бренда университета, в том числе интернет-коммуникаций;
- бренд-билдинг: создание вербальных и визуальных характеристик нового бренда университета, в том числе нового имени – университет, для инновационного развития города и региона, разработка брендбуков на английском, китайском и русском языках;
- формирование новой идентичности университета как регионального центра инновационного развития города и региона;
- разработка и реализация стратегии информирования об университете в СМИ, в том числе комплексного продвижения опорного университета в социальных сетях, ведущих газетах и журналах региона.

Результатами решения вышеперечисленных задач будут:

- запуск новой бренд-платформы университета;
- формирование новой идентичности университета, воспринимаемой всеми заинтересованными региональными сообществами при разработке стратегических документов развития;
- расширение представительства ученых и активной студенческой молодежи университета в деятельности экспертных сообществ в вопросах инновационного развития города и региона, экспертное регулирование инновационной деятельности;
- закрепление ведущей роли опорного университета в инновационном развитии города и региона.

2) *Создание программы «Университетский кампус как элемент туристической инфраструктуры города и региона» и ее интегрирование в краевую программу по развитию промышленного туризма на высокотехнологичные предприятия региона.*

Мероприятие направлено на разработку и реализацию системы имиджевых событий, ориентированных на продвижение новой идентичности университета для включения объектов кампуса (инфраструктуры) опорного университета в краевую программу по развитию промышленного туризма на высокотехнологичные предприятия региона.

Цель мероприятия – создание и реализация системы имиджевых событий университета, способствующих положительной динамике развития промышленного туризма и вхождению в краевую программу промышленного туристического кластера.

В задачи мероприятия входят:

- развитие университетского кампуса как элемента туристической инфраструктуры города и региона (включение студенческих общежитий, пунктов организации питания и медицинских услуг в каникулярный период в перечень инфраструктурных объектов туристического кластера);
- организация конструктивного диалога с экспертным сообществом, форсайт-сессий, форумов по поддержке гражданских инициатив, молодежных митапов для формирования новой идентичности университета как значимого объекта промышленного туристического кластера региона;
- интеграция деятельности учебно-исторического музея университета в систему событийного туризма города и региона;
- усиление влияния университета на развитие межрегионального и международного молодежного туризма.

Результатами решения вышеперечисленных задач будут:

- разработка и аккредитация туристических маршрутов на технические и социально-культурные объекты инфраструктуры вуза (технопарк, центр робототехники, опытовый бассейн, лаборатории самолетостроительного факультета, музей, объекты спортивного комплекса и военной кафедры);
- существенное увеличение численности молодежи, связывающей будущую трудовую деятельность с работой на промышленных предприятиях города и края;
- дополнительный приток в город и регион туристов (в том числе школьников и молодежи), ориентированных на имиджевые события высокотехнологичных предприятий региона и университета;
- увеличение численности волонтеров из числа молодежи города и региона для сопровождения деятельности туристического кластера в целом.

3) *Программа «Молодежные проекты – городу и региону»*, направленная на поддержку молодежных СМИ, создание условий для поддержки студенческих инициатив.

Целевым ориентиром данного мероприятия выступает создание единого информационного пространства, объединяющего студенческие и молодежные СМИ (газеты, журналы, студенческое телевидение) города для вовлечения студенческого сообщества в социально значимые проекты университета, города и региона.

Задачи мероприятия составляют:

- создание наиболее предпочтительных форм молодежных медиа (мобильное приложение, веб-сервис, инфографика и др.) для освещения социально значимых проблем развития региона;
- приобретение навыков организации стартапов в сфере производства медиаконтента, интенсификация передачи навыков и знаний в области современных медиатехнологий между студентами и экспертами;
- вовлечение молодежи в деятельность университетских средств массовой информации, а также создание и продвижение медиаконтента, ориентированного на популяризацию истории, культуры, перспектив развития региона, успехов и достижений его жителей.

Результатами решения вышеперечисленных задач будут:

- открытие и обеспечение деятельности лаборатории современных медиатехнологий опорного университета в рамках студенческого проекта «ИнтерактивМедиа» с привлечением экспертного сообщества в области медиатеатральности;

- формирование у молодых людей устойчивых и долгосрочных связей с тем местом, где они родились, живут и учатся, осознание ими возможностей и перспектив самореализации в городе и регионе.

Таким образом, воспитательная среда современного вуза создаёт богатые возможности развития университета как социально-культурного центра города и региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бовкун, А. С. Проблемы сотрудничества вузов в инновационном развитии регионов / А. С. Бовкун, О. О. Каймонова // Проблемы развития экономики и предпринимательства. – 2016. – С. 19-23.
2. Большой Энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/214046>.
3. Захарчук, Л. М. Инновационные подходы к развитию региональной системы непрерывного образования: социальный колледж-вуз / Л. М. Захарчук // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2012. – № 3(103). – С. 41-45.
4. Ильин, А. Б. Управление развитием интеллектуального потенциала территории посредством малых инновационных предприятий при вузах / А. Б. Ильин // Управленческие науки в современном мире. – 2015. – Т. 1. – № 1. – С. 394-397.
5. Кауфман, Н. Ю. Инновационное развитие вузов как фактор конкурентности экономического развития / Н. Ю. Кауфман, Е. В. Ширинкина // Теория и практика современной науки. – 2016. – № 2(8). – С. 201-204.
6. Пухова, М. М. Влияние инновационной инфраструктуры вузов на развитие промышленности регионов России / М. М. Пухова, Ю. М. Грузина, Х. П. Харчилава // Муниципальная академия. – 2016. – № 3. – С. 26-34.
7. Савкина, Р. В. Роль вузов в инновационном развитии экономики России / Р. В. Савкина // Научный альманах. – 2015. – № 10-1(12). – С. 368-374.
8. Симонян, Р. Я. Российский вуз как объект и предмет управления инновационным развитием в контексте системы качества образования / Р. Я. Симонян, Е. А. Лясковская // Экономика, управление и инвестиции. – 2016. – № 1(11). – С. 4.
9. Сумнительный, К. Инновации в образовании. Вектор развития и основная реальная практика / К. Сумнительный [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mos-cons.ru/file.php/1/innov_v_obrazov/innov_v_obrazov.htm.
10. Терещенко, Д. С. Место и роль вузов в инновационном развитии регионов России / Д. С. Терещенко, В. С. Щербаков // Региональная экономика: теория и практика. – 2016. – № 12(435). – С. 165-177.

Анкудинова М. А.
M. A. Ankudinova

**СОВПАДАЮЩИЕ ПО ПЛАНУ ВЫРАЖЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ
(НА ПРИМЕРЕ ПЕЧАТНОГО ИЗДАНИЯ «COSMOPOLITAN»)**

**LEXICAL UNITS MATCHING IN THE PLANE OF EXPRESSION
(BASED ON PRINTED ISSUE OF «COSMOPOLITAN»)**

Анкудинова Мария Андреевна – аспирант кафедры русского языка и литературы Амурского государственного педагогического университета (Россия, г. Комсомольск-на-Амуре); 681000, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Кирова 17, корп. 2. E-mail: mari_gm@mail.ru.

Ms. Maria A. Ankudinova – a post-graduate student, Russian Languages and Literature Department, Amur State Pedagogical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681000, Komsomolsk-on-Amur, str. Kirova 17 – 2. E-mail: mari_gm@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена совпадающим по плану выражения лексическим единицам на примере печатного издания «Cosmopolitan» за второе полугодие 2016 года. Выбранные лексические единицы классифицируются и разбираются с точки зрения их написания и произношения.

Summary. This article is devoted to lexical units matching in the plane of expression based on the printed issue of the «Cosmopolitan», counting the issues of the second half of 2016. Lexical units were classified and analyzed, based on their writing form and pronunciation.

Ключевые слова: лексические единицы, написание, произношение.

Key words: lexical units, writing form, pronunciation.

УДК 81:1

Современный мир полон различных тенденций, и они могут нести в себе много нового и лингвистически интересного. Журнал «Cosmopolitan» является международным женским журналом, чье описание начинается со слов: «Последние модные тренды и бьюти советы на каждый день». Как можно заметить, уже в первом предложении присутствуют два слова, заимствованных из английского языка: тренды – trend (пер. общее направление, тенденция) и бьюти – beauty (пер. красота) – тенденции и красота, соответственно. Нам стало интересно, какие еще слова могут скрываться на страницах этого журнала, и нами были исследованы выпуски за второе полугодие 2016 года [1].

Изучая страницы журнала, мы выявили ряд лингвистических единиц на русском языке, совпадающих либо по произношению, либо по написанию со словами английского языка. Тематика данных лингвистических единиц различна: от косметических средств и процедур до названий профессий, от видов спорта до предметов одежды – это слова, используемые в ежедневном общении или же узкоспециализированные термины. Объединяет этот широкий тематический ряд одна особенность – на страницах журнала был использован вариант слова, заимствованный из английского языка при помощи транскрипции или транслитерации.

Если говорить о косметике и косметических процедурах, то тут следует учитывать то, что многие косметические продукты, представленные в журнале, были произведены в англоязычных странах – этот же принцип относится и к косметическим процедурам. Такой же пример представляют собой слова, обозначающие предметы одежды, виды спорта и профессии. У многих из этих слов нет эквивалентов в русском языке, и они были заимствованы при помощи транслитерации или транскрипции. Данные лексические единицы не всегда закреплены в словарях русского языка, но они могут быть зарегистрированы как торговые марки. Интерес для нашего исследования пред-

ставляет тот факт, что в журнале была использована лексическая единица, совпадающая в плане выражения с английским языком. Мы не можем утверждать, как часто встречаются данные слова в других источниках русского языка (словарных, литературных или других), если используются вовсе: но они были использованы на страницах журнала как минимум один раз [1].

Следует так же отметить, что особенностью журнала «Cosmopolitan» является большое количество статей, повествующих о жизненном опыте тех или иных людей, инструкций по макияжу или поиску работы, личных историй отношений, планов на будущее и так далее. Соответственно, распространенным является повествование от первого лица. В статьях журнала нами было найдено множество слов, имеющих аналог в русском языке, однако автор той или иной статьи использовал именно транслитерированную форму английского слова. Селфи (а.я. selfie), мейкап (а.я. make-up), бьюти-тренды (а.я. beauty), девайс (а.я. device), мастхэв (а.я. must-have), хэппи энд (а.я. happy end), респект (а.я. respect), фуд-фестиваль (а.я. food) – все эти слова встречаются в контексте без объяснений часто с окончаниями и дополнениями. У создателей журнала не возникает сомнений, что читатель их не поймет. Авторы статей ведут открытый диалог и пользуются своим правом использовать те слова, которые им нравятся [1; 2].

Например, лифтинг-эффект остается лифтинг эффектом (а.я. lifting), пилинг – пилингом (а.я. peeling), а контуринг – контурингом (а.я. contouring). Без знания английского языка сложно понять значение этих слов с первого раза, однако подразумевается, что читатели знают о косметических процедурах подтяжки, очищения и коррекции формы лица. Тот же принцип применяется к непосредственно косметическим продуктам – подводка для глаз остается лайнером (а.я. liner), пудра для автозагара – бронзером (а.я. bronzer), помада-карандаш – помадой-стик (а.я. stick), а кислородная маска – бабл-маской (а.я. bubble) [1; 2; 3].

На страницах журнала нам также встретились следующие слова, используемые для обозначения профессий. Ряд слов, закрепленных в словарях, как бизнесмен (а.я. businessman) или бизнесвумен (а.я. businesswoman), диджей (а.я. DJ), топ-менеджер (а.я. top-manager), блоггер (а.я. blogger). И наряду с ними следующие наименования: рекрутер (а.я. recruiter), или работник отдела кадров, занимающийся подбором персонала; коуч (а.я. coach), или тренер; трейдер (а.я. trader) – сотрудник брокерской фирмы, осуществляющий куплю-продажу ценных бумаг на бирже; хэдхантер (а.я. headhunter) – дословно охотник за головами, человек, который подбирает персонал для заинтересованных компаний; трендватчер (а.я. trendwatcher) – человек, который следит за тенденциями; тьютор (а.я. tutor), или репетитор [1; 2; 3].

Одним из постоянных разделов журнала «Cosmopolitan» является раздел, посвященный моде (fashion-раздел; от а.я. fashion – пер. мода). Соответственно, встречается множество слов, относящихся к тематике предметов одежды и украшений: клатч (а.я. clutch), бомбер (а.я. bomber), свитшот (а.я. sweatshirt), свитер-оверсайз (а.я. oversize), худи (а.я. hoodie), лонгслив (а.я. long-sleeve), серьги-шандельеры (а.я. chandelier). Человеку, далекому от мира моды, данные слова могут показаться просто набором букв. Впрочем, в журнале большинство предметов одежды представлено картинками, имея зрительный образ можно догадаться о значении этих слов. Приведем вам значения некоторых из них: свитшот (а.я. sweatshirt) – разновидность свитера, скроенная наподобие толстовки; свитер-оверсайз (а.я. oversize) – свитер большего размера; худи (а.я. hoodie) – куртка с капюшоном; лонгслив (а.я. long-sleeve) – футболка с длинным рукавом; чокер (а.я. choker) – плотно облегающее шею украшение; серьги-шандельеры (а.я. chandelier) – серьги, напоминающие люстры [1; 2; 3].

Слова, представляющие виды спорта, также встречаются на страницах печатного издания: стретчинг (а.я. stretching), или растяжка; сайклинг (а.я. cycling), или езда на велосипеде; пауэрлифтинг (а.я. powerlifting), или силовое троеборье; хайкинг (а.я. hiking), или пешеходная прогулка; снорклинг (а.я. snorkling), плавание с трубкой и маской; вейксерфинг (а.я. wakesurfing) – катание на волнах впереди идущего катера; кайтсерфинг (а.я. kitesurfing) – катание под действием силы тяги, развиваемой удерживаемым и управляемым спортсменом воздушным змеем [1; 2; 3].

Все выделенные лингвистические единицы были классифицированы следующим образом:

- 1) совпадающие по написанию;
- 2) совпадающие по произношению;
- 3) совпадающие по написанию и произношению.

Суммируя вышеперечисленную информацию: данные слова встретились нам минимум один раз, не проводился статистический сбор и углубленный анализ слов, за исключением основного критерия – слова должны совпадать в русском и английском языках. В данном случае мы учитываем как транскрипцию, так и транслитерацию оригинального английского слова.

Рассмотрим данную классификацию непосредственно на примере лексических единиц. Важно отметить, что, несмотря на принадлежность к той или иной категории, слово может частично отличаться от требований группы. Данные отличия будут указываться, в случае необходимости будет представлено объяснение того, почему слово было причислено к конкретной категории.

Лексические единицы русского и английского языков, совпадающие по написанию

Начнем наш анализ с лексических единиц, совпадающих по написанию. В данном случае мы говорим о буквенной составляющей лексических единиц, то есть о количестве букв и их порядке в слове.

В целях упрощения категоризации лексических единиц они будут представлены следующим образом: слово на английском языке, его транскрипция – слово на русском языке.

Ambassador – [æm' bæsədə] – **амбассадор** [1; 2].

Как мы видим, в обоих словах совпадает количество и порядок букв. Звуковая составляющая слова отличается следующим образом: гласные звуки – а [æ] (ч. – э) в первом и втором слоге, о [ə] (ч. – слабый е) в третьем слоге и – о [ə] (ч. – слабый е) в четвертом, удвоенные согласные – ss [s] и немая – г на конце слова. Сравнение транскрипции и транслитерации слова: эмбэседе – амбассадор. В качестве транскрипции записывается версия транскрипции слова русскими буквами.

Filler – ['fɪlə] – **филлер** [1; 2].

Количество букв совпадает полностью. Звуковая составляющая слова отличается следующим образом: удвоенные согласные – ll [l] и немая – г на конце слова. Сравнение транскрипции и транслитерации слова: филе – филлер.

Sculpturing – ['skʌlptʃərɪŋ] – **скульптуринг** [1; 2].

Количество букв не совпадает по причине того, что буква – л в русском варианте слова является палатализованной, в то время как в английском слове – l твердая. Еще одно отличие заключается в букве – с, которая в английском языке может выражаться двумя звуками – [s] и [k], в данном случае читается звук – [k] и к, соответственно. Звуковая составляющая слова отличается следующим образом: гласный звук – u [ʌ] (ч. – а), согласный – t читается звуком – [tʃ] (ч. – ч), гласный – u [ə] (ч. – слабый е), сочетание – ng читается звуком – [ŋ] (ч. – носовой н). Сравнение транскрипции и транслитерации слова: скалпчерин – скульптуринг.

Stretching – ['strætʃɪŋ] – **стретчинг** [1; 2].

Количество букв отличается из-за сочетания букв – ch [tʃ] (ч. – ч), данные буквы в русском варианте слова заменяются буквой – ч, то есть на транскрипцию данного звука. Звуковая составляющая слова отличается следующим образом: согласная – t не присутствует в транскрипции английского слова, сочетание – ng читается звуком – [ŋ] (ч. – носовой н). Сравнение транскрипции и транслитерации слова: стречин – стретчинг.

Paddle-board – ['pædl-bɔ:d] – **паддл-боард** [1; 2].

Количество букв не совпадает: конечная немая – e на конце первого слова не читается в английском варианте слова и не присутствует в русском варианте. Звуковая составляющая слова отличается следующим образом: гласный звук а [æ] (ч. – э), удвоенные согласные – dd [d] (ч. – д), сочетание гласных – oa [ɔ:] (ч. – долгий о), нечитаемая согласная – r. Сравнение транскрипции и транслитерации слова: пэдл-бод – паддл-боард.

Dress-crossing – [dres- 'krɒsɪŋ] – **дресс-кроссинг** [1; 2].

Количество букв совпадает полностью. Звуковая составляющая слова отличается следующим образом: удвоенные согласные – ss [s] в первом и втором слове, сочетание – ng читается зву-

ком – [ŋ] (ч. – носовой н). Сравнение транскрипции и транслитерации слова: дрес-кросин – дресс-кросинг.

Follower – [ˈfɒləʊə] – **фолловер** [1; 2].

Количество букв совпадает полностью. Звуковая составляющая слова отличается следующим образом: удвоенные согласные – ll [l], сочетание букв – ower читается трифтонгом – [əʊə] (ч. – оуэ) и немая – г на конце слова. Сравнение транскрипции и транслитерации слова: фолоуэ – фолловер.

Bestseller – [ˌbestˈsɛlə] – **бестселлер** [1; 2].

Количество букв совпадает полностью. Звуковая составляющая слова отличается следующим образом: удвоенные согласные – ll [l] и немая – г на конце слова, как и в слове filler. Сравнение транскрипции и транслитерации слова: бестселе – бестселлер.

Лексические единицы русского и английского языков, совпадающие по произношению

В этой категории мы говорим о звуковой составляющей лексических единиц, то есть о том, как слово произносится, и соответственно о звуках.

High-lighter – [haɪˈlaɪtə] – **хайлайтер** [1; 2].

Произношение слов совпадает за исключением конечной буквы во втором слове – г, которая не произносится в английском слове, но присутствует в русском. Сочетания – gh не произносятся в обоих словах, а гласные звуки – i [aɪ] читаются дифтонгом – ай.

Make-up – [ˈmeɪkʌp] – **мейкап** [1; 2].

Произношение слов совпадает полностью. Открытый слог в первом слове – make означает, что в корне слова читается дифтонг – эй, в то время как буква – e является немой. Буква – u читается звуком – [ʌ] (ч. – а).

Booster – [ˈbuːstə] – **бустер** [1; 2].

Произношение слов, как и в слове high-lighter, совпадает за исключением конечной буквы – г. Удвоенные гласные – oo читаются долгим звуком – [u] (ч. – у).

Bubble – [ˈbʌbl] – **бэбл-маска** [1; 2].

Произношение слов совпадает полностью. Удвоенные согласные – bb читаются одним звуком – [b] (ч. – б), конечная буква – e является немой.

Stick – [stɪk] – **помада-стик** [1; 2].

Произношение слов совпадает полностью. Сочетание – sk читается звуком – k (ч. – к).

Baking – [ˈbeɪkɪŋ] – **бэйкинг** [1; 2].

Произношение слов совпадает за исключением – ng, которое читается звуком – [ŋ] (ч. – носовой н), но в русском варианте слова присутствует транслитерированный вариант – нг. Корневой слог, образованный от глагола bake, как и в слове make-up, является открытым и читается дифтонгом – эй.

Head-hunter – [hɛdˈhʌntə] – **хэдхантер** [1; 2].

Произношение слов, как и в слове booster, совпадает за исключением буквы – г. Гласные – ea читаются звуком – [ɛ] (ч. – е), гласный звук – u читается – [ʌ] (ч. – а).

Upgrade – [ʌpˈɡreɪd] – **апгрейд** [1; 2].

Произношение слов совпадает полностью. Гласный звук – u читается – [ʌ] (ч. – а), grade является открытым слогом, как и в слове baking, и читается дифтонгом – эй.

Short – [ʃɔːt] – **шорт-лист** [1; 2].

Произношение слов совпадает за исключением буквы – г, которая не произносится в английском слове, удлинняя гласную. Сочетание – sh читается звуком – [ʃ] (ч. – ш).

Hash tag – [hæʃˈtæg] – **хэштег** [1; 2].

Произношение совпадает полностью. Гласный звук – a в закрытом слогe читается – [æ] (ч. – э), сочетание – sh, как и в слове short, читается звуком – [ʃ] (ч. – ш).

Deadline – [ˈdɛdlaɪn] – **дэдлайн** [1; 2].

Произношение слов совпадает. Гласные – ea, как и в слове headhunter, читаются звуком – [ɛ] (ч. – е), вторая часть составного существительного line является открытым слогом и читается дифтонгом – ай.

Life hack – [laɪf hæk] – лайфхак [1; 2].

Произношение слов совпадает за исключением второго слова: в закрытом слоге – а читается [æ] (ч. – э), но в русском слове звук – а. Сочетание – sk читается звуком – k (ч. – к), life, как и в слове deadline, является открытым слогом и читается дифтонгом – ай.

Лексические единицы русского и английского языков, совпадающие по написанию и произношению

Fluid – [ˈflu(:)ɪd] – бальзам-флюид [1; 2].

Количество букв совпадает полностью. Произношение отличается палатализованной буквой – л в русском варианте, из-за чего гласный звук – u (ч. – у) смягчается до – ю. Данное отличие не является критичным, и мы относим данное слово к совпадающим и по написанию, и по произношению. В дальнейшем в разборе слова будут перечислены некритичные отличия, наличие которых не помешало нам отнести их в категорию совпадающих по написанию и по произношению, без указания о не критичности отличий.

Respect – [rɪsˈpɛkt] – респект [1; 2].

Количество букв совпадает полностью. Произношение слова отличается тем, что в английском варианте в первом слоге звук – [ɪ] (ч. – и).

Bronzer – [ˈbrɒnzə] – бронзер [1; 2].

Количество букв совпадает полностью, произношение отличается немой – r на конце слова.

Trend-watcher – [trɛnd-ˈwɒtʃə] – трендвотчер [1; 2].

Произношение данного слова также отличается немой – r, и в корне второго слова присутствует сочетание букв – ch [tʃ] (ч. – ч).

Gadget – [ˈgædʒɪt] – гаджет [1; 2].

Количество букв совпадает полностью. Гласный звук – а читается – [æ] (ч. – э), но в русском слове пишется – а, сочетание – dg читается звуком – [dʒ] (ч. – дж).

Celebrity – [sɪˈleɪbrɪti] – селебрити [1; 2].

Количество букв совпадает полностью. Согласная – c читается звуком – [s] (ч. – с), гласная – u на конце слова читается звуком – [i] (ч. – и).

Insomnia – [ɪnˈsɒmniə] – инсомния [1; 2].

Количество букв совпадает полностью. Произношение также совпадает.

Tutorial – [tju(:)ˈtɜ:riəl] – тьюториал [1; 2].

Количество букв не совпадает из-за палатализованной – u [ju] (ч. – ю). Tutor – [ˈtju:tə] – тьютор.

В этом слове, как и в слове tutorial, присутствует палатализованная – u [ju] (ч. – ю). Также в слове есть немая – r.

Tuning – [ˈtju:nɪŋ] – тюнинг [1; 2].

Как и в словах tutor и tutorial, присутствует палатализованная – u [ju] (ч. – ю). Сочетание – ng, читается звуком – [ŋ] (ч. – носовой н) и представлено сочетанием – нг в русском слове.

Military – [ˈmɪlɪtəri] – милитари [1; 2].

Количество букв совпадает полностью. Безударная гласная – а (а.я.) читается – [ə] (ч. – слабый е), гласная – u на конце слова читается звуком – [i] (ч. – и).

Happy end – [ˈhæpi ɛnd] – хэппи-энд [1; 2].

Количество букв совпадает полностью. Гласный звук – а читается [æ] (ч. – э), удвоенные согласные – rr читаются – [r] (ч. – п), гласная – u, как и в слове military, читается звуком – [i] (ч. – и).

Как можно отметить по представленному выше анализу слов, классификация слов по написанию и произношению не всегда однозначна. В иных словах присутствуют четкие отличия, не позволяющие отнести лексическую единицу к какой-либо другой категории, однако в большинстве случаев выбор не так очевиден. Удвоенные согласные, которые произносятся одинарным звуком, не позволяют отнести слово к совпадающим по произношению, но двойная согласная едва ли отличает слово настолько, что его нельзя узнать в принципе. Это же можно сказать о конечной немой – r, которая не произносится, но пишется в русском варианте слова. В таких случаях мы

всегда смотрели на слово в целом, искали в нем другие отличия, которые помогут нам определиться с финальной категорией. Рассмотрим это на еще одном слове, чтобы суммировать вышеперечисленное.

Multitasking – [ˌmʌltɪˈtɑːskɪŋ] – мультитаскинг [1; 2].

Данное слово является собой достаточно интересный пример. Приставка – multi произносится со звуком – u [ʌ] (ч. – а), кроме того, в русском варианте буква – л палатализуется, на конце слова присутствует сочетание – ng [ŋ] (ч. – носовой н). Сравнение транскрипции и транслитерации слова: малтитаскин – мультитаскинг. Так к какой же категории нам отнести данное слово? С одной стороны, схожесть как в произношении, так и в написании очевидна, но в тоже время в английской транскрипции присутствуют явные отличия, которые не позволяют нам отнести слово к совпадающим по произношению. Таким образом, мы относим слово к совпадающим по написанию, несмотря на то, что в слове появился мягкий знак.

Consulting – [kənˈsʌltɪŋ] – консалтинг [1; 2].

В этом слове происходит обратная ситуация. Схожесть слов очевидна. Отличия в произношении составляет сочетание – ng [ŋ] (ч. – носовой н), при этом в русском варианте в конце слова транслитерированы обе буквы – нг. Однако в транскрипции обозначено чтение буквы – со звуком [k] (ч. – к) и ударной гласной – u [ʌ] (ч. – а). Таким образом, мы относим слово к совпадающим по произношению, несмотря на транслитерированную букву – г в конце слова.

Concealer – [kənˈsiːlə] – консилер [1; 2].

Количество букв в данном слове не совпадает из-за гласных – ea, которые читаются долгим звуком – [iː] (ч. – и). От транскрипции русский вариант слова отличается немой – г на конце слова. На этом отличия заканчиваются, и схожесть слов очевидна. Таким образом, мы относим это слово к совпадающим по написанию и произношению.

Подводя итог представленной выше классификации, мы хотели бы еще раз обратить внимание на то, что данная классификация носит в некоторой степени условный характер и, в сущности, находится под влиянием такого субъективного фактора, как человек.

В данной статье мы провели анализ совпадающих по плану выражения лексических единиц. В качестве источника мы исследовали выпуски журнала «Cosmopolitan» за второе полугодие 2016 года. Нашей целью было найти совпадающие по написанию или произношению лексические единицы, которые были использованы на страницах журнала. В этой статье мы сделали общий анализ выделенных слов с целью обозначения их общей тематической направленности. Также мы классифицировали выделенные лингвистические единицы с точки зрения их схожести по написанию, произношению, написанию и произношению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Подбор слов по критерию // Cosmopolitan Русское издание. – 2016. – № 5-10.
2. Falla, P. Oxford Russian Dictionary (fourth edition) / P. Falla, M. Wheeler, B. Unbegaun. – New York: Oxford University Press, 2007. – 1322 p.
3. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.etymonline.com> (дата обращения 28.04.17).

Шушарина Г. А.
G. A. Shusharina

ПОРТРЕТИРОВАНИЕ КАК МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

MAKING UP A PORTRAIT AS A METHOD OF STUDYING LINGUISTIC PERSONALITY

Шушарина Галина Алексеевна – кандидат филологических наук, зав. кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, г. Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, д. 27. E-mail: lmk@knastu.ru.

Ms. Galina A. Shusharina – PhD in Philology, Head of the Department of Linguistics and Cross-Cultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenina Str. E-mail: lmk@knastu.ru.

Аннотация. В статье рассматривается портретирование как метод изучения языковой личности. Анализ литературы показал, что метод портретирования отличается широким разнообразием. Проблема выделения параметров портретирования имеет много различных решений и зависит от задач, которые находятся в фокусе исследования.

Summary. The article discusses making up a portrait as a method of studying linguistic personality. Analysis of the literature showed that the method of portrait is characterized by a wide variability. The problem of determination of portrait parameters has no single solution and depends on the purposes, which put before itself by the researcher.

Ключевые слова: портрет, языковая личность, речевой портрет, лингвокультурный типаж, этнолингвистический портрет.

Key words: portrait, linguistic personality, speech portrait, linguo-cultural type, ethno-linguistic portrait.

УДК 81

В настоящее время отечественная лингвистика продолжает свое развитие в антропоцентрической парадигме, изучение языка в связи с человеческой деятельностью привлекает внимание многих исследователей. По-прежнему огромный интерес представляет изучение языковой личности. Проблема языковой личности рассматривается во многих работах, например в трудах Г. И. Богина, Ю. Н. Караулова, С. Г. Воркачева и др. Внимание к языковой личности связывают с именем В. В. Виноградова, хотя ученый не раскрывает суть понятия «языковая личность», а упоминает его в контексте анализа работ И. А. Бодуэна де Куртенэ и пишет, что «языковая личность как вместилище социально-языковых норм и норм коллектива, как фокус смещения и смешения разных социально-языковых категорий» [1].

Языковая личность – многопараметральный феномен, постоянно трансформируемый в ходе социального взаимодействия. Одним из методов изучения языковой личности исследователи предлагают портретирование, т.е. составление портрета личности. Толковый словарь определяет портрет как «(франц. *portrait*) – изображение или описание человека, или группы людей; в изобразительном искусстве один из жанров (и отдельное произведение), в котором воссоздается облик какой-либо человеческой индивидуальности. Вместе с внешним сходством портрет запечатлевает духовный мир изображаемого человека (модели), создает типичный образ представителя народа, класса, эпохи» [12, 91].

Понятие портрета неоднократно встречалось в научных изысканиях. В лингвистической литературе исследователи, как правило, составляют речевой портрет личности. Основа речевого портретирования заложена в литературоведении, в частности в речевых портретах персонажей. Перенесение принципов литературного речевого портрета в лингвистическую сферу породило множество вариантов портретирования языковой личности. Примером могут служить труды

Б. А. Ларина [7], в которых рассмотрена городская речь с позиции диалектологического описания, фонетические портреты М. В. Панова [10]. Указанные работы посвящены собственным лингвистическим аспектам. Как показал обзор научной литературы, лингвисты при составлении языковых и речевых портретов задействуют различные ярусы языка. М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова анализируют орфоэпические и акцентологические особенности в структуре речевого портрета, а именно наиболее частотный выбор того или иного орфоэпического варианта в рамках литературной нормы, преобладание в речи того или иного акцентного выделения [6].

Е. В. Осетрова в качестве характерной черты речевого портрета выбирает особый пласт лексики, отражающий социальный статус объекта портретирования. Кроме того, автор рассматривает построение фраз и различные средства выразительности [9]. Таким образом, составление речевого портрета подразумевает описание особенностей одного или нескольких уровней языка, особенно часто лексического. Н. В. Юдина и Е. А. Кузнецова объясняют это большими демонстрационными возможностями единиц данного уровня [14, 33].

Большинство речевых портретов имеют социолингвистическую направленность. Характеристика языковой личности при составлении такого портрета представлена помимо поярусного описания языковой системы информанта, еще и биографическими сведениями о языковой личности. В таких портретах «характеристика индивидуальных особенностей в речи субъекта сочетается с выделением черт, типичных для той или иной социальной группы, причем акцент делается именно на последних» [4, 36]. Вариантом социолингвистического портрета является уровневый портрет, который представлен характеристикой одного яруса языковой системы личности. Например, Е. В. Иванцова, вслед за О. С. Иссерс, выделяет коммуникативный портрет языковой личности. В этом случае центр составляют индивидуальные характеристики речевого поведения [4, 37].

Речевое портретирование как процедура опирается на факты, доступные непосредственному наблюдению. Материалом речевого портрета является полный набор дискурсивных практик, т.е. то, из чего складывается речевое поведение индивида (группы), а не то, что удобно для интерпретации. Речевой портрет не является продуктом деятельности лингвиста, но моделируется социальной или профессиональной группой в ходе реализации стратегии социальной или профессиональной идентичности, средствами массовой информации и самим индивидом как представителем той или иной общности.

Г. Г. Матвеева и И. А. Зюбина рассматривают речевой портрет с точки зрения одной из главных категорий прагмалингвистики – категории выбора. «Каждый конкретный автор в конкретной ситуации выбирает при создании конкретного текста набор конкретных речевых сигналов определённых форм грамматических категорий...» [8, 65]. Эти наборы речевых сигналов некоторой грамматической категории свидетельствуют об индивидуальности автора текста, т.к. отражают его опыт. Речевой портрет формируется под воздействием многих факторов, а именно, возраста, образования, профессиональной деятельности, семейных традиций, национальных традиций, социального статуса и социальных ролей и др. В речевом портрете всегда скрыта речевая привычка автора, которая обнаруживается на основании речевых сигналов актуализации грамматических форм автором. Исследователи предлагают описать речевой портрет с помощью учета и оформления картины актуализации речевых сигналов в виде таблиц [8, 66]. Подобные таблицы составляются с помощью вероятностно-статистического метода изучения речевого поведения и метода контент-анализа. При этом в исследуемом материале выявлено процентное содержание речевых сигналов, свидетельствующих о наличии той или иной грамматической категории, тем самым характеризуя речевой портрет конкретного говорящего.

Поскольку портретирование предполагает не только воссоздание внешнего облика модели, но и раскрытие духовного мира изображаемого персонажа, представляя его комплексную характеристику – его характера, социальных, национальных, исторических черт, то в последнее время ученые выделяют и другие виды портрета, которые бы отражали различные аспекты и параметры языковой личности.

Л. Н. Евменова и И. Ю. Кудинова анализируют культурологический портрет, который требует категорий семиотики: языки культуры, знак, символ, текст для своей интерпретации [3].

Важной характеристикой культурологического портрета является отражение характера, жизненных ценностей портретируемого, что возможно осуществить при исследовании городских мифов, легенд, символов. Наиболее ценным Л. Н. Евменова и И. Ю. Кудинова считают указание на динамический характер культурологического портрета, т.е. детерминированность современного состояния прошлым и открытость будущего. Таким образом, культурологический портрет – исторически открытая динамическая система, включающая историко-культурные, семиотические и аксиологические элементы. Ядром этой системы является ценностная сущность артефактов: исторических событий и персон, ландшафтов и архитектуры, названий, текстов о городе (в том числе в мифах и легендах), особенностях менталитета жителей, в восприятии города.

Определенную тождественность с культурологическим портретом представляет собой лингвокультурный типаж, концепция которого разрабатывается под руководством В. И. Карасика. Лингвокультурный типаж – «более или менее объективное ментальное образование, будучи обобщением характеристик реально существующих или созданных творческим воображением людей» [5, 59]. По мнению О. А. Дмитриевой, лингвокультурный типаж состоит из нескольких характеристик, а именно: 1) описание социально-исторических реалий, в рамках которых анализируется определенный типаж; 2) внешний облик, возраст и пол, социальное происхождение, окружающая среда, речевые характеристики, манеры поведения, профессиональная деятельность и способы проведения досуга лингвокультурного типажа; 3) понятийные характеристики, которые анализируются с помощью различных описаний и толкований; 4) ценностные приоритеты лингвокультурного типажа, т.е. оценочные высказывания самого типажа и его оценку со стороны окружающих [2, 5]. В основе разработки лингвокультурных типажей лежит гипотеза о том, что в ряду лингвокультурных концептов выделяются ментальные образования, содержанием которых являются обобщенные типы личностей, т.е. лингвокультурные типажы. Исследователи Волгоградской школы понимают под лингвокультурным типажом обобщенный портрет языковой личности, который характеризуется особой значимостью в культуре, а также ценностными предпочтениями.

М. М. Угрюмова выделяет лингвокультурологический портрет как исследовательский конструкт, построенный на анализе языковых фактов, интерпретированных с позиций культуры, эксплицирующий жизненные представления, этические нормы, ценностные установки носителей лингвокультурной общности [13, 26-27]. В качестве источника анализируемой информации для исследователя при формулировании черт лингвокультурологического портрета являются культурные коннотации лексических единиц, которые представляют объект портретирования. Лингвокультурологический портрет включает корреляцию описываемого объекта с его идеальной моделью, с представлением о правильном.

Этнолингвистический портрет в понимании Н. А. Сеницы – это комплекс черт (мотивов, признаков), которые приписываются исследуемой лингвокультурологической реалии и группе реалий в традиционной культуре. Исследователь указывает на то, что в различных вариантах этнолингвистических портретов может быть разное соотношение исходных данных, т.е. фактов языка, фольклора, обрядов и верований. Портрет составляют различные характеристики реалии, «замеченные языком» [11]. На примере портрета попа в русском языке исследователь выделяет девять групп характерных черт, или мотивов: внешний вид, возраст, интеллект, характеристики поведения и личностные качества, хозяйство, семья, обрядовые действия, социальный статус, общая связь со сферой сверхъестественного. Этнолингвистический портрет, по мнению исследователя, может быть структурирован несколькими способами: с точки зрения содержания портретируемых представлений, функциональных типов мотивов, характера подачи информации, тематических групп принимающей лексики и сферы реализации мотивов.

Таким образом, анализ литературы показал, что метод портретирования отличается широким разнообразием. Проблема выделения параметров портретирования имеет много различных решений и зависит от задач, которые находятся в фокусе исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов, В. В. Избранные труды: о языке художественной прозы / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1980.
2. Дмитриева, О. А. Лингвокультурные типы России и Франции XIX века: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук / Дмитриева Ольга Александровна. – Волгоград, 2007.
3. Евменова, Л. Н. Культурологический портрет как понятие и метод исследования города / Л. Н. Евменова, И. Ю. Кудинова // Политематический журнал научных публикаций «дискуссия». – Вып. № 10(40). – 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://journal-discussion.ru/publication.php> (дата обращения 21.04.2017).
4. Иванцова, Е. В. Проблемы формирования методологических основ лингвоперсонологии / Е. В. Иванцова // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 3(4). – С. 27-43.
5. Карасик, В. И. Лингвокультурный типаж «Английский чудак» / В. И. Карасик, Е. А. Ярмахова. – М.: Гнозис, 2006.
6. Китайгородская, М. В. Русский речевой портрет. Фонохрестоматия / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. – М.: Наука, 1995.
7. Ларин, Б. А. О лингвистическом изучении города / Б. А. Ларин // Русская речь. – Вып. 3. – Л., 1928. – С. 61-74.
8. Матвеева, Г. Г. Речевая привычка как основа речевого портрета говорящего (на материале британского политического дискурса) / Г. Г. Матвеева, И. А. Зюбина // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание, 2016. – Т. 15. – № 4. – С. 63-68.
9. Осетрова, Е. В. Губернатор Красноярского края: наброски к речевому портрету / Е. В. Осетрова // Российский лингвистический ежегодник. Вып. 2(9) / под ред. Т. М. Григорьевой. – Красноярск: Сиб. Федерал. ун-т, 2007. – С. 124-138.
10. Панов, М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1 / М. В. Панов; под ред. Е. А. Земской, С. М. Кузьминой. – М.: Языки славянской культуры, 2004.
11. Сеница, Н. А. К вопросу о параметрах этнолингвистического портрета (на материале портретов служителей культа в славянских языках) / Н. А. Сеница // Научный диалог, 2016. – Вып. № 12(60). – С. 170-184.
12. Толковый словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovaizbukv.ru/портрет.html> (дата обращения 21.04.2017).
13. Угрюмова, М. М. Лингвокультурологический портрет ребенка в говорах среднего Приобья / М. М. Угрюмова. – Томск, 2014.
14. Юдина, Н. В. Языковой портрет современного финансиста / Н. В. Юдина, Е. А. Кузнецова. – М.: Финансовый университет, 2016.

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ
PHILOSOPHY, SOCIOLOGY AND CULTURAL STUDIES

Амгаланова М. В.
M. V. Amgalanova

КУЛЬТУРА И РЕПРЕССИЯ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

CULTURE AND REPRESSION: HISTORICAL AND CULTURAL ASPECTS

Амгаланова Мария Викторовна – кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и искусствоведения Восточно-Сибирского государственного института культуры (Россия, г. Улан-Удэ). E-mail: amgalanova@rambler.ru.

Ms. Maria V. Amgalanova – PhD in Culture studies, associate professor, Culture and Art study department, East-Siberian State Institute of Culture (Russia, Ulan-Ude). E-mail: amgalanova@rambler.ru.

Аннотация. Тема репрессий, которая не раз становилась объектом исследования в историческом и философском контексте, актуальна и для культурологического дискурса. В данной статье репрессия рассматривается как неотъемлемый элемент различных форм социально-политического контроля, который возник и исторически видоизменялся на протяжении всей человеческой истории, но осуществляемых исключительно государством как главным инструментом управления обществом. Формулировка темы обусловила анализ репрессии и ее роли в истории культуры с точки зрения регулятивной функции культуры, использования историко-культурного фона и примеров современной социально-политической ситуации. Также автором выделяются положительные и деструктивные функции репрессий. Сущность и характеристика репрессий выявляются, исходя из постулата, что репрессия – это один из элементов государственного социального контроля, вне государства нет репрессий, имеются лишь культурные запреты и наказания, применяемые в духовной, религиозной, социальной и иных сферах.

Summary. The historical and philosophical context changed the theme of repression as an object of study, but this theme is relevant in studies of culture. This article is about repression as an essential element of the various forms of social and political control. Repression was originated and transformed throughout human history, but was carried out exclusively by the state as the main instrument of social control. The representation of the theme leads to the analysis of repression and of its role in the history of culture in terms of the regulatory functions of culture, use of historical and cultural background and examples of modern socio-political situation. The author also highlights the positive and destructive repression function. The essence and characteristics of repression are revealed, based on the postulate that repression is one of the elements of state social control, out of state there is no repression, there are only cultural prohibitions and penalties imposed in the spiritual, religious, social and other spheres.

Ключевые слова: культура, ценности, репрессия, наказание, государственное управление, инструмент управления, регулятивная функция.

Key words: culture, values, repression, punishment, public administration, management tool, the regulatory function.

УДК 930.85:343.43+008

Тема репрессий в социально-гуманитарных исследованиях всегда была актуальной, но особенно в переломные и кризисные периоды развития общества проблемы установления запретительных норм и применения репрессивных санкций становились наиболее обсуждаемыми. Формулировка темы заставляет нас обратиться не только к пониманию терминов «культура» и «репрессия», но также к теоретическому обоснованию репрессии в культурно-историческом ключе.

Несмотря на все методологические трудности, современная культурологическая мысль выработала достаточно подходов понимания феномена культуры, исходя из того, что культура одновременно является внешним объектом созерцания и наблюдения и продуктом материальной и духовной деятельности человека. То есть, беря за основу результат совместной жизнедеятельности людей, категория «культура» представляет собой искусственно созданную людьми среду, являющуюся способом существования, источником регулирования социального взаимодействия, созидательной и творческой деятельностью, результатом которой является постоянное пополнение ма-

териальных, духовных и художественных ценностей. В этом всеобъемлющем понимании сути культуры мы склонны согласиться с мнением, что «все, что направлено на формирование человека именно человеком, а также на формирование человеческой среды обитания есть культура» [7, 31].

Понимая под культурой специфический способ человеческой деятельности, универсальное свойство общественной жизни людей, совокупность надбиологических средств и механизмов адаптации общественного человека к окружающей среде, культура определяется как часть общесоциального процесса. При этом большинство современных исследователей, определяя культуру в качестве важнейшей сферы жизнедеятельности человека, так или иначе, рассматривают ее как инструмент упорядочивания мира, управления обществом, установления норм и правил взаимоотношений человека с государством, обществом, самим человеком.

При этом подразумевается, что функция упорядочивания жизнедеятельности общества имплицитно содержит в себе функцию ограничения, отсекающего лишнего, ненужного, вредного. Таким образом, организация регулирования жизнедеятельности общества достигается путём определённых человеческих действий, таких как запрет и табуирование, поощрение и наказание. В таком контексте согласимся с мнением А. Я. Флиера, что «культура – это лишь условное наименование совокупности форм и продуктов жизнедеятельности человека, как самостоятельной субстанции ее не существует, но как социальная человеческая практика она порождает как положительные, так и отрицательные последствия» [9, 31].

Действительно, категория культуры, включая в себя социально-деятельностную практику, а также совокупность традиций и обычаев, норм, правил этикета и т.п., рассматривается в двух аспектах: онтологическом и аксиологическом. Поэтому наряду с положительными проявлениями высшего достижения человеческого интеллекта в культуре, определяющими духовно-нравственное направление развитие личности, немало явлений, которые ограничивают человека в определенной деятельности и которые современное общество наделяют ярко выраженным антигуманным содержанием, например различного рода ограничения, насилия, запреты, наказание и т.п.

Являясь составной частью культуры общества, репрессия как социокультурный феномен имеет многотысячелетнюю историю. Можно сказать больше, вся история человечества неразрывно связана с применением репрессий, выраженных в строгой регламентации всех сторон жизнедеятельности человека, в наличии системы запретов и применении наказаний за их нарушение. Ограничения и запреты играют огромную роль в культуре, но они не могли бы реализовать свои потенциалы в обществе без наличия инструмента их осуществления, коим, на наш взгляд, выступает государство. Поэтому те ограничения, запреты, наказания, которые осуществляет государство к определенному виду деятельности, группам людей или отдельной личности, и проявляются в виде репрессий.

Исходя из определения репрессии (от лат. *repressio* – подавление) как насильственных действий, осуществляемых и применяемых государством, выделим несколько концептуальных составляющих данного термина.

Во-первых, универсальным смысловым пространством понятия является ограничение, запрет, подавление, т.е. репрессия неотделима от давления морального или физического. Репрессия – это всегда реальный акт физического или символического насилия, в результате которого подавляются нежелательные для государства тенденции и формируются требуемые в силу многих объективных причин включающие, например факторы окружающей среды или поддержание устойчивого общественного порядка. Поэтому выживание человека и общества диктует не только установление различных ограничений, запретов, но и применение наказаний за их несоблюдение. С начала своего существования человечество жило «в мире всепроникающей репрессии. Репрессия понималась как воздух, пронизывала собою все срезы реальности и лежала за гранью рефлексивного» [11, 8]. Здесь репрессии «являются такими же функциями культуры, как воспитание и образование, а гильотина – такой же инструмент как скрипка» [9, 250].

Во-вторых, субъектом репрессии выступает государство. Дюркгейм отмечал, что репрессия – это атрибут общества, основанного на механической солидарности, а теория естественного договора Т. Гоббса любое государство наделила репрессирующей функцией по определению для

предотвращения насилия и распределения блага. Кроме того, исполнение властных решений обеспечивается исключительно разветвленной сетью карательных систем государственных органов. С точки зрения юриспруденции и политологии, первостепенная роль подавления путем репрессии принадлежит легитимному органу – государству, определяющему и устанавливающему границы дозволенного (законодательные органы), контролирующему исполнение правовых норм (правоохранительные органы) и применяющему меры репрессивного характера (судебные органы). Таким образом, само понятие репрессии «изначально связано с общественным (коллективным) принуждением, ассоциативно с государством и, следовательно, было социально и морально обоснованным, имело статус коллективного мнения большинства и соответственно выражало необходимость и целесообразность» [3].

В этом смысле репрессия является не только необходимым средством поддержания правопорядка и обеспечения безопасности страны, необходимым условием государственного управления, но и неотделимой от исторического процесса. На протяжении долгой истории человечества репрессии не вызывали каких-либо вопросов в легитимности оснований ее применения. «Публичные или тайные казни, пожизненное заключение в крепости, нередко с сокрытием имени узника, продажа в рабство, изгнание, истребление семьи или целого рода производились по единоличному решению владетельного князя, короля, императора, султана, и это считалось его суверенным правом» [5, 17-18]. Данные примеры, на наш взгляд, демонстрируют собственно репрессии в том контексте, что они обусловлены именно государством.

Репрессия представляет собой неотъемлемый элемент различных форм социально-политического контроля, который возник и исторически видоизменялся на протяжении всей человеческой истории. Любое государство, для того чтобы избежать политического или социального кризиса, вводит определенные поведенческие нормы, запреты, репрессии (чаще в форме различных наказаний) и поддерживает их, при необходимости усиливая или ослабляя их жизнеспособность в обществе и при этом подавляя те, что не отвечают параметрам системы по каким бы то ни было причинам (Д. Истон). Самые ранние формы социальной организации человеческого общества были уже направлены на выполнение важнейшей функции – «подавления инстинктов, принятия взаимных обязательств и создания соответствующих институтов культуры, объявляемых «нерушимыми» и «священными» – религии, морали, государства» [6, 24].

Соглашаясь с этими концептуальными составляющими понятия «репрессии», добавим еще одно, на наш взгляд, совершенно необходимое для объяснения смысла репрессии. Ни один употребляемый термин в ходе историко-культурных, социально-экономических или политических исследований не является идеологически нейтральным. Это связано с тем, что, во-первых, содержание любого понятия определяется контекстом, а, во-вторых, вне идеологии они практически полностью теряют свой смысл и не дают возможности однозначного к ним отношения. Применяя понятийно-категориальный анализ по отношению к социальной истории человечества, исследователи приходят к выводу, что все исторические и политические события эмоционально окрашены. Собирая информацию и проводя исследование, ученый или публицист посредством термина изначально задает эмоциональное отношение к предмету исследования. Поэтому термин становится не только смыслообразующим понятием, но и задающим субъективное отношение к тому, что он обозначает, а что касается терминов, имеющих идеологическую окраску, то они зачастую становятся средством манипулирования массовым сознанием.

С одной стороны, действительно, термин «репрессия» в современном лингвистическом пространстве несет негативную эмоциональную окраску: он больше понимается как противозаконные расправы, применяемые силовыми структурами, а не определяемое законом наказание. Однако, возвращаясь к исконному понятию «репрессия» (в переводе с латинского – подавление, карательная мера, наказание), видно, что фактически репрессия представляет собой подавление путем ограничения и наказания. СМИ, как манипуляторы сознанием, употребляют именно слово «репрессия», а не «наказание» в расчете на психологическое восприятие. Таким образом, понятие «репрессия» превращается в идеологему, которая уже несет авторитарный, утверждающий характер, стремящийся подчинить общественное сознание в угоду каких-либо политических сил. В ре-

зультате негативный эмоциональный характер «репрессии» отражает проявление соответствующего отношения к определенным ценностям, т.е. несет ярко выраженный субъективный характер, показать который – задача объективных научных исследований.

Итак, с одной стороны, репрессии представляют собой необходимый защитный элемент социокультурной целостности, понимаемой как нерасторжимое единство общества и культуры. Но при этом культурный запрет и репрессия выступают элементами упорядочивания и стабильности жизни общества, формой социального регулирования, какие бы положительные или отрицательные последствия они не имели. Жизненные реалии таковы, что любому правителю (от родовой общины до современного государства) приходится постоянно делать тяжелейший выбор в сторону необходимости репрессий. «Увы, есть немало ситуаций, когда если ребёнок не прольёт слезинки, то кровавыми слезами будет плакать весь народ. Так, например, непременно случилось бы, если бы не было своевременной индустриализации – аграрную Россию раскатали бы немецкие танки, а если бы не были разгромлены банды и шпионы 20 – 30-х гг., то даже фашистские танки бы не потребовались – России бы уже не было» [4].

Современная ситуация в Европе – ярчайший пример того же вопроса жестокого выбора. Пытаясь защитить права и свободы одной категории, государство вынуждено существенно ограничивать и даже нарушать права и свободы другой категории, причем своих граждан. Ключевой проблемой современности является этническая ассимиляция. Хлынувший огромный поток иммигрантов из стран Северной Африки и Ближнего Востока, большая часть которых «не желает принимать обычаи приютившей их страны и даже не дает себе труда выучить язык этой страны» [10, 126-127], заставляет правительства отдельных стран закрывать для них государственные границы. В этой конкретной ситуации проявляется основная защитная функция репрессии, направленная на сохранение социокультурного, в данном случае европейского целого. Кроме того, применение репрессий может пониматься как источник обоснования консерватизма традиционных обществ и являться залогом сохранения их жизнеспособности. Репрессия как ограничение и наказание за несоблюдение норм бытия в данном случае выступает формой социально-политического регулирования, обеспечивающей стабильность жизнеустройства. Другими словами, выполняет вполне положительную функцию.

С другой стороны, одновременно, являясь инструментом правящей элиты для принуждения, репрессии часто выполняют деструктивные функции, достаточно привести такие примеры, как тотальный мировоззренческий контроль, приводящий к идентичности индивидуального сознания и официальной идеологии, что приводит, в том числе и к подавлению творческого и активного начала, массовой индоктринации или изоляции, порождающей в массовом сознании и воплощающей в культуре и искусстве образ «Другого», «Врага», или негативного отношения к личности или группе лиц, которые становятся объектом репрессии и т.п. [1].

В таком контексте применения репрессии влекут за собой как человеческие потери, так и потери в духовной сфере. Кроме того, социальный опыт человечества демонстрирует, что наказание или угроза его применения как сугубо репрессивной меры, «не смотря на их кажущийся позитивный эффект, обладают достаточно низкой результативностью» [2, 84].

Не ставя перед собой задачи детализированного рассмотрения и анализа функций репрессии, отметим, что, во-первых, в социокультурном пространстве репрессия никогда не была беспочвенной. С одной стороны, в основе любой репрессии и ее применения всегда было, есть и будет какое-либо основание, неважно какое – обыденное, религиозное, идеологическое или иное. Данное основание, накладывая запрет на все, что находится за его рамками, обеспечивает устойчивость, стабильность развития, а зачастую и выживание конкретного общества, особенно в кризисные периоды. С другой – репрессия, являясь инструментом культуры, представляет собой власть общества над индивидом, введение его в систему порядков, которые приняты в данном конкретном обществе, в какой бы форме, мягкой или репрессивной, эта власть не проявлялась. В этом смысле она может нести колоссальные разрушительные последствия, примерами которых история человечества изобилует. Кроме того, репрессия представляет собой ограничения, запреты или наказания, применяемые государством. Вне государства нет репрессии, есть лишь социальные, религиозные, семейные и иные культурные запреты, ограничения и наказания.

Таким образом, не претендуя на всестороннее и полное освещение проблемы взаимосвязи культуры и репрессии, отметим, что, во-первых, «культура» и «репрессия» с древнейших времен человечества оказывают сильнейшее влияние на формирование, развитие, а также самосохранение общества и всех сфер его жизнедеятельности. Во-вторых, в истории человечества репрессия одновременно является созидателем и разрушителем, благом и злом, несет положительную и отрицательную роль в жизни общества. В-третьих, в современном научном знании репрессии представляют собой такой же феномен культуры, как, например, выдающиеся произведения художественной культуры эпохи Возрождения. Кому-то это может показаться абсурдным, но мы полностью согласны с мнением российского культуролога А. Я. Флиера, что если культура – это совокупность норм, традиций и обычаев всей социальной практики, то и репрессия является культурно-опосредованной и санкционированной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гарипова, Г. Р. Репрессия как социальное явление: философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Гарипова Галия Ризвановна. – Уфа, 2003. – 24 с.
2. Жестеров, П. В. Некоторые проблемы применения уголовной репрессии в современном мире / П. В. Жестеров // Общество и право. – 2010. – № 5(32). – С. 84-86.
3. Жестеров, П. В. Уголовная репрессия в постиндустриальном обществе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://books.google.ru/boo>.
4. Краснов, П. Здоровые рассуждения о массовых репрессиях Сталин: время, люди, Империя [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://stalinism.ru/repressii/zdravyie-rassuzhdeniya-o-massovyih-repressiyah.html> (дата обращения 07.02.2016).
5. Кудрявцев, В. Н. Политическая юстиция с СССР / В. Н. Кудрявцев, А. И. Трусов. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – 385 с.
6. Летягин, Л. И. Идеология как форма культуры: версия Фрейдизма / Л. И. Летягин // Человек в мире культуры. – 2014. – № 1. – С. 22-25.
7. Соколов, Б. Г. Культура и традиция / Б. Г. Соколов // Альманах Метафизические исследования: Культура. Вып. 4. – СПб.: Алетейя, 1997. – С. 27-48.
8. Флиер, А. Я. Культура как репрессия / А. Я. Флиер // Фундаментальные проблемы культурологии. В 4 т. Т. 1. – СПб.: Алетейя, 2008. – С. 242-250.
9. Флиер, А. Я. Некультурные функции культуры / А. Я. Флиер. – М.: МГУКИ, 2008. – 271 с.
10. Штуден, Л. Л. Репрессированная культура / Л. Л. Штуден // Вестник НГУЭУ. – 2010. – № 2. – С. 125-133.
11. Яковенко, И. Г. Россия и репрессия: репрессивная компонента отечественной культуры / И. Г. Яковенко. – М.: Новый хронограф, 2011. – 336 с.

Гончарова С. В.
S. V. Goncharova

РАБОТЫ В. К. АРСЕНЬЕВА КАК ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ КИТАЙЦЕВ

V. K. ARSENYEV'S WORKS AS A OVERSEAS CHINESE RESEARCH EXPERIENCE

Гончарова Светлана Владимировна – кандидат исторических наук, доцент Дальневосточного государственного медицинского университета (Россия, г. Хабаровск); 680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 35; 89625030101. E-mail: goncharova_s@mail.ru.

Ms. Svetlana V. Goncharova – PhD in History, Associate Professor, Department of Philosophy, Far Eastern State Medical University (Russia, Khabarovsk); 680000, Khabarovsk, Muraviev-Amur st., 35; 89625030101. E-mail: goncharova_s@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена истории изучения культуры локальных групп китайцев, проживавших на территории Дальнего Востока России на рубеже XIX-XX вв.

Summary. The article is devoted to the history of the study groups of overseas Chinese who lived on the territory of the Russian Far East at the turn of XIX – XX centuries.

Ключевые слова: зарубежные китайцы, российский Дальний Восток, В. К. Арсеньев, миграция, этнография, коренные малочисленные народы.

Key words: overseas Chinese, Russian Far East, V. K. Arsenyev, migration, ethnography, indigenous peoples.

УДК 821.161.1:82-311.8:915.716:811.581-26(045)

Проблема китайского населения, проживавшего на территории Приморья и Приамурья, привлекала внимание Владимира Клавдиевича Арсеньева на протяжении многих лет. Еще в 1906 году Арсеньев в процессе изучения традиций орочей-удехе столкнулся с влиянием китайского населения на культуру коренных народов Дальнего Востока России. Первые наблюдения, связанные с изучением локальных групп зарубежных китайцев, были обобщены исследователем в докладе, с которым он выступил в Отделении этнографии Русского географического общества в 1911 году. Междисциплинарный подход позволил ученому провести анализ как традиционного быта, так и социально-экономического устройства жизни мигрантов из Китая.

В ходе полевых исследований В. К. Арсеньевым были собраны уникальные свидетельства о различных сторонах быта, промыслах и социальной организации локальной группы китайцев, жившей вне Китая, на территории российского Дальнего Востока. Материалы комплексных экспедиций по малоизученным районам Уссурийского края стали основой для ряда крупных научных работ. Первым, в 1912 году, был опубликован «Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края», в котором ученый останавливается на особенностях освоения данного региона. По его мнению, край был своеобразным «перекрестком», пограничной территорией, где соприкоснулись культуры различных народов России и мигрантов из сопредельных стран.

Опасения Арсеньева вызывал тот факт, что социальная организация зарубежных китайцев на территории Дальнего Востока России напоминала государство в государстве. По его данным, до 1906 года фактическая власть русской администрации не распространялась дальше реки Усури и морского побережья до залива Св. Ольги, и система самоуправления иммигрантов из Китая была совершенно независимой. «Было бы ошибочно думать, – отмечал В. К. Арсеньев, – что мы экономически владеем Уссурийским краем. Мы владеем им только по Амуру, узкой полосой вдоль железной дороги и на побережье моря. Все остальное пространство находится в руках китайцев. Там сыны Небесной Империи царят полновластно, живут самостоятельно и по своим законам, а

инородцы находятся у них в полнейшем рабском подчинении» [2, 175]. В районах компактного проживания и ведения промыслов китайцы ввели собственные обозначения географических объектов в Уссурийском крае. «Местные китайцы страну ... называют «У-су-ли-цзань», т.е. большая река Усули» [2, 175]. Топонимические исследования ученого зафиксировали, что мигранты из Китая дали свои наименования объектам, которые уже имели обозначения в языке коренных народов Приамурья и Приморья. Схожие явления наблюдались в Малайзии, Индонезии и других странах, где возникли поселения зарубежных китайцев.

На Дальнем Востоке России китайцами была создана эффективная система управления. Всю территорию Уссурийского края они разделили на участки по долинам рек, где не только был свой хозяин-кредитор, который устанавливал для местного населения цены на товары, продукты и принимал у них за долги пушнину, оленьи панты и женьшень, но и действовали свои особые законы – «Всеобщие оповещенные правила». Таким образом, долины рек представляли собой фактически самостоятельные территории со своей собственной администрацией и законами. Их исполнение гарантировало железную дисциплину, так как основным законом был, как считал Арсеньев, принцип «кровь за кровь» или «око за око». Неизбежность наказания была основой действия закона. В своей работе исследователь первым из отечественных ученых опубликовал полные тексты документов, по которым жили китайские сообщества на территории российского Дальнего Востока.

Современные исследования культуры зарубежных китайцев показали, что различные социальные объединения всегда играли важнейшую роль в традиционном обществе Китая. В основе таких объединений были «братские» отношения, круговая порука, взаимопомощь и «клятва крови». Позднее на основе этих объединений сформировались тайные общества, которые имели не только организационную структуру, но и свод законов, правил, обязательных для всех членов сообщества [4].

Большую опасность, полагал Арсеньев, представляла и распространенная тогда в Приамурье практика сдачи крестьянами-переселенцами земли в аренду китайцам для обработки. «Желтолицый арендатор тот час же строит фанзы (дома – Г.С.), выписывает из Китая своих родственников, приглашает помощников, нанимает рабочих и начинает хозяйничать, – подчеркивал Арсеньев. – Глядя на такую заимку, так и кажется будто кусочек Китая вместе с постройками, огородами и людьми взят откуда-нибудь из-под Чифу и целиком перенесен на русскую территорию» [2, 179]. По существу, китайцы так хорошо владели ситуацией, что даже имели место случаи купли-продажи и аренды ими земли в Уссурийском крае. Исследователь приводит интересный документ, найденный им в фанзе на реке Такэме в 1907 году: «Китаец, занимавшийся в Уссурийском крае ловлей соболей, ликвидирует свои дела и продает реку с притоками, как охотничье место, фанзу и 140 ловушек за 400 рублей» [1, 185].

Для того чтобы закрепиться на российской территории и пользоваться всеми привилегиями граждан Российской империи китайцы стремились выдать себя за представителей коренных малочисленных народов (орочей или удэгейцев), что позволяло им не только получать бесплатный надел земли, но и давало право носить оружие, а также свободно заниматься различными промыслами.

В 1913 году В. К. Арсеньев в своей работе «Материалы по изучению древнейшей истории Уссурийского края» первым обращается к проблеме определения хронологии появления мигрантов из Китая на российской территории. На основе анализа археологических данных и китайских летописей исследователь пришел к выводу, что движение переселенцев из Китая в Приамурский край началось лишь в сороковых годах XIX столетия. Собранные ученым материалы свидетельствовали о том, что в более раннюю историческую эпоху в этот район проникли выходцы из Маньчжурии, в культуре которых сохранились мифические сказания о средневековой истории региона и, прежде всего, легенда о Куань-Юне и властителе города Нингуты (город в Маньчжурии) Цзинь-я-тай-цзы [3].

Проблему освоения Уссурийского края исследователь продолжил изучать позднее, когда в июне – августе 1916 года был в служебной командировке в Маньчжурии. Основные выводы

Арсеньев сделал в докладе, а затем и в статье «Этнологические проблемы на востоке Сибири». С его точки зрения, Амур и прилегающие к нему земли привлекли внимание Пекина только благодаря появлению русских. В результате на Амур были командированы специальные чиновники и образована Хэйлунцзянская провинция с целью укрепления и заселения этой территории. Это событие относится к эпохе правления знаменитого императора Маньчжурской династии – Кан-си, при котором был заключен первый русско-китайский договор 1689 года.

Освещение проблемы заселения российского Дальнего Востока получило продолжение в 1914 году в монографии «Китайцы в Уссурийском крае» – первой крупной этнографической работе В. К. Арсеньева. Этот историко-этнографический очерк во многом стал итогом экспедиций 1906-1912 годов. По мнению исследователя, массовое движение переселенцев из Китая на север к Амуру и на северо-восток в Приамурский край началось в сороковых годах девятнадцатого столетия и долгое время было не известно китайскому правительству, которое «начинает покровительствовать самовольным засельщикам только с 1870-1878 года» [1, 44].

Первыми китайцами, которые осваивали Уссурийский край, были сезонные промысловики, приходившие на эти земли лишь на время сбора женьшеня. Вторая волна переселенцев связана с появлением постоянных поселений китайцев-земледельцев, которые жили на данной территории, не выезжая на родину. Их жилища были опорными пунктами для приезжающих весной промысловиков. Социальную основу первых локальных групп составили выходцы из Маньчжурии, с реки Сунгари, в основном «люди, не знавшие семейного очага и на родине ведущие бездомную жизнь, бродяги, бедные работники и поденщики ...подозрительные личности, преступники, беглые и тому подобный сброд» [1, 49]. По существующим в Китае законам они не могли вернуться на родину, за самовольный побег их ждала смертная казнь.

По мнению В. К. Арсеньева, колонизация Приамурья шла не только сухопутным путем со стороны Сунгари, но и морским путем со стороны города Хунчунь. Этот населенный пункт на юго-востоке Китая являлся не только районом на границе с Россией и Кореей, но и территорией автохтонного проживания маньчжур. В XIX веке большую часть его населения составляли знаменитые маньчжуры, которые были обязаны всегда быть на военной службе. Начальник «знамени» был одновременно и начальником уезда, он вел строгий учёт выбывающих на морские промыслы и выдавал разрешительные отпускные свидетельства. Как отмечал исследователь, «дороговизна жизни в Хунчуне и возможность устроиться в инородческой семье лучше материально служили большой приманкой для маньчжуров, и многие из них, отправившись на промыслы в Уссурийский край, не возвращались в Хунчунь обратно, а оставались там навсегда» [1, 83].

Арсеньев считал, что выходцы из Хунчуна и позднее из Шандуня (провинция на востоке Китая), занимаясь морскими промыслами, основали в 1831 году в заливе Св. Ольга крупное поселение «Ши Мынь». На протяжении тридцати лет оно было главным китайским торговым пунктом в Уссурийском крае. «Во главе дела, – отмечал Владимир Клавдиевич, – стояли крупные торговые фирмы из ближайших портов Китая, Чифу и Циндао» [1, 53].

Арсеньев первым даёт детальное описание быта локальных групп китайцев, проживавших на российской территории. Сообщества китайцев расселились в Уссурийском крае компактно, в основном в удобных местах по долинам рек рядом с коренными жителями: там было достаточно пахотной земли, богатые лесные угодья, обеспечивающие хороший промысел соболя, отсутствие славян-переселенцев. Китайцы селились хуторами, не создавая больших поселений. Фанзы находились на значительном расстоянии друг от друга, что позволяло избегать конфликтов между соседями. Огороды, на которых выращивали овощи, располагались всегда рядом с жилищем. Лучшие земли вокруг поселений отводились для посева злаковых культур. Значительные площади традиционно засеивались маком, который использовался для производства опиума.

Традиционные деревянные постройки китайцев-земледельцев были обмазаны глиной с внутренней и внешней стороны и покрыты двускатной соломенной крышей. Внутреннее убранство жилища было разделено на несколько зон: столовая с высоким столом и лавками; кухня с небольшим столом, рядом с которым располагались кухонные принадлежности; спальные места. Обязательным элементом фанзы была маленькая кумирня (языческий храм, святилище – Г.С.).

В своей работе «Китайцы в Уссурийском крае» В. К. Арсеньев подробно остановился на описании быта китайцев-звероловов. Их жилище было такой же конструкции, что и у земледельцев, но отличалось меньшими размерами и более скромным внутренним убранством. Учёный считал, что занятие земледелием имело для китайского населения второстепенное значение. Основной деятельностью была добыча различных природных ресурсов. Арсеньев даёт первую классификацию основных видов промыслов. В звероловстве главными промысловыми видами были соболь, олень, изюбрь и кабарга; в море добывали трепангов, морскую капусту, крабов, гребешков, съедобных моллюсков; объектами собирательства были женьшень, панты оленя, древесные грибы и речной жемчуг.

Хищническая добыча этих ресурсов велась только на российской территории, так как в самом Китае ценные объекты промысла были давно уничтожены. От деятельности китайских промышленников, по свидетельству Арсеньева, сильно пострадал пятнистый олень, что привело к значительному сокращению поголовья этих животных. По мнению исследователя, Уссурийский край для китайцев был золотым дном, где за счет эксплуатации природных богатств и местного населения они могли, особо не утруждаясь, заработать в течение года значительные финансовые средства.

Арсеньев считал, что одной из ярких черт, характеризующих культуру китайцев, помимо хищнической деятельности, было присутствие криминального элемента – вооруженных китайских разбойников-хунхузов. Его наблюдения показали, что шайки разбойников приходили из Маньчжурии и после нападения на тот или иной населенный пункт быстро рассеивались, возвращались обратно за реку Уссури. Часть из них оставалась на российской территории. В связи с этим Арсеньев считал, что всех «китайских разбойников в Уссурийском крае можно разделить на две категории: хунхузские шайки, приходящие из Маньчжурии, и местные хунхузы» [1, 155]. Изучив хунхузов обеих категорий: местные шайки и приходящих из Маньчжурии, ученый приходит к выводу о том, что китайская преступность носит организованный характер. Социальный состав хунхузов, по его мнению, был нерегулярным и неоднородным. Охотник, собиратель женьшеня или любой китаец, занимавшийся промыслом в Уссурийской тайге, мог на какой-то период стать членом преступного сообщества.

Собранные Владимиром Клавдиевичем Арсеньевым этнографические материалы и документы позволили ученому не только дать представление о повседневной жизни и деятельности, но и проанализировать широкий круг социально-экономических проблем китайского населения на территории российского Дальнего Востока в конце XIX – начале XX века. В 1926 году его работа «Китайцы в Уссурийском крае» была переведена на немецкий язык. В настоящее время монографическое исследование Арсеньева о зарубежных китайцах оценивается как лучшая работа на эту тему во всей отечественной дореволюционной историографии [5]. Её основные положения сегодня цитируются в широком корпусе трудов российских ученых, связанных с исследованиями истории, экономики, политики, географии, экологии и социальных проблем дальневосточного региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсеньев, В. К. Китайцы в Уссурийском крае: очерк ист.-этногр. / В. К. Арсеньев. – Хабаровск: Тип. Канцелярии Приамур. ген.-губернатора, 1914. – 204 с.
2. Арсеньев, В. К. Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края 1901-1911 гг. / В. К. Арсеньев. – Хабаровск: Тип. Штаба Приамур. воен. окр., 1912. – 335 с.
3. Арсеньев, В. К. Материалы по изучению древнейшей истории Уссурийского края / В. К. Арсеньев. – Хабаровск: Зап. Приамур. отд. общества востоковед, 1913. – Вып. 1. – 237 с.
4. Захаров, Е. А. «Школа Жана Шено» и современная западная историография тайных обществ Китая / Е. А. Захаров. – Барнаул – Рубцовск: Молодежь в XXI веке: материалы VIII краевой науч. конф., 2007. – 278 с.
5. Тарасова, А. И. Владимир Клавдиевич Арсеньев / А. И. Тарасова. – М.: Наука, 1985. – 344 с.

Матюшко А. В.
A. V. Matyushko

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ТЕЛЕСНОСТИ В РИТУАЛЬНО-ОБРЯДОВЫХ КОМПЛЕКСАХ. Ч. 2

SOCIAL AND CULTURAL ASPECTS OF CORPOREALITY REPRESENTATION IN RITUAL AND CEREMONIAL COMPLEXES. P. 2

Матюшко Андрей Владимирович – старший преподаватель кафедры иностранных языков Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, г. Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, 27. E-mail: matyushko79@mail.ru.

Mr. Andrey V. Matyushko – Senior teacher, Department of Foreign Languages, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 27, Lenin Str., Komsomolsk-on-Amur, 681013. E-mail: matyushko79@mail.ru.

Аннотация. Данная работа продолжает цикл статей, посвященных исследованию социальных аспектов актуализации соматических практик в структуре социокультурных координат. Вектор авторского анализа направлен на выявление инвариантных и специфических черт в процессе бытийствования тела в социуме и обуславливающих их субстанциональных основ.

Summary. The paper continues a series of papers devoted to the research of social aspects of somatic practices actualization in the structure of social and cultural coordinates. The vector of the author's analysis is directed to finding invariant and specific features in the process of social existence of a body which stipulate their substantial foundations.

Ключевые слова: тело, телесность, ритуал, обряд, репрезентация.

Key words: body, corporeality, ritual, ceremony, representation.

УДК 130.2

Люди, входящие в брачный ритуал, испытывают значительные (предписанные) поведенческие трансформации [продолжение, нач. в Ч. 1]. Наиболее заметны они по отношению к представителям женского пола. Например, существует закрепленное в языковой среде выражение «сидеть в невестах». Сам факт ограничения передвижения можно интерпретировать как своеобразную телесную метаморфозу, по аналогии с состоянием куколки на пути от личинки к имаго. Ограничения, зачастую, касаются и каждодневной бытовой деятельности, которая перекладывается на других членов коллектива – родных, подруг и пр. Происходит своеобразное постепенное элиминирование члена одной структурной социальной системы, семьи, для возможности включения во вновь создаваемую структуру – новую семью. Телесно маркированными можно считать обычаи на делегирование коммуникативных функций специальным выделенным членам общества: сватам, родителям и пр. Таким образом, передвижение и общение, невозможные без телесных актов, как правило, вытесняются ритуальными процедурами.

Перед свадьбой происходит целый комплекс обрядовых процедур, сильно варьирующихся в различных традициях, поэтому мы остановимся на тех, которые считаются нами наиболее интересными в контексте данной работы. Частым вариантом предсвадебного ритуала выступает девишник, который в свою очередь состоит из изменчивых и лабильных, при переходе от одной культуры к другой, элементов. В плане телесных репрезентаций можно упомянуть такие элементы, как модификация прически невесты или ее ритуальное омовение. Расплетение косы невесты, непосредственно связанной с телесным верхом, часто сопровождало изменению, но не столь кардинальному, и прически жениха. Эти внешние изменения знаково представляют собой изменения биологических характеристик. Эти трансформации переносятся и на соматический уровень – ши-

роко распространенное во многих культурах требование к невинности как обязательном атрибуте для прохождения ритуала [см. напр. 2]. Рассматривая ритуал с позиций процесса формирования нового, в социальном плане, человека, телесно-физиологическая перемена может быть интерпретирована как символическое дихотомическое деление человека по различным оппозициям темпорального толка (категориально до и после). В процессе обряда происходит отторжение старого и формирование нового. Невинность как телесный атрибут относится к тем частям оппозиции, которые отторгаются или снимаются. При этом необходимо отметить, что смена культурных характеристик происходит исключительно в обрядовом поле. Одна из основных семантических составляющих ритуалов жизненного цикла, не умаляющая ряд других значимых, – это трансформация естественно-биологического (соматического) в социокультурное (телесное, в исконно человеческом смысле). Гомеостаз социума обеспечивается неукоснительным выполнением обрядового порядка. Любое отклонение от заданной и устоявшейся в течение длительного срока траектории может трактоваться как нарушение устоявшихся отношений между естественно-биологическим и социокультурным (потенциальная опасность возвращения к дикости, к состоянию *homo homini lupus est*). Устоявшийся ритуальный порядок, вследствие своей гомеостатичной роли, может трактоваться как пролегомен человеческого универсума, и его нарушение однозначно связано с риском и могло найти отклик в разнообразных пластах человеческого бытия.

Впрочем, требование к целомудрию и сохранению девственности до брачного ритуала, особенно в последнее время, не является общепринятым требованием. Можно предположить, что телесные контакты, не прошедшие легитимизацию обрядовой практикой и, как следствие, не включенные в механизмы смены социального статуса, полностью не включены в культурное поле. Можно провести аналогию с некрещенным ребенком, который, несмотря на наличие самого факта осуществления телесного механизма появления на свет – родов, не считался в полном смысле человеком до проведения комплекса обрядов, так и наличие телесной связи, без ее ритуализации в ходе свадьбы, не наполняло символическим содержанием, значимым для культуры и социума, эти плотские отношения, которые находились как бы в сфере биологического, вне поля человеческого. Можно проиллюстрировать данный тезис тем, что люди могут жить долгие годы вместе, с осознаваемыми социумом сопутствующими соматическими механизмами, но только после свадьбы становятся мужем и женой с соответствующим перемещением по аксиологической лестнице отношением общества.

Омовение обычно совершалось в бане. Данное мероприятие имело множество смысловых слоев и интерпретаций. В контексте наших исследований обрядовое омовение можно истолковывать как один из финальных элементов механизма телесной модификации. В предшествующих действиях происходило отторжение на социально-структурном уровне, здесь же манипуляции проводятся на соматически-биологическом уровне. Производятся своеобразные «разборочно-сборочные» мероприятия с использованием воды в медиальном отрезке данного процесса. Возможно, опять же, в данном контексте провести аналогию с живой и мертвой водой. В результате этих телесных манипуляций появляется как бы новый индивид, но еще не член социальной структуры. В таком внесоциальном состоянии будущая жена передается жениху. Далее обычно происходит символический торг, в котором принимают участие разнообразный круг лиц. Промежуточное состояние участников брачного ритуала можно проиллюстрировать следующими примерами интересующего нас телесного плана. Пребывание вне социальной структуры, точнее на переходной ступени, маркируется либо полной наготой при обмывании в бане, либо максимальной задрапированностью тела уже во время церемонии, причем, как и промежуточное внесоциальное положение, эти состояния очень ограничены по времени, что однозначно выделяет их из череды других. Бинарность этого состояния актуализируется в других разнообразных мотивах, среди которых можно выделить мотивы жертвенности и одновременно мотивы воцарения; смерти и рождения; деятельности и бездеятельности. Также во многих традициях существуют поверья, что во время этого неопределенного состояния брачующиеся наиболее подвержены опасностям, преимущественно телесного плана, что имеет следствием различные манипуляции и действия осторожного характера и семантики. В результате этих процедур, которые совершаются окружающими жениха

и невесту людьми, что подчеркивает их социальную неопределенность, одежда новобрачных по сравнению с обыденной одеждой может приобретать в символическом плане гипертрофированный характер.

Нахождение жениха и невесты в промежуточном состоянии акцентируется тем, что именно в этот период ритуала осуществляются основные передвижения как в реальном, так и символическом пространстве. Весь этот комплекс перемещений имеет своей семантикой переход в новое социальное состояние, обретение, своеобразный «приход» и достижение нового статуса.

Вторая часть свадебного ритуала обычно характеризуется возвращением из промежуточного положения в живое состояние, что актуализируется обретением активности и дееспособности и эмоциональной переменной (например, во многих традициях прекращение ритуального плача). Каждое действие (в первой части ритуала, как говорилось выше, все процедуры, обычно совершались за них) новобрачных начинают наделять знаковыми смыслами. В данной связи можно вспомнить, как правило, выделенное отношение ко всему первому как в природной, так и в социальной сфере. Происходят телесные метаморфозы в первую очередь с волосами. Телесный верх покрывается соответствующим убором, который манифестирует приобретаемый статус. Можно привести пример с устоявшимся в языковой среде выражением «опростоволоситься». Он восходит к древней традиции укрывания телесного верха, а именно краниальной части, то есть обязательного ношения замужней женщиной головного убора, и появление на людях без него (при потере или по иным причинам) расценивалось крайне негативно, иногда рядоположенно супружеской измене (симптоматично, что в случае измены женщину стригли). Снятие с замужней женщины головного убора квалифицировалось как преступление, а видеть ее непокрытые волосы посторонним лицам не полагалось ни при каких условиях. Идея покрывания, по устоявшейся традиции, интерпретируется как восходящая к магическим и мифологическим семантическим комплексам, которые со временем дополнялись различными смысловыми коннотациями.

Возможна трактовка укрывания волос в контексте все большего ограничения и кодификации телесных репрезентаций с возрастом индивида и его положением на статусной социальной лестнице. Телесные актуализации в младенческом возрасте, как правило, почти ничем не ограничиваются. Со степенью взросления возрастает количество обязательных, по отношению к телесным проявлениям, предписаний как предметного (одежда), так и поведенческого плана (естественные потребности). Почти каждый этап взросления и смены статуса маркируется и соответствующими символическими изменениями, среди которых и находятся предписания по отношению к волосам. Один из самых фундаментальных, на наш взгляд, примеров описания и истолкования этого (и многих других) процесса демонстрирует работа Г. А. Левинтона «Мужской и женский текст в обряде (Свадьба как диалог)» [1]. В частности, в ней проводится параллель между взрослением, усложнением причесок (простоволосая голова, коса, покрытые прически) и увеличением социальных ограничений и предписаний. Можно говорить о том, что с течением времени социум наделяет индивида все большим функционалом и с целью повышения эффективности контроля за их выполнением накладывает своеобразные символические меты, которые заставляют их носителя следовать возложенным на него обязанностям, во избежание порицания со стороны коллектива, которое гарантируется знаковой отмеченностью, и любая девиация будет зафиксирована. Происходит движение по линии открытый и закрытый, как в прямом значении, в смысле одежды, так и по поведенческим паттернам – холостяцкая вольница, например. Социальная роль все более выкристаллизовывается с течением времени: и это ограничение степеней свободы, в смысле возможных стимул-реакций репрезентаций, и этот процесс находят внешнее подтверждение.

Интересно отметить дихотомию покрытости телесного верха по гендерному признаку при посещении церкви в христианской традиции. Также можно упомянуть сексуальные коннотации глагола «покрывать» в русском языке. Социализация человека при смене его статуса во время ритуала предполагает модификации его телесных характеристик, в прямом и символическом плане, поэтому физиологические изменения (потеря девственности) на знаковом уровне манифестируется сменой прически.

В структуре свадебного ритуала одним из распространенных элементов является свадебный каравай. Приготовление караваев обычно сопоставляют с актом создания (креационизма). При всей многозначности свадебного хлеба хотелось бы выделить те его смыслы, которые имеют отношение к данной работе. Приготовление караваев часто ассоциируют с процессами перехода. Набор природных продуктов (зерно, яйцо и пр.) с помощью последовательности процедур трансформируется в нечто материально (телесно) новое, как по форме, так и по содержанию. Здесь налицо параллель с переходом в социальном и телесном (физиологическом) плане, которую осуществляют вступающие в брак. Каравай традиционно считается символом плодородия, и использование его в свадебном обряде можно толковать как преобразования природной плодovitости в культурно освоенный феномен. Ритуалы со свадебным караваем – существенный синтагматический компонент брачного обряда, особенно во время его деления. Понятие доли включено, по нашему мнению, во все ритуалы жизненного цикла. Доля дается индивиду и при рождении, и на каждой выделенной обрядом ступени жизни, в целом это отражает уже упоминавшийся процесс формирования как снятия неопределенности, то есть отграничения из потенциального поля возможностей реализаций в законченную упорядоченную жесткую структуру, охваченную законами социальной роли и ограничениями, вызванные ею же.

ЛИТЕРАТУРА

1. Левинтон, Г. А. Мужской и женский текст в обряде (Свадьба как диалог) / Г. А. Левинтон // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. – СПб.: Наука, 1991. – С. 210-234.
2. Brettell, Caroline B. Sargent. Gender in cross-cultural perspective / Caroline B. Brettell, F. Sargent Carolyn. – Boston: Pearson Higher Ed, 2012. – 504 p.

Маниковская М. А.

M. A. Manikovskaya

ИСКУССТВО КАК ГУМАНИЗИРУЮЩИЙ РЕСУРС ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

ART AS A HUMANIZING RESOURCE OF THE PEDAGOGICAL SPACE

Маниковская Мария Алексеевна – доктор философских наук, профессор кафедры «Философия и социально-гуманитарные дисциплины» педагогического института Тихоокеанского государственного университета (Россия, г. Хабаровск); 680000, г. Хабаровск, ул. К. Маркса, 68; тел.: 89242201415. E-mail: mary.manikovskaya@gmail.com.

Ms. Maria A. Manikovskaya – Doctor of Philosophy, professor, Philosophy and Socio-Humanitarian Sciences department, Pedagogical institute of the Pacific National University (Russia, Khabarovsk); 680000, the city of Khabarovsk, K. Marx str., 68; tel.: 8 924 220 1415. E- mail: mary.manikovskaya@gmail.com.

Аннотация. Исходя из отрефлексированного философией и удостоверенного духовным опытом человечества признания гуманизирующего потенциала искусства, автор выявляет и характеризует способы активирования этого ресурса в педагогическом пространстве с целью формирования подлинно человеческой способности к творчеству.

Summary. Based on the recognition of the art humanizing potential comprehended by philosophy and certified by the humanity spiritual experience the author brings out and characterizes means of the activation process of this resource in the pedagogical space in order to form originally human capacity to creativity.

Ключевые слова: искусство, педагогическое пространство, гуманизирующий ресурс, творческая способность, опыт структурирования, художественно-эстетический дискурс.

Key words: art, pedagogical space, humanizing resource, creative ability, experience of structuring, artistic-aesthetic discourse.

УДК 18.0

Реализация замысла предлагаемой статьи возможна при условии совершения читателем эпохе, феноменологической редукции, сознательного усилия преодолеть установку, говоря словами Ф. Ницше, видеть в искусстве не больше, чем «веселую побочность», «или, пожалуй, звона бубенчиков, сопровождающего «серьезность существования», но в сущности излишнего...» [10, 167]. Необходима рефлексирующая позиция, фундирующим основанием которой является не только осознание онтологического факта, что искусство – атрибут человеческого бытия, сопровождающий его как в фило-, так и в онтогенезе, но и убеждение в неадекватности рассматриваемого феномена в жизни человека. Этот вывод отрефлексирован философией и удостоверен духовным опытом человечества. Ему (этому выводу) есть место в сегодняшнем общественном сознании, да и в целеполагающих программах государственного уровня. Однако это место слишком периферийное, неадекватное его нетленному содержанию. Нередко значимость искусства акцентируется там, где оно гарантирует коммерческую выгоду, незабываемый антураж важных мероприятий, релаксацию, расслабляющий досуг. Бесспорно, искусство многообразно и полифункционально. По глубокому и остроумному замечанию Х. Ортеги-и-Гассета, слишком трудно приручить этого «круто нравого Пегаса», «уловить сетью определений неистощимую, многоцветную суть художественности» [11, 64-65]. Но несмотря на трудности постижения этого феномена и даже наличие апофатической позиции в отношении его определения, именно искусство, как никакая другая форма культуры, способно выразить человеческую суть в ее целостности и полноте. Отличительная сущность человека – духовность, модусами которой являются Истина, Добро и Красота. Только искусству

подвластно передать напряженную жизнь духа с ее неустанными поисками истины, мучительным постижением добра и смысла бытия, стремлением приоткрыть тайну красоты, ее удивительную мощь.

Созидательная сила искусства проявляется в возможности, способствующей формированию Целого человека. Ф. В. Шеллинг утверждал: «Нет спора – философия достигает величайших высот, но в эти выси она увлекает лишь как бы частицу человека. Искусство же позволяет *целостному человеку* добраться до этих высот, до познания высшего, на этом основываются извечное своеобразие искусства и все свойственное ему очарование» [13, 396]. Обладая уникальной способностью воздействовать на внутренний мир личности, искусство переводит аккумулированный опыт человечества в «культурно-личностное основание (Л. Буюева) человека», развивает его универсальное (отличное от прагматического) отношение к миру, выводит на уровень одухотворенного бытия, углубляет и совершенствует творческую сущность человека.

Формирующее воздействие искусства на человека обнаруживается в самых разных сферах и формах. Но по-особенному оно осуществляется именно в педагогическом пространстве, целевое назначение которого – *образ-ование* человека. Однако острота рассматриваемой проблемы обусловлена не только спецификой пространства, а главное – *искусство* ли вовлечено в него? И речь идет не о различении подлинного искусства и того, что паразитирует на нем, хотя это тоже очень важно. Суть артикулированного вопроса, имеющего концептуальное значение, в том, что в процессе экспонирования искусства в социальное пространство происходит его метаморфоза: оно утрачивает себе-тождественное-бытие и превращается в свое-иное. Это превращение базируется на том действительно онтологическом различии, что разделяет художественное творчество и художественное производство. Художественное творение обменивает свое единичное «здесь и теперь», «и впервые, только однажды» (М. Мамардашвили) на многое, на бытие-для-других. Оно «обречено» на тиражирование, копирование, техническое воспроизведение, потому что благодаря этому становится доступным для многих в условиях социального бытия [9]. В перспективе данного исследования важно акцентировать, что превращенное искусство становится не только порождающей матрицей иной художественно-эстетической предметности, но и иного опыта его потребления (восприятия). Онтологическое различие «произведения-творения» и «произведения-изготовления» (в терминологии М. Хайдеггера) является ключевым моментом, обуславливающим отличный от традиционного ракурс исследования искусства в педагогическом пространстве.

Следует иметь в виду, что педагогическое пространство не может быть истолковано с позиции концепции субстанциализма как некое «помещение», в котором происходит образование и воспитание. Его нельзя локализовать в каком-то определенном месте, хотя педагогический процесс и предполагает предназначенные для него сооружения, имеющие размерности физического пространства. Педагогическое пространство конституировано взаимообусловленной деятельностью ее субъектов: учителей и учеников, преподавателей и студентов, всех акторов, вовлеченных в образовательно-воспитательный процесс. А поскольку эта целерациональная дифференцированная деятельность разнообразна, многопланова, то она структурирует пространство, в котором осуществляются ее различные модусы. Границы педагогического пространства подвижны. Его особенность и содержательное наполнение постоянно трансформируются в соответствии с общественно признанной целевой установкой. Педагогическое пространство – это сфера социальной заботы и ответственности, напряженных поисков, острых баталий, рисков, поскольку фундирующим ее является антропологический принцип [15, 81-84]. В свете критики Проекта Просвещения, а также неоднозначно трактуемых его следствий, проблема образования приобретает исключительную значимость, поскольку она связана с заботой формирования Целого человека и возможностью осуществления полноты его присутствия в Мире. Имея в виду в качестве горизонта эту заботу, локализуем исследовательское внимание на потенциале искусства, который может быть задействован в решении этой сложной проблемы в условиях педагогического пространства, конституируемого и нашей деятельностью.

Тематической доминантой данного исследования, детерминированного фактичностью нерасторжимости события искусства и человека, становится выявление способов онтологических констелляций между ними, обеспечивающих плодотворность их сопряжения в педагогическом

пространстве. В этом аналитическом сюжете, фиксирующем реперные точки экспликации замысла, мы намерены выявить плодотворный художественно-эстетический потенциал педагогического пространства, активирование которого не потребует тотчас изменения образовательных программ и увеличения материальных затрат (хотя в перспективе это не исключается). Самое главное требование – «пресечь наивное представление», что «плейерная» музыка, воспроизведенные на экране смартфона шедевры живописи или скульптуры, пусть даже из Лувра, – это искусство. В процессе технического воспроизведения, по убедительному обоснованию В. Беньямина [2], художественное творение утрачивает только ему свойственную *ауру*, вследствие чего оно лишается качественной определенности произведения искусства, его силы воздействия. В этой связи необходимо, пользуясь выражением П. Рикера, «перевоспитать наш глаз и переориентировать наш взгляд» для отчетливого различения произведения-творения и произведения-изготовления. Однако данное различение, имеющее концептуальное следствие, вовсе не основание для отрицания копирования, тиражирования, технического воспроизведения художественного творения, ибо это условие его экспонирования в социальное пространство. Акцентирование онтологического обстоятельства, обусловливающего метаморфозы искусства, необходимо иметь в виду, раскрывая потенциал искусства в педагогическом пространстве. При этом мы рассматриваем такое положение дел, когда искусство не является предметом профессионального образования, и его структурирование в педагогическое пространство гарантировано не учебными планами, а обеспечивается иными констелляциями. К числу последних относится творческая инициатива, которая зиждется на рефлексивной позиции – общение с искусством имеет силу обязательного императива, приобретающего особый смысл в педагогическом пространстве.

Животворящая сила искусства незаменима в развитии интеллекта, продуктивного воображения. Достаточно напомнить ставшее классическим благодаря своей нетленной значимости суждение А. Эйнштейна: «Достоевский дает мне больше, чем любой научный мыслитель». По Канту, результатом воздействия художественных произведений является игра познавательных сил, которая приводит человека к самопревышению [8]. При этом важно, что человек *свободно* вверяет себя власти искусства, право которого обусловлено его сущностным содержанием. Гегель убедительно раскрыл причины доверия искусству: «Всеобщая потребность в искусстве проистекает из разумного стремления человека духовно осознать внутренний и внешний мир, представив его как предмет, в котором он узнает свое собственное «Я» [5, 38]. Сила притягательности искусства в том, что оно «призвано раскрывать *истину* в чувственной форме» [5, 38].

Однако истина художественного творения не лежит на поверхности. Для ее постижения необходимы определенные условия. Обязательным условием художественного восприятия, основывающегося на соединении интенции личностной художественной культуры реципиента и художественного текста, становится умение читателя-зрителя-слушателя раскодировать художественную информацию, скрытую в комбинации звуков, сочетании цветовых пятен, особой организации слов, сопоставлениях пластической массы и пустоты. В процессе практики художественного восприятия вырабатывается принципиально общепонятный ключ расшифровки произведений искусства, иначе нельзя было бы вообще маркировать эти феномены как художественные произведения. Условием восприятия художественного произведения выступает «коммуникативная компетентность» (К.-О. Аппель) реципиента. Поскольку же любое произведение искусства уникально, обладает только ему присущими содержанием и формой художественного выражения, то это предполагает каждый раз соответствующий ему «ключ» открытия художественной истины. Это обстоятельство требует от реципиента не только определенных знаний, но и творческого подхода. Настоящая же стихия творчества читателя-зрителя-слушателя – его способность, инициированная самим характером художественного произведения, каждый раз творить новые смыслы в процессе художественного восприятия. Как отмечает А. В. Ахутин: «внутренняя форма... содержит и устраивает своего рода *пустоту*, допускающую и зовущую *исполнителя*. Она должна быть каждый раз исполнена (или восполнена) моей – читателя, зрителя – участника живой энергией, которую эта форма вызывает, пробуждает, требует. Отсюда возможность не только воссоздания, воспроизведения, но и роста произведения, насыщения новыми, иными смыслами» [1, 50].

Необходимо учитывать, что акторов педагогического пространства отличает в отношении к искусству как «непосредственный интерес», так и «опосредованная вовлеченность» (К. Мангейм). Следовательно, требуются усилия, чтобы педагогическое пространство было необходимым хроно-топом, в подвижных границах которого происходит *Событие встречи* реципиента и художественного творения. Экзистенциальный смысл такого события – *общение* с художественным творением, благодаря которому осуществляется преобразующая сила искусства. Реципиент ведет «беззвучный разговор» с художественным произведением. Как замечает Г.-Г. Гадамер: «Встречу с великим произведением искусства я бы уподобил плодотворной беседе, вопрошанию и ответу, иначе – раскрытию навстречу вопросу (Gefragtwerden) и возникновению потребности ответить (Antwortenmüssen), постоянному диалогу, в котором нечто обнаруживается и «остаётся» [4, 90].

Одновременность сосуществования реципиента и художественного произведения в пространстве художественного восприятия еще не свидетельствует о том, что общение состоялось или происходит. Художественное восприятие и общение не тождественны. Не всякий реципиент способен подняться на уровень общения с художественным творением и постигнуть воплощенную в нем истину. Событие читателя-зрителя-слушателя и художественного произведения – это только возможность События общения. Общение с искусством – «сильное общение» (Ж. Батай), оно сродни любви. Произведение открывает себя навстречу сильному чувству. Подтверждение этой мысли мы находим у Б. Пастернака. По мнению художника-философа, искусство «в объятья первого желающего не падает...». Для овладения этим уникальным феноменом действительно необходимо «сильное общение». «Понимание любви как поединка подходит и к этому случаю. Переход искусства к подростку мог осуществиться лишь в результате воинствующего влечения, пережитого со всем волнением, как личное происшествие» [12, 66].

«Сильное» общение с произведением искусства пробуждает в реципиенте художника, «как зов гения к гениям, который, быть может, подвигнет и его, читателя или зрителя, творить» [7, 126]. В суждении Ж. Делеза содержится акцентированно выраженный ключевой вывод рассмотрения заявленной темы: искусство – гуманизирующий ресурс педагогического пространства. Его суть в том, что искусство объективирует и опредмечивает в человеке его творческую способность. «Именно познав в себе эту творческую способность, человек осознает себя человеком в том особом смысле, что он осознает себя творцом или художником» [3, 401]. Эта способность – универсальная, она реализуется не только в создании художественных творений, но и в их восприятии и постижении.

Выявление и развитие творческой способности в педагогическом пространстве возможно благодаря его специально продуманной архитектонике, в которую органично структурирована деятельность, подчиняющаяся особой драматургии. Выше уже было отмечено, что эта деятельность не посягает на радикальное изменение учебных планов и привлечение дополнительных бюджетных средств. Мы имеем в виду активирование мощного духовного потенциала, которым наши вузы располагают. У нас есть факультеты, на которых работают художники, архитекторы, поэты, музыканты, известные благодаря своему таланту не только в России. Наш опыт свидетельствует, что встречи с ними, участие в проводимых ими мастер-классах занятия в их художественных мастерских имеют сильное духовное воздействие, оставляют неизгладимый след. Эту благородную деятельность осуществляют творцы-энтузиасты за счет личного времени. Вместе с тем известен опыт «креативных школ», учреждаемых производственными и коммерческими фирмами США для регулярной переподготовки инженерного и управленческого аппарата своих фирм, показывающий, что сотрудники, прошедшие «погружение» в искусство с отрывом от своих служебных обязанностей, вдвое-втрое повышают свою способность к принятию ответственных нестандартных решений. Эта отсылка к продуктивному зарубежному опыту нам понадобилась для обоснования возможности включения мероприятий, проводимых нашими преподавателями-творцами, в учебные поручения и расписание занятий.

Немалый гуманизирующий ресурс выявления и формирования творческой способности содержит художественно-эстетический дискурс с участием художников, писателей, поэтов, музыкантов из числа преподавателей. Одним из проявлений многомерного творчества, сущностью ко-

того является создание нового или субъективно нового, выступает речевое творчество, когда из материала языка создается новый смысл. Мы видим впечатляющий эффект, когда опыт постижения художественных творений выражен в слове, просветлен смыслом, удержан понятием. Художественно-эстетический анализ «на путеводной нити языка» (Гадамер), направляемый тонко и со знанием дела, приносит дополнительное эстетическое наслаждение. Конечно, произведение искусства «воспринимается сердцем», прежде всего оно воздействует на эмоционально-чувственную сферу. В этой связи бытует мнение, что «скальпель» анализа якобы «умертвляет» художественное творение, разговоры об искусстве ничего не прибавляют. Это расхожее заблуждение убедительно развенчано теоретически и удостоверено опытом наблюдения. Неизбывно и плодотворно стремление «поверить алгеброй гармонию» (А. Пушкин). Рационализирующая позиция по отношению к искусству не элиминирует эмоционально-чувственное его восприятие. Более того, как замечает У. Эко, такая позиция усиливает активное нерациональное постижение художественного творения [14]. Гуманизирующий ресурс художественно-эстетического дискурса проявляется также в самопознании человека, его «способности осознавать движение собственных эмоций». По мнению авторитетного ученого-искусствоведа М. Германа: «Счастливая или тревожная эмоция, острое впечатление, глубоко задевшее наше сознание, интуитивная догадка бьются в нашем сознании, стремясь обрести, так сказать, осязаемую мыслью форму, чтобы в этой форме остаться в памяти. Мысль хочет облечься в слова...» [6].

Наш опыт и наблюдения убеждают, что структурирование искусства в педагогическое пространство имеет гуманизирующий смысл, заключающийся в развитии и углублении способности к творчеству, которое, по мысли Н. А. Бердяева, является оправданием человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахутин, А. В. В стране Мамардашвили / А. В. Ахутин // Вопросы философии. – 1996. – № 7.
2. Беньямин, В. Произведения искусства в эпоху его технической воспроизводимости / В. Беньямин. – М.: Медиум, 1996.
3. Вартофский, М. Искусство как гуманизирующая практика / М. Вартофский // Модели. Репрезентация и научное понимание: пер. с англ. – М.: Прогресс, 1988.
4. Гадамер, Г.-Г. Философия и литература / Г.-Г. Гадамер // Философские науки. – 1999. – № 2.
5. Гегель, Г. В. Ф. Эстетика / Г. В. Ф. Гегель. – М., 1968. – Т. 1.
6. Герман, М. Искусство видеть искусство / М. Герман // Даниэль С. М. Искусство видеть: о творческих способностях восприятия, о языке линий и красок и о воспитании зрителя. – Л.: Искусство, 1990.
7. Делез, Ж. Марсель Пруст и знаки / Ж. Делез. – СПб.: Алетейя, 1999.
8. Кант, И. Критика способности суждения / И. Кант. – М.: Искусство, 1994.
9. Маниковская, М. А. Художественная культура в структуре жизнедеятельности общества / М. А. Маниковская. – Хабаровск: Изд-во ГОУ ВПО ХГПУ, 2004.
10. Ницше, Ф. Антихрист. Казус Вагнер. Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм / Ф. Ницше. – М.: АСТ: Астрель, 2011.
11. Ортега-и-Гассет, Х. Адам в раю / Х. Ортега-и-Гассет // Эстетика. Философия культуры. – М.: Искусство, 1991.
12. Пастернак, Б. Охранная грамота / Б. Пастернак. – М.: Современник, 1989.
13. Шеллинг, Ф. В. Система трансцендентального идеализма / Ф. В. Шеллинг. – М., 1936.
14. Эко, У. Открытое произведение: форма неопределенность в современной поэтике / У. Эко. – СПб., 2004.
15. Ячин, С. Е. Антропологический принцип и идея образования / С. Е. Ячин // Философия образования как философия человека: история и современность: материалы всерос. науч.-практ. конференции. – Хабаровск, 2005.

Пестушко Н. А.
N. A. Pestushko

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЕВРОПЕЙСКОГО МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

CONTEMPORARY PROBLEMS OF THE EUROPEAN MULTICULTURALISM AND SEVERAL POSSIBLE WAYS OUT

Пестушко Наталья Анатольевна – аспирантка Хабаровского государственного института культуры, кафедры культурологии и музеологии (Россия, г. Хабаровск); 680045, г. Хабаровск, ул. Краснореченская, 112. E-mail: nap-khv@yandex.ru.

Ms. Natalia A. Pestushko – a postgraduate student, Khabarovsk State Institute of Culture, Department of Culture studies and Museology (Russia, Khabarovsk); 112, Krasnorechenskaya Str., Khabarovsk, 680045. E-mail: nap-khv@yandex.ru.

Аннотация. Представленная работа посвящена рассмотрению проблем, существующих в современном межкультурном и межэтническом взаимодействии, а также анализу ошибок, допущенных при проведении мультикультурной политики в Европе. В статье уделяется особое внимание современному состоянию мультикультурализма и особенностям его реализации в странах ЕС и Канаде.

Summary. This paper is devoted to the research of problems in the contemporary intercultural and interethnic interactions as well as to the analysis of several oversights in European multicultural policy. The article pays special attention to modern conditions of multiculturalism and peculiarities of its fulfillment in the European Union and Canada.

Ключевые слова: мультикультурализм, миграционный кризис, мигранты, идентичность, межкультурные конфликты, Европейский Союз, Канада.

Key words: multiculturalism, migration crisis, migrants, identity, intercultural conflicts, the European Union, Canada.

УДК 008

Миграционный кризис 2015 г. в Европе обнажил просчеты европейских лидеров в миграционной политике и с новой силой заявил о серьезных проблемах в существующей системе европейского межкультурного взаимодействия. По мнению не только ученых, но и ряда западных политиков, в новых условиях мультикультурная парадигма оказалась неспособной выполнять свое основное предназначение – обеспечивать сосуществование и сохранение культурных различий в рамках европейского социокультурного пространства [1; 14; 22].

С одной стороны, даже без миграционного кризиса существование проблем в европейском межкультурном взаимодействии уже давно являлось очевидным фактом. Эти проблемы стали все больше заявлять о себе на рубеже XX–XXI вв. В то же время на фоне неконтролируемого наплыва мигрантов в Европу мультикультурная парадигма нередко становится объектом необоснованной критики. Последнее во многом объясняется тем, что наряду со специалистами (культурологи, социологи, политологи и т.д.) к проблематике мультикультурализма и межэтническим отношениям стали обращаться люди, часто очень далекие от академической науки – журналисты, блогеры, колонисты и т.д. Неудивительно, что попытки проанализировать указанной категорией «исследователей» современные тенденции межкультурных взаимодействий, будущее мультикультурной парадигмы и причины миграционного кризиса в Европе нередко сводятся к ничем не подкрепленным заявлениям о якобы полном провале мультикультурной политики либо появлению откровенно абсурдных псевдонаучных теорий, уводящих в конспирологию [17, 2, 3].

В условиях активизации миграционных потоков в Европе многие страны ЕС оказались поставлены перед необходимостью обеспечения национальной безопасности и поддержания госу-

дарственного суверенитета. В наши дни суверенитет и национальная безопасность напрямую связаны с пересмотром базовых принципов мультикультурной политики и выявлением ошибок, допущенных при ее реализации. В представленной работе предпринята попытка проанализировать сложившиеся модели мультикультурализма и возможности выхода из современного кризиса в европейском межкультурном взаимодействии.

Успехи и просчеты в реализации мультикультурной парадигмы. Разделение на «континентальную» и «островную» модели

Необходимость перехода к мультикультурной политике в 1960-е гг. была обусловлена несколькими причинами. Своего разрешения требовала ситуация в Канаде, где усиливались сепаратистские настроения среди франкоговорящего населения провинции Квебек [5, 150]. Кроме того, в 1970-е годы Австралия, столкнувшись с нехваткой рабочих рук, взяла «... курс на поощрение этнического многообразия общества» [18, 242] для привлечения в страну иммигрантов и их интеграции в австралийский социум. Наконец, идеология мультикультурализма была необходима гомогенной в своей основе Европе, ставшей в 1960-е гг., после слома колониальной системы, одним из центров иммиграционных потоков.

По аналогии с США и Канадой в рамках европейского мультикультурализма к мигрантам применялась так называемая «модель соответствия англоценностям», согласно которой представители других культур должны были усвоить моральные и социальные нормы репрезентативной культуры [4, 16]. Предполагалось, что основная часть мигрантов вернется домой после накопления необходимой суммы, а те, кто останется, смогут перенять европейские ценности и органично интегрироваться в европейское социокультурное пространство [13, 6].

Такой подход в целом оправдал себя с первым поколением мигрантов, многие из которых переняли европейские культурные ценности. Иначе ситуация складывалась с последующими поколениями выходцев из неевропейских стран, которые стали все больше дистанцироваться от европейских культурных традиций. Главной причиной последнего послужило снижение экономической мотивированности переезда в Европу, так как некоторые европейские государства (Великобритания, Франция, Германия) существенно упростили процедуру въезда на свою территорию иностранным гражданам. Делалось это, главным образом, с целью насыщения внутреннего рынка дешевой рабочей силой.

С одной стороны, действовавшая в европейских странах система предоставления мигрантам вида на жительство посредством прохождения последними процедуры на соответствие определенным квалификационным требованиям должна была ограничивать приток в Европу лиц без определенной профессии и занятий. Однако результат получился обратным, так как мигранты, прошедшие через вышеуказанный квалификационный отбор и получившие вид на жительство, получали право перевезти сюда всех членов своей семьи, которые могли не соответствовать каким-либо квалификационным требованиям [12, 118-119].

Вместе с увеличением притока в Европу мигрантов на первый план стали все больше выходить разногласия на уровне интегрирующей и интегрируемой культурной среды. Последнее проявляло себя в разных сферах – от бытовых различий до социокультурных явлений, как правило, чуждых исламской и конфуцианской культурам (употребление алкоголя, занятие проституцией, существование ЛГБТ-сообществ).

Для выходцев из мусульманских стран и стран восточно-азиатского региона на первый план вышли именно девиантные проявления европейской цивилизации, которые вообще-то свойственны любой культуре. В глазах мигрантов европейская культура с ее якобы «отклонениями от нормы» все больше проигрывала их собственным культурным ценностям. Другими словами, в данном случае речь уже шла о конфликте между представителями разных культурных систем, который С. Хантингтон считал самым опасным из всех видов конфликтов в современном мире [21, 28].

К концу 1980-х годов мультикультурализм постепенно разделился на две модели, которые можно условно назвать «континентальной» и «островной». Данные определения отражают мультикультурную парадигму, сложившуюся на Европейском континенте, и модель мультикультурной политики, сформировавшуюся в Канаде и Австралии с Новой Зеландией. В первом случае речь идет о культурном пространстве, существующим в условиях географической близости с государ-

ствами-источниками миграционных потоков. Во втором – о поликультурной модели, сформировавшейся в условиях географической изоляции и при отсутствии общих границ с вышеназванными государствами.

Обе модели заметно отличаются друг от друга не только по вышеназванному «географическому» принципу, но и по подходам к построению поликультурного общества. Например, в отличие от Европы Канада, Австралия и Новая Зеландия придерживались достаточно жестких правил въезда в страну и культурной натурализации приезжих. Иммиграция в вышеперечисленные страны осуществлялась через специальные программы (профессиональная иммиграция, бизнес-иммиграция, воссоединение с семьей) либо через обучение [15, 9]. Если в «островной модели» натурализация выходцев из других стран подразумевала их приобщение к культурным традициям и истории принимающего государства, обязательное изучение английского либо французского языка, то в «континентальной модели» акценты сместились в сторону упрощения процедуры предоставления вида на жительство и гражданства. Следствием такой политики стал рост межкультурной напряженности в странах ЕС и усиление негативного отношения коренного населения к носителям неевропейских культурных ценностей.

Окончательно модель «континентального» мультикультурализма «похоронил» миграционный кризис 2015 г., когда количество беженцев и нелегальных мигрантов в странах Европейского союза выросло в разы. Так, за один лишь 2016 г. количество незаконных мигрантов в Европе увеличилось в два раза, составив около 3 млн чел. [8, 4]. Глядя на современную Европу, у многих складывается впечатление, что в мире началась реализация мрачного сценария, описанного в 1990-е гг. в научном трактате С. Хангиттона – наступление эпохи межкультурных конфликтов, готовых вылиться в глобальное военное противостояние между цивилизациями [21].

Канадская модель мультикультурализма – возможный ключ к решению европейских проблем?

На фоне усиления межкультурных и межэтнических противоречий в Европе примером достаточно успешной реализации политики культурного плюрализма остаются Канада, Австралия и Новая Зеландия. До недавнего времени этим странам удавалось избегать серьезных проблем в межкультурном взаимодействии, аналогичных тем, с которыми столкнулось большинство европейских стран. Нельзя отрицать, что одной из немаловажных причин последнего является географическая отдаленность Канады, Австралии и Новой Зеландии от европейских миграционных потоков. Вместе с тем дело очевидно не только в территориальной изолированности вышеназванных стран, но и в механизмах реализации самой мультикультурной политики.

При существующих различиях внутри «островной» парадигмы основные подходы к построению поликультурного общества в Канаде, Австралии и Новой Зеландии остаются схожими. Они основываются не только на более строгих, чем в Европе, правилах допуска в страну мигрантов (нередко граничащих с «культурным изоляционизмом» – стремлением принимающего государства сохранить существующую социальную структуру и привилегии коренного населения) [10, 257], но и на интеграции последних в принимающую культурную среду через обязательное изучение языка и истории принимающих государств, получение образования и т.д.

Одним из примеров «классического» мультикультурализма и его успешной реализации является Канада. Если исходить из формального определения мультикультурализма как политики, направленной на поддержание культурного плюрализма, то можно утверждать, что именно канадская (а не европейская) модель основывается на принципах интеграции иммигрантов в единое культурное пространство, принятие ими местных законов и усвоение особенностей репрезентативной культуры. Таким образом, канадское общество может по праву «...считаться истинно мультикультурным, надэтническим сообществом» [7, 52].

Проведение политики мультикультурализма в Канаде направлено на сохранение общенациональной идентичности канадского социума. Гибкая канадская модель межкультурной интеграции основывается на свободе выбора. Упор делается на адаптивную культурную интеграцию при сохранении мигрантами собственных культурных традиций. Для приезжих организуются языко-

вые курсы, оказываются консультации по трудоустройству, а также оказывается помощь при съеме жилья [19].

Несмотря на формальную принадлежность к западной цивилизации, Канада и Европа – достаточно разные по своей сути площадки по реализации мультикультурной парадигмы. Самобытная канадская культура выкристаллизовалась в течение короткого по историческим меркам (примерно четыре века) времени, в ходе военных столкновений между англичанами и французами, в условиях сокращения численности автохтонного населения и притока иммигрантов [20, 98-114].

Европа никогда не была единой в политическом и экономическом отношениях. В границах Европы Новейшего Времени всегда существовали свои лидеры (Великобритания, Германия, Франция) и свои аутсайдеры (Португалия, Испания, Греция). Даже внешне единая европейская культура на деле фрагментарна и представляет собой мозаику достаточно разнородных социокультурных и религиозных элементов [11]. Каждая из европейских стран предлагает носителю другой культуры собственный вариант интеграции, который нередко принимает крайние формы – от культурной ассимиляции приезжих до фактического уравнивания последних в правах с коренным населением.

Европейским странам для решения современного миграционного кризиса и снижения межкультурной напряженности следует объективно проанализировать ранее допущенные ошибки и на основе опыта стран, принадлежащих к «островной модели», попытаться перестроить собственную мультикультурную идеологию под новые условия.

Так, сегодня основой основ мультикультурной политики в Европе должны стать установление жесткого контроля над границами внутри Евросоюза и фильтрация миграционных потоков. В наши дни обеспечение национальной безопасности стран ЕС зависит от профессионализма спецслужб, армии и полиции, их умения предотвращать незаконное проникновение мигрантов в страны ЕС, оперативно выявлять террористические организации. Запрет на въезд носителям экстремистской идеологии, депортация либо принудительная изоляция последних являются обязательными условиями обеспечения безопасности в Европе и предупреждения межкультурных и межэтнических конфликтов.

Другим важным условием реализации политики мультикультурализма в современной Европе является приобщение мигрантов и беженцев к западной культуре. В этом отношении эффективным механизмом погружения представителей интегрируемой культуры в новую среду, а также знакомства мигрантов с этнопсихологическими особенностями коренного населения и его менталитета является обязательное изучение языка принимающей страны.

Сегодня в большинстве стран ЕС мигранты имеют возможность существовать на социальные дотации [16], не заботясь о дальнейшем трудоустройстве. В условиях, когда количество беженцев в европейских странах выросло в несколько раз, предоставление вида на жительство и тем более гражданства должно осуществляться только через обязательное трудоустройство работоспособных мигрантов.

Таким образом, к числу приоритетных задач, стоящих сегодня перед Евросоюзом, следует отнести исправление ошибок, допущенных при реализации европейской мультикультурной политики, и урегулирование тем самым миграционного кризиса. Решение вышеуказанных задач во многом будет зависеть от умения европейских лидеров учесть допущенные ранее ошибки и готовности использовать опыт других стран (в частности Канады).

Современные миграционные и межкультурные процессы на европейском пространстве исторически сопоставимы с Великим переселением народов IV–VII вв. С одной стороны, нашествие варваров способствовало разрушению античной культуры, крушению римской государственности, перекраиванию этнической карты Европы, уничтожению народов либо их «растворению» среди других этнических групп. В то же время Великое переселение народов привело к возникновению на территории бывшей Римской империи первых «королевств варваров», многие из которых впоследствии дали начало современным европейским государствам.

Подобно античной культуре IV в. современная европейская культура находится в точке бифуркации. Межкультурные и межэтнические процессы, наблюдаемые сегодня в большинстве стран ЕС, способны «увести» европейскую цивилизацию в сторону повторения вышеуказанных

событий IV – VII вв. Однако возможен и другой вариант – непредвзятый анализ европейскими политиками и академическими кругами ошибок, допущенных при реализации мультикультурной политики, и их исправление.

Каким будет будущее Европы – будет во многом зависеть от желания и умения европейцев признавать собственные просчеты и использовать опыт других стран в деле построения поликультурного социума.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андержанова, Г. В. Крах мультикультурализма в Европе / Г. В. Андержанова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Общественные науки. – 2011. – № 631. – С. 22-34.
2. Асламова, Д. Теория заговора: Европу оккупируют исламисты и США, а освободят – только русские танки с цветами / Д. Асламова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://politobzor.net/67116-teoriya-zagovora-evropu-okkupiruyut-islamisty-i-ssha-a-osvobodyat-tolko-russkie-tanki-s-cvetami.html>.
3. Асламова, Д. Теория заговора: кто стоит за лавиной миграции в ЕС? Великий Израиль? / Д. Асламова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://best.kp.ru/msk/europe_migrants_2.
4. Бабич, И. Л. Теория и практика мультикультурализма. Исследования по прикладной и неотложной этнологии / И. Л. Бабич, О. В. Родионова. – М.: ИЭА РАН, 2009. – Вып. 215. – 49 с.
5. Веретевская, А. В. Канадский мультикультурализм: исторический аспект / А. В. Веретевская // Вестник РГГУ. – 2012. – № 19. – С. 147-159.
6. Вишневский, А. Миграции в глобальном контексте / А. Вишневский, М. Денисенко. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hse.ru/data/2016/06/21/1116116567/Миграции.pdf>.
7. Головкина, О. В. Канадский мультикультурализм как основа национальной идентичности Канады / О. В. Головкина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История, регионоведение, международные отношения. – 2004. – № 9. – С. 44-53.
8. ЕС перед вызовом миграционного кризиса. Позиции европейских стран. – М.: ИМЭМО РАН, 2016. – 52 с.
9. Как эмигрировать в Австралию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hochusvalit.com/khochusvalit/kak-emigriruvat-v-avstraliyu>.
10. Ляпина, Л. А. Эволюция либеральной концепции мультикультурализма / Л. А. Ляпина // Социологический альманах. – 2014. – № 5. – С. 253-259.
11. Майер, Г. Европейская культура: фантом или реальность? / Г. Майер. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fnst.org/sites/default/files/uploads/2016/11/16/fnfeuropeanculturegu.pdf>.
12. Нетесова, Ю. Политика стран Европы и радикализация мусульманских общин / Ю. Нетесова // Космополис. – 2008. – № 3(22). – С. 104-124.
13. Полонский, И. Миграционная проблема Европы в свете французских событий: есть ли решение? / И. Полонский. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://topwar.ru/66653-migracionnaya-problema-evropy-v-svete-francuzskih-sobytyi-est-li-reshenie.html>.
14. Попов, А. В. Мультикультурализм и национальная идентичность в контексте современности / А. В. Попов // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2013. – Т. 199. – С. 73-84.
15. Программы иммиграции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://canadago.ru/programs>.
16. Размер пособия мигрантов в Европе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://euroby.info/news-gazmer_posobiya_migrantov_v_evrope.
17. Рублев, Е. Идеологическое оружие глобализма. Мультикультурализм / Е. Рублев. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eadaily.com/ru/news/2016/11/03/evgeniy-rublev-ideologicheskoe-oruzhie-globalizma-multikulturalizm>.
18. Скоробогатых, Н. С. Мультикультурализм в Австралийском Союзе: новый XXI век, старые проблемы / Н. С. Скоробогатых // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2011. – № 16. – С. 241-261.
19. Этническое многообразие и толерантность. Сравнение проблем и решений в городах мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://goudpotcpkstrnmtc.acentr.gov.spb.ru/tolerantnost/ehnicheskoe_mnogoobrazie.pdf.
20. Day, Richard J.F. Multiculturalism and the History of Canadian Diversity / J. F. Richard Day. – Toronto: University of Toronto Press, 2000. – 263 p.
21. Huntington, Samuel P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order / Samuel P. Huntington. – New York: Simon & Schuster, 1996. – 367 p.
22. Kenan, Malik. The Failure of Multiculturalism Community Versus Society in Europe. Foreign Affairs, March, 2015, 94. – pp. 21-32.

Смирнова Е. А.
E. A. Smirnova

ДВЕ ПОСТАНОВКИ Р. В. СОТИРИАДИ В СЕВАСТОПОЛЕ

TWO PRODUCTIONS BY RENATA V. SOTIRIADI IN SEVASTOPOL

Смирнова Елена Александровна – аспирантка (соискатель) Российского института истории искусств (Россия, г. Севастополь). E-mail: helengri@mail.ru.

Ms. Elena A. Smirnova – a post-graduate, Russian Institute of History of the Arts (Russia, Sevastopol). E-mail: helengri@mail.ru.

Аннотация. Предметом исследования является поэтика спектаклей Р. В. Сотириади в Севастопольском русском драматическом театре имени А. В. Луначарского, созданных ею в 2003 – 2004 гг. («Сон в летнюю ночь» В. Шекспира и «Мещанин во дворянстве» Ж.-Б. Мольера). Анализируются основные особенности творческой манеры режиссера (в частности, роль игры). Исследуется роль сценографии, пластики, музыки и прочих составляющих драматического действия, а также способ актерского существования и создания ансамбля. Статья основана на использовании сравнительно-исторического метода, личном зрительском опыте ее автора и анализе прессы, посвященной спектаклю. Комплексное изучение творчества Р. В. Сотириади в Севастополе предпринимается впервые. Исследование ее режиссерской манеры может стать показательным для выявления закономерностей, характерных для региональной театральной жизни, и восстановить страницы истории русского театра, выпавшие из контекста исследовательской работы. Режиссер предоставила актерам возможность существования в координатах иной постановочной манеры, а театральность ее спектаклей способствовала развитию регионального театрального искусства.

Summary. The subject of the research is the poetics of productions by Renata Sotiriadi, which were staged at the Sevastopol theatre named after A. V. Lunacharsky in 2003-2004 («A Midsummer night's dream» by W. Shakespeare and «Le Bourgeois Gentilhomme» by Zh.-B. Moliere). The main features of the creative manner of the Director (in particular, the role of the game) are analyzed in the article. The role of scenography, plastique, music and other components of dramatic action are examined. The article is based on using the comparative-historical method as well as personal audience experience of the author and analysis of reviews, which are not numerous. A comprehensive study of the creative work of R. V. Sotiriadi in Sevastopol is being done for the first time. The study of her manner of directing may be indicative for identifying the patterns specific to regional theatrical life and may restore some pages of the history of Russian theatre, which have been out of the research scope so far. The Director gave the actors the possibility to exist in the coordinates of another staged manner, and the theatricality of her productions lead to the development of regional theatre art.

Ключевые слова: Рената Сотириади, Шекспир, Мольер, Севастопольский театр имени А. В. Луначарского, театральность, игра, режиссерская методология.

Key words: Renata Sotiriadi, Shakespeare, Moliere, the Sevastopol theatre named after A. V. Lunacharsky, theatricality, game, methodology of directing.

УДК 792.09+792.2

Среди неизученных страниц истории Севастопольского русского драматического театра имени А. В. Луначарского оказались и постановки Р. В. Сотириади, заслуживающие внимания прессы. О них появились всего лишь две статьи, да и те не давали представления о том, какова была поэтика этих спектаклей.

Рената Владимировна Сотириади, режиссер и актриса театра на Таганке, создала в Севастополе два спектакля «Сон в летнюю ночь» В. Шекспира (2003 г.) и «Мещанин во дворянстве» Ж.-Б. Мольера (2004 г.). На тот момент она была уже опытным режиссером: в 1995 г. окончила Высшее театральное училище им. Б. В. Щукина, актерско-режиссерский факультет, курс Ю. П. Любимова (1994 г. – актерский, 1995 г. – режиссура), ассистировала своему учителю, самостоятельно поставила ряд спектаклей в Москве.

Оба спектакля созданы ею в соавторстве с главным художником Мытищинского театра «Фэст» Ириной Титоренко. На прошедшей перед премьерой постановки по пьесе В. Шекспира пресс-конференции говорилось о том, что «новая работа коллектива театра – это моменты капустник, клоунада. Веселая игра – вечное движение, из которого состоит жизнь, – основа спектакля» [2, 3]. Эта игра стала самоценной и составила главное достоинство обеих постановок.

Карнавальную стихию спектакля «Сон в летнюю ночь» сразу же задавало распределение ролей: на роль Ипполиты были назначены в очередь Сергей Санаев и Евгений Журавкин. Высокие и широкоплечие актеры, поставленные на котурны, со зверским выражением лица, в черном парике, являли собою разительный контраст с изящным светловолосым Тезеем (Андрей Бронников), нежным голосом выведившим: «Ипполи-и-та». Появление такой «прекрасной Ипполиты», опутанной веревками, которые она стремилась разорвать, вызывало неизменный смех в зрительном зале. Комизма добавлял Эгей (Анатолий Бобер), непрестанно осыпавший тумаклами Гермению, Лизандра и Деметрия заодно.

В спектакле многие актеры исполняли по несколько ролей, что усиливало моменты самоценной театральности. На первый план, становясь безудержным капустником, выходила репетиция постановки ремесленников о Пираме и Фисбе. Анатолий Бобер играл и Эгея, и Оберона, и Пигву во всех его ипостасях. Сергей Санаев был не только Ипполитой, а ткачом Основой, игравшим Пирама, а Андрей Бронников, исполнявший роль Тезея, – медником Рыло. Александр Порываев исполнял роли Лизандра и Дудки, ставшего Фисбой, а Алеф Кондратьев – Деметрия и Заморыша.

Сцена превращалась в сказочный лес, благодаря искусной драпировке постоянно меняющейся тканью. Подсветка (художник по свету – Дмитрий Жарков) придавала тканям объем, словно наполняла их воздухом. Кулисы были опутаны сложной системой веревочных лестниц, по которым умело карабкались персонажи, и, в первую очередь, – Пэк (Сергей Чепиль). Лестницы спускались вниз наподобие гамаков. Ткани нередко служили и продолжением сказочного костюма, как, например, у Феи (Ольга Лукашевич) или Титании (Ирина Демидкина), которая была полностью укрыта светлой тканью. Перед премьерой пресса отмечала: «По замыслу режиссера, исполнители должны были научиться красиво перемещаться на канатах, что возможно при хорошей физической форме. Доверенная Сергею Чепилу роль предполагала овладение игрой на флейте. И молодой актер освоил в пределах необходимого музыкальный инструмент, как научилась игре на гитаре Ольга Лукашевич» [2, 3].

Костюмы были выполнены в едином стиле: «Господствуют на сцене зеленый и белый цвета. Белый – для людей, зеленый – для лесных существ» [2, 3]. Одежда ремесленников представляла собой подобие сарафанов или комбинезонов разных оттенков зеленого, а обитатели сказочного леса, действительно, были в широких белых брючных костюмах – и мужчины, и женщины.

Театральность постановки подчеркивалась за счет игры с текстом, когда слова Оберону, выжимающему сок цветка на глаза спящей Титании, подсказывал Пэк, словно суфлер. А во время репетиции ремесленников, собирающихся играть во дворце герцога, Пигва спрашивал: «Ну, что вы стоите, как монтировщики?» Далее, в свои права требовательно вступал капустник. В поисках, будет ли затмение в день представления, Дудка под хохот зрителей разворачивал «Славу Севастополя» и замечал: «О, тут про нас написано!» «Да, юрздицкого периода еще», – парировал Пигва, обыгрывая фамилию журналистки Е. Юрздицкой, в прошлые годы много писавшей о театре. Он, спустившись в первый ряд, обращался к художнику по свету: «Димочка, плесни мне синенького на Пирама».

Ослиную голову на Пираме сделали во весь человеческий рост. Смешная ослиная морда, на которой красовалась кокетливая шляпка набекрень, полностью скрывала актера, помахивала ушами и пела голосом С. Санаева:

*Щегленок, яблик, воробей,
Кукушка с песнею своей,
Которой человек в ответ
Сказать не часто смеет: нет!* [5, 172]

Сцены четвертого акта были переставлены: первыми выходили Тезей с Ипполитой. Под ее аккомпанемент на аккордеоне они пели каждый по куплету:

В лесах на Крите как-то с Геркулесом

И с Кадмом затравили мы медведя

Спартакскими собаками ... [5, 195]

За ними следом, пропевая последние строчки текста, проходили эльфы, и далее уже следовала сцена снятия чар с Титании. Затем начиналось снова, как капустник, представление ремесленников, тонущее в зрительском хохоте. Остроумный шекспировский текст в переводе Т. Л. Щепкиной-Куперник сопровождался уморительно разыгранными пантомимами и музыкой, производимой с помощью пилы, стиральной доски и трещотки, а завершалась сцена «бергамским танцем». А. Бронников – медник Рыло, исполнявший также роль Стены и Лунного света, выходил с барабанами, звук которых дополнял остальные инструменты, и под них труппа смешно прыгала. Заканчивался «Сон в летнюю ночь», как и начинался – монологом Пэка.

Аншлаги и любовь актеров к этому веселому спектаклю побудили художественного руководителя театра В. В. Магара предложить Р. В. Сотириади следующую постановку.

В «Мещанине во дворянстве» сцена была пуста, лишь задрапирована длинными полотнами цветной ткани. С помощью освещения (художник по свету – тот же Дмитрий Жарков) создавалась теплая гамма пастельных тонов. При поднятии занавеса зритель видел всех участников спектакля, танцующих на поворотном круге, словно фигурки на крышке музыкальной шкатулки. Опускалась нарядная французская (фестонная) штора, и на ее фоне вели диалог пританцовывающий учитель музыки (Андрей Бронников) и учитель танцев (Николай Филиппов) – в цветных камзолах и пышных панталонах, косматых белых париках и ярком гриме. Штора поднималась, открывая появление Журдена, выезжающего в красном кресле в сопровождении странного и слегка воинственного вида не то слуг, не то охранниц. Журден (Анатолий Бобер) в длинном халате и смешном колпаке дремал, свернувшись калачиком. Соскочив с кресла, он сразу же объявлял, торжествуя показывая письмо: «Ко мне сегодня на обед пожалует маркиза», – и приступал к занятиям. По обе стороны от его кресла выстраивались музыканты в одинаковых красных ливреях, напоминающих клоунские костюмы. Происходящее на сцене и в этом спектакле с первых же моментов напоминало капустник, но все же более сдержанный. Текст учителя музыки состоял наполовину из мольеровского, наполовину – из остроумных импровизаций «по теме». Построившись в шеренгу, певцы запевали:

О, кто бы не хотел любви изведать власть,

Когда бы не была обманчивою страсть!

Всегда сердца, всегда сердца, всегда сердца... [4, 228] (и так много раз)

На головах певиц были надеты, как шляпки, миниатюрные корзиночки с длинной ручкой. На клавишине аккомпанировала заведующая музыкальной частью театра Екатерина Троценко. Как одну из «шутков, свойственных театру», стоило расценивать предложение учителя музыки научить петь «даже танцоров». Н. И. Филиппов, известный в Севастополе профессиональный вокалист, пел отрывок из арии Фигаро из оперы В. А. Моцарта «Свадьба Фигаро» («Мальчик резвый, кудрявый, влюбленный»).

Костюм «для утренних упражнений» на Журдене состоял из короткого, едва прикрывающего половину груди жилета, белых колготок и синей юбочки, напоминающей о папуасах. Он производил в нем чрезвычайно комическое впечатление, когда, маленький и полный, танцевал мэнует с грациозным высоким учителем танцев. Еще смешнее он отрабатывал поклоны, а затем фехтовал под невозмутимые комментарии учителя фехтования (Юрий Корнишин) и его воинственного ассистента (Лора Урсул). Смешно и театрально также выглядели драки с участием этих учителей, а затем присоединившегося к ним учителя философии. Борис Некрасов играл его тщедушным человечком в костюме древнегреческого мудреца, который, разломив лиру с ее обломками, кидался на противников. Потасовка продолжалась как танцевальная интермедия на вращающемся круге, и таких сцен в спектакле было множество: режиссер сохранила жанр комедии-балета. Постановку пластики осуществила Елена Ольховская.

Особая театральность постановки достигалась Р. В. Сотириади и за счет того, что здесь тоже, как и в предыдущей ее работе, женские роли исполняли мужчины, при этом не скрывающие своей мужской сути. После урока философии в очередной интермедии под менуэт Л. Боккерини появлялся портной – Евгений Журавкин – в роскошном костюме, представлявшем собой пышную юбку поверх узких мужских брюк. Он танцевал, грациозно потряхивая подолом, вместе со своими ассистентками. В его движениях не пряталась мужская резкость. Затем закрывался очередной тонкий занавес, и на его фоне танцующий кордебалет представлял театр теней, пока портной изображал нечто вроде стриптиза, элегантно снимая сперва юбку, затем галстук и темные очки. Взорам смеющихся зрителей предстал переодетый Журден: на нем было подобие карнавального костюма – в таком можно изображать петуха на детском утреннике, а можно – праздничного папуаса. Его одеяние в виде коротенького сарафана из красно-оранжевых лоскутов с огромным бантом сзади было похоже на оперение, под цвет ему была и широкополая шляпа наподобие мексиканской. На ногах красовались кожаные сапоги, с белыми в тон колготкам бантами. Из зала появлялась госпожа Журден – Андрей Бронников, тоже не скрывавший ни своего пола, ни голоса. Актер был переодет в широкие красные юбку-брюки и высокие сапоги на огромном каблуке, в темный парик воткнуто гигантское перо. Основной комизм заключался в мимике и пластике этого персонажа – г-жа Журден очаровательно хлопала наклеенными ресницами, беспрестанно прихорашивалась и поправляла костюм, теребила в руках то сумочку, то веер. Во время перепалки с Журденом она то заваливалась в кресло, смешно выставив ноги в красных сапогах, то так же забиралась в ложу второго яруса, свесив ноги и оттуда.

В этом игровом спектакле очень многое было построено на внешнем комическом облике персонажей. Маркиз Дорант (Алеф Кондратьев), тонкий и долговязый, в роскошном белом костюме с красными отворотами, жеманничал и вместо «у» во всех словах произносил «ю». Клеонт (Сергей Листунов) и Коввель (Сергей Чепиль) были в одинаковых брюках-галифе и париках, отличающихся только цветом. Они имели похожие солдафонские манеры и казались неразлучными друзьями.

Во втором действии появлялась маркиза Доримена (Татьяна Дикова). Ее костюм был необычен: полосы ткани соединяли панталоны и рукава, из-за чего она двигалась наподобие тростевой куклы, а пальцы, как клешни, продолжались длинными металлическими накладными ногтями. Голову ее венчал конусообразный рыжий парик. Как заметила заведующая литературно-драматургической частью Т. Довгань о костюмах: «Искушенные зрители заметят в них влияние современных дизайнеров: Жана-Поля Готье, Кристиана Диора» [1, 3]. Речь Журдена для маркизы и его танец с нею превращались в череду лацци, напоминавших о «Сне в летнюю ночь». Затем следовала массовая танцевальная сцена, завершавшаяся особенно театрально: из-под не до конца опущенной французской шторы было видно множество пар танцующих ножек в синих и красных чулках.

Эпизод обеда был сделан посредством театра теней. Изящные фигурки под звучащий менуэт Й. Гайдна разносили блюда, а пировали огромные тени Журдена, Доранта и Доримены. Появившаяся г-жа Журден прогоняла их, так же был сделан и бой, когда ее гигантская тень расшвыривала и колотила, подобно Гулливеру в стране лилипутов, остальных.

Сцена, когда Коввель притворялся переводчиком «сына турецкого султана», шла под сплошной смех зала. В эпизоде посвящения Журдена в мамамуши использовались мольеровский текст и забавная тарабарщина на молодежном жаргоне, похожая на рэп, танцы под восточную музыку и движение огоньков (по-видимому, зажигалок) в темноте. Все участники вытаскивали пестрые валики, и таким же становился халат Журдена. Веселый массовый танец перерастал в поклоны, продлевая ощущение театрального праздника.

Эти постановки украсили собою афишу театра имени А. В. Луначарского в начале 2000 г., давая возможность не только зрителям приобщиться к высокой драматургии, но и актерам продемонстрировать свое мастерство. В спектаклях Ренаты Сотириади все было построено на ценности театра как такового, на самодостаточности театральной игры: «Все они [актеры] – пластичны психологически» [2, 3], – сказала режиссер, начиная работать в Севастополе. Множество разных ро-

лей, исполняемых актерами по ходу спектакля, подтвердили ее слова. И во второй постановке демонстрировалась такая же пластичность труппы.

Хотя режиссерская методология Р. В. Сотириади отличалась от манеры В. В. Магара, почти полностью строясь на самоигральной театральности, именно своей театральностью она и оказалась ей близка. Режиссерскому почерку Магара присущ своеобразный театроцентризм, и самодемонстрация театра в разных ипостасях в его спектаклях часто становилась основным лирическим высказыванием постановщика. Если в его работах игровое существование актера часто соседствует с проживанием, то «магическое слово театра – «игра» [3, 214], по определению Мейерхольда, могущее быть использованным при описании спектаклей Р. В. Сотириади («Сон в летнюю ночь» и «Мещанин во дворянстве»), обрело свое первоначальное значение. Ею был уловлен и создан современный вариант того Театра, что «звонит бубенцами чистой театральности» [3, 196]. Это не могло не способствовать развитию регионального театрального искусства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Довгань, Т. До смеха нам сейчас... / Т. Довгань // Слава Севастополя. – 2004. – № 117(21807). – С. 3.
2. Калько, А. Вечные мгновения летней ночи / А. Калько // Слава Севастополя. – 2003. – № 147(21593). – С. 3.
3. Мейерхольд, В. Э. Статьи, письма, речи, беседы / В. А. Мейерхольд; коммент. А. В. Февральского: в 2 ч. М.: Искусство, 1968. – Ч. 1. (1891 – 1917 гг.). – 350 с.
4. Мольер, Ж.-Б. Мещанин во дворянстве: в 3 т. / Ж.-Б. Мольер. – М.: Искусство, 1987. – Т. 3. – 717 с.
5. Шекспир, В. Сон в летнюю ночь: комедии, хроники, трагедии / В. Шекспир; пер. с англ.; сост., коммент. Д. Урнова. – М.: Худож. лит., 1989. – Т. 1. – 783 с.

Чебанюк Т. А.
T. A. Chebanyuk

ЖАНРОВЫЕ ФОРМЫ КУЛЬТУРЫ РУССКОГО РОМАНТИЗМА

GENRE FORMS OF RUSSIAN ROMANTICISM CULTURE

Чебанюк Татьяна Алексеевна – доктор культурологии, профессор кафедры философии и культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, г. Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8-4217-53-75-06. E-mail: tchebanyuk2010@yandex.ru.

Ms. Tatiana A. Chebanyuk – doctor in Cultural studies, Professor, Philosophy and Cultural Studies department, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenin avenue 8(4217)-537506. E-mail: tchebanyuk2010@yandex.ru.

Аннотация. В статье выявляется специфика форм романтизма.

Summary. The paper identifies the features of romanticism forms.

Ключевые слова: русский романтизм, жанровые формы культуры.

Key words: Russian romanticism, genre forms of culture.

УДК 007

Романтизм как художественная система сформировался в русской культуре первой четверти XIX века. Культурно-исторические, философские и мировоззренческие предпосылки формирования романтической системы были определены неприятием действительности, обуславливающим разочарование, отрицание разума как способа познания мира и человека, возможности разумного устройства жизни. Следствием этого стало доминирующее обращение к мечте, идеальному миру, к иррациональному, к интуитивным началам как инструментам познания.

Отличительные свойства романтизма: национальная самобытность, народность, оригинальность; представление об абсолютном характере идеалов и осознание невозможности их осуществления. Формирование и художественная реализация идеи абсолютно свободной личности, самоценного внутреннего мира человека. Его системно-структурные характеристики: иррационализм, жизнь духа, интуиция, прозрение; самоценность человека; исключительность чувств и мыслей, поступков романтического героя, значимость императива личностной свободы, жизнетворчество.

Специфику романтизма как художественно-эстетической системы определяют жанровое мышление; единство лирического героя при художественной вариативности его представления; единство стиля и доминирующей эмоциональной тональности: разочарования, тоски, поиска «иных миров».

Знаковой формой культуры русского романтизма было жизнетворчество – процесс сотворения романтической маски и соответствующей ей поведенческой роли. Романтическое жизнетворчество было ориентировано на преднамеренное построение художественных образов и эстетически организованных сюжетов. А маска разочарованного человека в разных вариантах ее «театрального ношения» была следствием моды на «романтические чувства» и их поведенческие проявления при совпадении и расхождении личностного (единичного) и образного (маски, роли «разочарованного» человека).

Константы «самосотворения» ролевой формы определялись необычностью ситуации или обстоятельств, осознаваемых субъектом как избранные им самим или навязанные ему роком; их мотивированностью и закрепленностью (в значении особого «последования», тайны, судьбы) в сознании определенного круга людей, расположенных к поддержанию эмоционально-психологической атмосферы роли.

Следует указать на примеры алгоритмов романтических ролевых форм: «беглеца» (К. Н. Батюшков), человека сильных страстей (А. А. Тургенев), безмятежного ленивца (А. А. Дельвиг), роль, счастье жизни которого составляют безделье и бездумное веселье; роль «особничества», отстраненности и принужденной замкнутости (П. Я. Чаадаев); «гусарства», проявляющегося в разгульном, бесшабашном поведении (Д. В. Давыдов); «буйства молодого» (Н. М. Языков); эпатажности (Ф. Толстой – Американец); творение романтической биографии А. Орловским; авантюризм и непредсказуемость Ф. Толстого – Американца как основание для творения современниками образа «романтического героя».

Вместе с тем для эпохи русского романтизма было характерно явление «культурного отстранения» от общепризнанных ролей и связанных с ними типов поведения, что принуждало человека (особенно декабристов, в большинстве своем молодых людей) быть посмешищем или «слыть странными».

Специфика романтической художественно-эстетической системы определяется жанровым мышлением, единством лирического героя при художественной вариативности его представления, единством стиля и доминирующей тональности: разочарование, тоска, поиски «иных» миров.

Доминирующей формой русского романтизма явилась лирика с устойчивыми жанрами, темами, мотивами, образами лирического героя, пониманием поэзии как высшей формы творчества. Следует указать на сквозные жанровые мотивы: разочарование, тоску, стремление в иные миры, но одновременно и поиски гармонии в мире («островков личностной свободы»), и осознание невозможности ее достижения, сосредоточенность на ценности внутренней жизни личности, исключительность позиции «я» в мире, созерцательность, тоску по утраченным идеалам и понимание их невозвратности; отвращение от унылой действительности, порывы к миру гармонии, прекрасному (В. А. Жуковский, молодой А. С. Пушкин, А. А. Дельвиг и др.), что предопределило стилевое единство героя, специфику романтического конфликта: я – мир = разочарование; я – возлюбленная = разочарование; я – друзья = разочарование; я – прошлое (былые надежды) = разочарование; я – настоящее = разочарование; я – будущее = нет надежды, что определяет специфику жанрово-стилевой системы романтизма и предопределяет «поэтику узнавания», обуславливает поиски «иных миров» (Кавказ, Восток, ирреальный мир) и осознание их невозможности и, как следствие, бегство героя в «иные страны» или отчуждение от общества.

Основные жанровые формы романтической лирики определялись устойчивостью сквозных тем и мотивов, их образно-словесного закрепления и обуславливали монотонность поэзии.

Жанрово-стилевую специфику декабристской поэзии В. К. Кюхельбекера, К. Ф. Рыльева, Вл. Н. Раевского, А. Н. Бестужева (Марлинского) и других детерминируют мотивы подвига «человека-гражданина», исключительность его поступков, жертвенность во имя гражданской свободы, что обуславливает ее героизированное содержание, которое, по сути, – упрек современникам и назидание во имя будущего поколения. Формами осуществления, реализации представлялись политическая свобода, идеальное общественное устройство, гражданское служение отчизне, жертвенность во благо родины.

В этой связи доминирующей функцией поэта-гражданина провозглашается возбуждение общественного сознания, мнения, основными формами которых должны стать призыв к борьбе, готовность к мученической смерти, жертвенность. Активно разрабатывались и пропагандировались идеи пророческой миссии поэта, неизбежности его конфликта с толпой, смерти, посмертной славы и бессмертия в делах за освобождение отчизны; необходимости формирования культа гражданских добродетелей человека-гражданина и поэта-гражданина. Вследствие этого закономерно формировался ореол романтического героя – борца за свободу и счастье Отчизны. Отсюда в поэтической системе декабристов чрезвычайно активной была роль слов – сигналов, на которую указывали исследователи.

Доминирующей формой в культуре русского романтизма была элегия (В. А. Жуковский, А. А. Дельвиг, Н. М. Языков, К. Н. Батюшков, Е. А. Баратынский, Д. В. Веневитинов и др.). Жанрово-поэтические мотивы элегии определялись конфликтом личности (лирического героя) с миром, окружающей действительностью и, как следствие, тоской по идеалу и вместе с тем ощущени-

ем его недостижимости, осознанием невозвратности утраченного, отвращением к унылой повседневности и одновременно порывами к миру гармонии, прекрасному.

Закономерным в элегии стало доминирование мотивов одиночества, «разуверения», невозможности надежды на гармонию жизни, упокоения в мире. Идея самоценности личности (человеческой души), исключительность ситуаций, в которых появляется романтический герой и художественно-поэтическая специфика его решения, обуславливает «поэтику узнавания», на которую указывали многие исследователи, в частности Ю. М. Лотман, Ю. В. Манн, А. М. Панченко, Ф. П. Федоров, В. Турчин, А. А. Смирнов и др.

В элегии доминируют сквозные мотивы неизбежного конфликта мечты и действительности, переживание недостижимости идеального мира (В. А. Жуковский «Сельское кладбище»), что предопределило мотивы двоемирия и упования на воздаяние в мире ином. В этой связи романтиками активно репрезентируются мотивы сумасшествия как откровение свыше, как единственный способ прозрения действительности.

Для элегии характерны устойчивость образно-словесного закрепления тем и мотивов, единство лирического героя, основанное на разочаровании; единство эмоционально-психологического состояния героя. Тем не менее в элегии присутствуют проблемы Руси и народного характера (П. А. Вяземский «Русский бог», «Дорожная дума», «Еще тройка» и др.); мотивы поэта – пророка, избранника с акцентированием неизбежного конфликта «гений – толпа» (Н. М. Языков «Гений», «Поэт», «Сомнение», «А. С. Пушкину»).

Философско-поэтическое осмысление пути, жребия и миссии России было предпринято в поэзии Д. В. Веневитиновым, Е. А. Баратынским и реализовано в сквозных мотивах роковой раздвоенности человека в поэзии Е. А. Баратынского («Безнадежность», «К», «Истина», «Знание бытия» и др.); скоротечности человеческой жизни («Череп», «Смерть»), которые определяют, по мнению многих исследователей, монодию текстов.

Основой разработки темы поэзии и поэта в творчестве романтиков послужили концепции В. А. Жуковского (письмо П. А. Вяземскому), Е. А. Баратынского «Последний поэт». Доминирующими были мотивы пророческой миссии поэта, его исключительности и избранности, репрезентированные в поэзии В. К. Кюхельбекера («Участь поэтов», «Жребий поэтов», «Поэты»); в поэзии Н. М. Языкова («Поэт свободен. Что награда...»), А. А. Дельвига («Гений», «Вдохновение», «Поэт»).

Следует указать на специфику романтического творчества А. С. Пушкина: темы, мотивы и формы его раннего творчества не вмещались в рамки романтизма и его стилевых жанровых форм. Жанрово-стилевые особенности его романтической лирики определяются преодолением «жанрового мышления», углублением во внутренний мир героя, сосредоточенностью на общечеловеческих и личностно-нравственных проблемах, что позволило ему преодолеть стилевое мышление, характерное для времени.

А. С. Пушкин наполнил лирическую ситуацию авторскими конкретными деталями, эмоциями, в связи с этим большинство исследователей указывают на его поэтический универсализм: в мотивах, образах, поэтическом стиле. Он открыл новые ореолы романтических тем и мотивов, основой которых стала индивидуализация поэтических ситуаций, автобиографизм, отсутствие жесткой жанрово-стилевой системы; психологическая конкретность героев и их лирических переживаний.

Последовательным в его поэзии было движение к открытию и реализации «нагова слова», что обусловило отсутствие деклараций, нерешенных поэтически лозунгов, характерных для поэтов времени. Поэтический универсализм А. С. Пушкина проявился в стремлении воссоздать портрет эпохи и ее человека, носителя и творца культуры. Доминирующими темами его творчества стали: жажда ощущений новых впечатлений, свободы. Активными в его творчестве были мотивы странника – изгнанника, добровольного бегства из «отеческих краев», возрождения души, жажды внутренней и внешней свободы, нравственного очищения.

Он символизировал стихии, чья «жизнь» была сродни жизни поэта. Он смог в поэзии дать психологическое обоснование недовольства жизнью, внутренними причинами (а не декларациями о разочаровании), что было характерно для большинства поэтов его времени.

А. С. Пушкин осуществил поэтическую попытку создания «образа», «портрета» современного человека, преодолев «монодию» в своих поэтических трактовках. Значимыми для него были мотивы и образы моря как стихии, активности, безграничной свободы, мотивы «добровольного» бегства, «изгнания» как результата недовольства собой. Его романтическое творчество отличает психологизм лирики, преодоление жанрового мышления, углубление во внутренний мир, сосредоточенность мысли на проблеме общечеловеческих, личностных нравственных ценностях – философизация поэзии и мотивация разочарования.

Активной жанровой формой в культуре русского романтизма было дружеское послание, специфику которой определяли сквозные мотивы и образы: уединение: сень, чердак, хижина, приют, келья, кров, уголок, камелек, дружеская пирушка и др. Акцент ставился на интимности, исключительности «домашней жизни». В связи с этим сквозными образами стали «халат», лень, праздность, гуляка, меланхолический затворник как условия свободного творения (А. А. Дельвиг).

Акцент в дружеском послании ставился на значимости «домашней жизни», свободной и вольной, о чем свидетельствуют «халатная поэзия» с доминирующими мотивами неги, лени, внутреннего раскрепощения (А. А. Дельвиг, П. А. Вяземский); мотивы дружества и дружеской пирушки с доминирующими образами раскрепощения поэтических чувств, звоном зазданных чаш (К. Н. Батюшков, А. А. Дельвиг, Вл. Раевский, А. С. Пушкин); мотивы «гусарства» как раскрепощения личности, ее удали и отваги (Д. Давыдов); мотив пастушки – «человека естественного», не испорченного светом (К. Н. Батюшков); мотивы молодости, буйства, раскрепощения духа (Н. М. Языков).

Вместе с тем следует отметить факт гражданской направленности дружеского послания поэтов – декабристов: В. Раевский, В. К. Кюхельбекер и др.

Системно-структурные и жанрово-поэтические особенности романтической поэмы А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, К. Ф. Рылеева и других определяются особым положением героя (беглец, добровольный изгнанник); спецификой его портрета с акцентированием его исключительности (бледное, изможденное чело, черные волосы); особенностью решения конфликта, как правило, с обязательной его смертью. Образно-поэтическая специфика: герой – двойник автора, в центре поэмы – его переживания. Романтически-поэтические и психологические особенности сюжета поэмы определяются в доминанте мотивами тайны, неволи и сопровождаются романтическим ореолом страдания героя, сказывающимся на его поведении.

Особенности романтического конфликта в поэме определялись мотивами бегства разочарованного героя в нецивилизованные страны и его трансформациями в «Кавказском пленнике» и «Цыганах» А. С. Пушкина. «Естественное общество» романтиками репрезентировалось как идеальная по первоначальным представлениям героя среда, доминирующей особенностью которой была свобода. Вместе с тем следует отметить усложнение конфликта: идеальные устремления героя к свободе и плен (бегство – узничество); внутренний конфликт героя с самим собой, обусловленный противоречивостью его душевных переживаний, его стремлений и поведения: для него свобода и счастье были несовместимы («Шильонский Узник» В. А. Жуковского, «Кавказский пленник» А. С. Пушкина, «Демон» М. Ю. Лермонтова).

Следует отметить, что процесс создания романтических героев осуществлялся преимущественно в таких формах, как монолог, портрет, пейзаж. Специфику решения женских образов в поэмах определяли акцентирование их «естественности», природности, что закономерно обуславливало идеализацию героинь – представительниц «естественных обществ», а принципы создания романтического героя преимущественно определились монологом, портретом, пейзажем.

Романтическая проза в системе романтизма декларировалась как «форма времени» (В. Г. Белинский). Ее жанровое своеобразие определяет фантастическая повесть в творчестве А. Погорельского, В. П. Титова, В. Ф. Одоевского и других, для которой свойственен иррационализм как инструмент и форма познания мира, реализованный в их прозаическом творчестве: В. Ф. Одоевский «Косморама», «Сильфида», «Саламандра»; В. П. Титов «Уединенный домик на Васильевском острове».

Активной жанровой формой в романтической прозе была фольклорно-фантастическая повесть, репрезентированная в творчестве А. Ф. Вельтмана, О. М. Сомова, М. Н. Загоскина. Ее специфика определялась присутствием в сюжете реального и ирреального пластов, изображением исключительного, невероятного, имеющего основой фольклорные начала (ведьмы, оборотни и др.).

Не менее активной романтической формой была фантастическая повесть, для которой свойственно обращение к проблемам самопознания, интуиции, мистики, к идее нравственной «кармы». Структурно-поэтические элементы создания атмосферы ирреального, таинственного: детали сверхъестественного происхождения, слухи, сны – предсказания и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лотман, Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство СПб, 1994. – С. 18-90.
2. Лотман, Ю. М. Очерки по истории русской культуры XVIII – начала XIX века / Ю. М. Лотман // Из истории русской культуры. Т. IV (XVIII – начало XIX века) / изд. А. Кошелев. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – С. 13-346.
3. Манн, Ю. В. Русская культура XIX века. Эпоха романтизма / Ю. В. Манн. – М.: РГГУ, 2009. – 518 с.
4. Панченко, А. М. Русская история и культура / А. М. Панченко. – СПб.: Юна, 1999. – 520 с.
5. Романтизм. Вечное странствие / под ред. М. В. Манна. – М.: Наука, 2008. – 453 с.
6. Смирнов, А. А. Романтическая лирика А. С. Пушкина как художественная ценность / А. А. Смирнов. – М.: Наука, 2007. – 309 с.
7. Турчин, В. Эпоха романтизма в России. К истории русского искусства первой трети XIX столетия / В. Турчин. – М.: Искусство, 1981. – 552 с.
8. Федоров, Ф. П. Человек в романтической литературе / Ф. П. Федоров. – Рига: Латв. гос. ун-т, 1997. – 118 с.

Калина Н. Д.
N. D. Kalina

КОНСТРУКТИВИСТСКИЙ ПОДХОД К ВИЗУАЛИЗАЦИИ ЗНАНИЙ, НОРМ И ЦЕННОСТЕЙ ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ КАК УСЛОВИЕ ИНКУЛЬТУРАЦИИ СТУДЕНТОВ В ОБРАЗОВАНИИ

THE CONSTRUCTIONISM IN VISUALIZATION OF VISUAL CULTURE KNOWLEDGE, NORMS AND VALUES AS A CONDITION OF INCULTURATION OF STUDENTS IN EDUCATION

Калина Наталья Дмитриевна – кандидат педагогических наук, профессор кафедры дизайна и технологий Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (Россия, г. Владивосток). E-mail: atk5049@mail.ru.

Ms. Natalia D. Kalina – PhD in pedagogy, professor of the design and technology department Vladivostok State University of Economics and Service (Russia, Vladivostok). E-mail: atk5049@mail.ru.

Аннотация. Статья основана на концепции конструктивистского подхода к становлению в образовании творческих специалистов визуальной культуры. Предметом исследования является процесс конструирования визуальных образов. В качестве основных используются следующие методы исследования: анализ концептуальных положений конструктивистского подхода; теоретический анализ конструктивного процесса; моделирование визуализации знаний в соответствии с целями и средствами, имеющихся у студентов. Построение артефактов культуры зависит от анализа теоретических предпосылок, решения проблем системной организации объекта и практического эксперимента со знаниями. Соответственно конструктивному процессу в образовании студентов-дизайнеров применяются три вида обучения: развивающее, проблемно-эвристическое и экспериментальное. Все виды обучения используются в электронной форме визуализации знаний на каждом занятии, но в различной мере. В результате конструктивного использования трех видов обучения и визуализации знаний решается проблема постепенного возрастания творческих и экспериментальных процессов у студентов. Из наблюдений за студентами выявлено, что конструктивистский подход способствует решению задачи инкультурации субъектов, выполняющих культурно-обусловленную систему познания и конструирования артефактов визуальной культуры.

Summary. The article is based on the concept of a constructionism in the formation of creative visual culture specialists in education. The subject of the study is the process of constructing visual images. The following research methods are used as the main ones: analysis of the conceptual provisions of the constructionism; theoretical analysis of the constructive process; modeling of knowledge visualization in accordance with the goals and means available at students. The construction of artifacts of culture depends on: the analysis of theoretical premises, the solution of object system organization problems and practical experiment with knowledge. According to the constructive process in the education of students-designers, three types of training are used: developing, problem-heuristic and experimental, all types of training are used in the electronic form of visualization of knowledge in each exercise but in varying degrees. As a result of using constructiveness of three types of education and visualization of knowledge, the problem of the gradual increasing of creative and experimental processes among students is being solved. The conclusion that constructionism contributes to inculturation of students, performing system of cognition and design of artifacts of visual culture.

Ключевые слова: конструктивистский подход, инкультурация, умеренный и радикальный конструктивизм, виды обучения, визуализация знаний.

Key words: constructionism, inculturation, moderate and radical constructionism, types of training, visualization of knowledge.

УДК 008.001.8+378

Введение

Творческие открытия в науке, новейшие технологии и произведения искусства порождаются в культуре общества от единого основания – конструктивной деятельности человека. М. С. Каган, рассматривая онтологический статус культуры, считает, что ее образуют взаимные переходы трех модусов: *человека*, Культура при этом представляется как ансамбль (целостное единство) не врожденных, а приобретаемых в ходе исторического развития духовных качеств; *деятельности*, Культура представляется в выработанных человечеством способах предметной деятельности и общения; *предмета*, в котором плоды деятельности отделяются от своих творцов, материализуются, тем самым приобретают самостоятельное бытие в историческом времени, становясь «ненаследуемой памятью человечества» и «генами Культуры» [7, 169]. В качестве предметов конструктивной деятельности человека нами рассматриваются искусственно созданные объекты визуальной культуры. Артефакты конструируются во множестве концептуальных структур, включающих различные идеи, ценностные установки и различные грани универсального и специфического опыта культуры общества и уникального опыта творческой личности. Если артефакты оцениваются в связи с ценностями и критериями современной культуры, такими как система взглядов и содержательных идей, визуальная грамотность и художественно-эстетическая выразительность формы, они обогащают представления человека о действительности. Изображения, отвечающие критериям, сохраняются как исторические документы. Для зрителя артефакты визуальной культуры выступают объектом чувственного контакта и рационального осмысления его содержания – сфера познания идеологического контекста общества, обновление восприятия мира визуальными образами и событие, связанное с интеллектуальным и духовным осмыслением действительности, эстетическим переживанием и обретением новых смыслов. В связи с этим В. М. Розов подчеркивает, что визуальный образ отличается от реальной ситуации тем, что обладает системой смысловых значений, представленных набором зрительно воспринимаемых качеств [5].

На современном этапе общественного развития уровень визуальной культуры значительно расширился. Источники разрастающегося значения визуальных образов, наблюдаемых в повседневности, выделены П. Штомпкой. Первым источником расширения предметов визуальной культуры является деятельность человека. Вторым источником становится искусственно организованная городская среда, третьим – коммерция, включающая огромное число предметов в рыночный оборот, что выражается в стремлении к визуальной привлекательности с помощью упаковки, дизайна, акцента на стиль и моду. К четвертому процессу расширения визуального относится потребительское общество, с одной стороны, потребители товаров стремятся к новому и оригинальному, с другой стороны, строятся торговые центры с красивыми интерьерами, привлекающими покупателей [3, 12-13]. Визуальные образы заполняют всю искусственно сконструированную среду, окружающую человека. Визуальная среда насыщена образами архитектуры, интерьеров, рекламных щитов, плакатов, ландшафтного дизайна парков и скверов, одежды людей. Однако образы повседневности не всегда имеют познавательные и эстетические функции. В связи с чем важно разработать конструктивистский подход, способствующий качественному изменению образов визуальной культуры. Термин «визуальный» возник во второй половине XX века. В это же время конструктивистский подход получил свое новое развитие в форме радикального конструктивизма. При конструктивистском подходе сущностный и видимый мир дополняют друг друга, порождая две взаимозависимые формы деятельности – визуального познания и конструирования модели.

Концепция конструктивистского подхода к формированию творческой личности

На современном этапе развития познавательной сферы людей не так важны знания, которыми они овладевают, как компетентность в конструировании материальных объектов системы знаний. Е. Н. Князева в этой связи характеризует конструктивистский подход, обусловленный тем, что многие ученые пришли к осознанию недостаточности понимания познания как отражения действительности и когнитивной деятельности человека, как простой пассивной адаптации к окружающей среде. Человек в своих процессах не сколько отражает мир, сколько активно творит

и конструирует его. Центральным здесь является положение о «конструировании знания» и «интерактивном отношении» участников коммуникации к предмету познания [4, 9, 11, 55]. Конструктивистский подход усиливает роль творческой деятельности субъекта, направленной на преобразование и упорядочение реально существующих в культуре предметов и конструирование новых искусственных объектов как системы знаний на основе общекультурного геометрического языка и его художественных интерпретаций. Этот процесс обеспечивает личности социализацию и творческую индивидуализацию, готовность к конструированию новых продуктов визуальной культуры и коммуникации, что соответствует как актуальному, так и потенциальному развитию личности и общества. Культура обеспечивает субъект знаниями и критериями построения артефактов, формирует определенные качества личности, при этом человек результатами конструирования влияет на изменения в культуре. Совокупность культурных изменений вызывает обновление культуры в целом и задает условия индивидуального развития творческих личностей и всех людей, воспринимающих эстетически гармоничные визуальные образы культуры.

Системный подход ориентируется на построение системы. Конструктивистский подход характеризует процессуальную направленность на формирование творческой личности в процессе конструирования новых продуктов визуальной культуры по принципу «от теоретического к эмпирическому». Конструктивизм характеризуется концептуальным осмыслением системы междисциплинарных знаний к искусственно организованному порядку формы, содержания артефактов и визуально-символического способа обозначения смыслов предметов, явлений и процессов окружающего мира. Формирование творческой личности осуществляется на двух основных уровнях, каждый из которых основывается на своей системе теоретических знаний. *Умеренный конструктивизм* относится к первому уровню когнитивного развития аналитико-синтетической деятельности субъектов и визуальной грамотности в конструировании пространственной структуры объектов в форме общекультурного геометрического языка. *Радикальный конструктивизм* характеризует второй уровень проблемно-эвристической деятельности возможного конструирования художественно-эстетических артефактов визуальной культуры. Главная роль здесь отводится идеям построения системы смысловых значений объекта.

Конструируемая модель зависит от параметров (границ) представления определенной системы теоретических знаний, применяемых к построению материальной системы. Знания представлены через систему линий, светотеневых и цветовых пятен изображения. Концепция конструирования артефактов визуальной культуры опирается на три основных процесса: логический, семантический и интерпретационно-эвристический. Каждый из этих процессов имеет свой конструктивный язык. Логические процессы реализуются в построении пространственной структуры, научно обоснованной в понятийной знаково-символической форме геометрического языка. Вербальный язык проявляется в семантике конструирования системы смысловых значений артефакта. Образный язык художественных интерпретаций используется для согласования геометрических элементов в систему и выявления вторичных смысловых значений, соответствующих замыслу.

Целостность (эмерджентность) рассматривается в словаре как закономерность, проявляющаяся в системе взаимодействующих элементов и появлении у нее новых свойств, отсутствующих у элементов. Берталанфи считал эмерджентность основной системной проблемой [6, 556].

Конструктивистский подход обладает следующими характеристиками:

- обуславливает познание через действие;
- задает теоретический и практический выход из проблемных ситуаций;
- ориентирует локальную ситуацию познания и конструирования на гармоничное сочетание или синтез естественно-научных, гуманитарных и специальных знаний, что позволяет вырабатывать новые способы действия;
- требует целенаправленного анализа и синтеза знаний в конструировании системы в соответствии с целью, находящейся в балансе со средствами;
- активизирует конструктивную функцию рефлексии субъекта на осмысление концептуальной модели построения артефакта визуальной культуры как единой ценностно-смысловой позиции в организации системы взаимосвязанных положений, понятий и смыслов и контрольную

функцию рефлексии в выражении как объяснительных, так и эвристических процессов идеального конструирования модели с опорой на знаково-символический язык;

- обеспечивает достижение эмерджентности в конструировании возможного результата и прирост новых знаний;

- раскрывает ценностно-смысловое единство результата конструирования и возможностей личности, проявляющей систему качеств и компетентности;

- объединяет детальные и целостные процессы в конструировании системы визуального объекта, в связи с чем сопрягает вербально-логическое и пространственно-образное познание в единую систему. Субъекты с доминантностью пространственно-образного познания лучше ориентируются в целостной ситуации, а субъекты с доминантностью вербально-логического познания – в детальных процессах. Те и другие личности находятся в равных позициях, с опорой на сильные стороны они развивают слабые стороны системы познания и преодолевают в конструктивном процессе свою ограниченность.

Конструктивный поиск взаимодействия между знаниями и элементами в системе способствует упорядочиванию изображения. Этот процесс всегда порождает новую модель и новые возможности субъектов, если субъект предварительно ознакомлен с культурными образцами и возможными концепциями построения моделей.

Визуализация знаний в образовании как условие ценностно-смыслового развития, эстетического воспитания и духовного обогащения студентов

Визуализация знаний в образовательной среде подразумевает инкультурацию, характеризующую усвоение личностью социокультурного опыта, включающего нормы, ценностные образцы культуры и последующее применение их в практике конструирования модели как системы знаний. Являясь посредником в получении студентами новых знаний и инструментом влияния на студентов, визуализация знаний представляет собой средство проведения отдельного занятия, опосредованного заранее поставленной целью и ситуацией обучения. Изучаемый материал в визуализации знаний теоретически обобщается с двух сторон: с вербально-логической (понятийной или смысловой) и изобразительной (пространственно-образной), при этом учитывается характер знания (инструментальный или эвристический) и доступное предъявление понятий, аналогов, идей и моделей знаний.

В. Н. Бодров, В. В. Магалашвили связывают «визуализацию знаний» с такими концепциями в образовании, как когнитивизм и конструктивизм. Визуализация знаний стимулирует посредством электронного обучения решение проблем или задач, выполняемых студентами. В контексте *визуализации знаний* передается набор графических элементов, раскрываются цели и причины взаимосвязей в построении структуры [2]. Когнитивная система знаний основывается на логике построения моделей и интеллектуальном развитии субъектов конструирования. Визуальные элементы геометрического языка: точки, линии, плоскости способны к сложным сочетаниям, для этого изучаются знания взаимосвязей. Конструируя визуальное подкрепление в образовании, педагог выделяет взаимосвязи в качестве правил построения модели. Отдельные знаки и символы представляют собой оценочные понятия существенных признаков явления и когнитивно-визуальные структуры, образующие единицы визуального восприятия. В конструировании модели студенты решают логические задачи и проблемы на определение взаимосвязей между элементами целого, поэтому визуализация знаний является основным средством обучения самостоятельному конструированию моделей.

Конструктивная система знаний требует от субъекта концептуального ее осмысления и для этого познавательных и интерактивных взаимодействий в среде.

Познавательная сторона визуализации знаний учитывает ситуацию познания, личностную значимость содержания и уровень развития студентов. Этот процесс обеспечивает теоретическими знаниями достижение критериев конструирования, таких как визуальная грамотность построения пространственной структуры и художественно-эстетическая культура выражения. Визуализация знаний одновременно объясняет теоретический материал и стимулирует студентов на выполнение анализа и синтеза данных исследуемой ситуации. Субъекты осознают и представляют познава-

тельные стимулы в визуальном образе и переключаются на графическую систематизацию знаний в изображении объекта визуальной культуры.

Интерактивная сторона визуализации знаний характеризуется ситуациями сотрудничества, коммуникации и диалога. Следуя интерактивности, визуальная коммуникация определяется степенью информированности участников. Студенты высказывают свои точки зрения на восприятие визуальных образов. Посредством прямой связи педагог управляет обеспечением обучаемых интерактивными средствами коммуникации. В этом процессе он старается построить различные сценарии познавательных и личностно значимых ситуаций межличностного общения, воздействующих на развитие студентов. Обратная связь обеспечивается различной постановкой вопросов и ответами студентов. В дискуссиях обсуждается сравнительный анализ вариантов и практическая значимость знаний.

Применение в познании и практике конструирования объектов визуальной культуры теоретических знаний является для студентов одновременно анализируемым, проблемным и экспериментальным. В связи с чем обучение обеспечивает наглядными средствами реализацию системы трех взаимосвязанных видов обучения: развивающего, проблемно-эвристического и экспериментального. *Общими* признаками этих видов обучения являются следующие положения: направленность на теоретически обоснованное познание и конструирование модели по принципу «от абстрактного к конкретному», построение логических взаимосвязей пространственной структуры, применение синтактики, семантики и прагматики геометрического языка и средств художественно-эстетической выразительности, включение этого содержания в решение учебно-исследовательских задач. *Отличием* данных видов обучения является различный уровень самостоятельного осмысления знаково-символического и смыслотворческого конструирования изображений, различные требования к познанию и конструированию визуальных моделей, основанных на субъектном и личностном опыте студента.

Развивающее обучение умеренному конструктивизму (когнитивному) проявляется в однородном построении модели на основе общекультурного геометрического языка. Этот процесс развивает визуальную грамотность в построении пространственной структуры изображений. В связи с чем обучение ориентируется на логическую и дедуктивную переработку информации, линейное познание, предоставляющее эталоны для самоконтроля. Субъекты развивают знания и умения сравнивать полученные результаты с требуемыми. В обучении разрабатываются алгоритмы правил и цепочки применения геометрических символов, нацеленных на построение структуры изображения.

Визуализация знаний в развивающем обучении:

- способствует усвоению и представлению формализованной системы знаково-символических элементов общекультурного геометрического языка;
- обучает процессам деконструкции объекта на составляющие элементы;
- раскрывает скрытое от непосредственного взгляда содержание;
- разворачивает целостный образ в систему анализа понятий и признаков;
- объясняет грамматические значения понятий закономерных взаимосвязей между предметами и явлениями в единстве виденного и невиденного;
- раскрывает существенные признаки понятий относительно исследуемого объекта – это обеспечивает осознание чувственных ощущений и восприятий;
- демонстрирует последовательность геометрического анализа в построении объектов и синтеза необходимых слоев в конструировании модели;
- стимулирует логическое и пространственное мышление по отбору и переработке поступающих из вне сведений в связи с решением задач;
- демонстрирует варианты системы контрастов, светотени, пропорциональной системы, приемов графики и цветовых решений.

Проблемно-эвристическое обучение радикальному конструированию зависит от характера проблемой ситуации, учит рациональному решению проблем, многообразных по форме, и содержанию визуальных образов при обозначении символов словом, сопоставлении с аналогами, выяв-

лении причинно-следственных связей, художественных интерпретаций. Обучение активизирует студентов на эвристический и нелинейно-интуитивный поиск формы, смыслов и значений содержания конструируемого продукта культуры. В разрешении проблем студент на практике переосмысливает, преобразовывает и достраивает систему знаний, тем самым открывает новую систему взаимодействия формальных и смысловых значений. Этот процесс развивает рефлексивное самоуправление логическим и эвристическим поиском средств разрешения проблем и открытия новых знаний. Субъекты воссоздают воображением новые комбинации знаний и представляют визуальные образы.

Визуализация знаний проблемно-эвристического обучения:

- раскрывает материал в связи с вариантами разрешения проблем;
- стимулирует определение границ геометрической системы элементов;
- обеспечивает аналогами разрешение проблемных ситуаций, возникающих в художественных интерпретациях геометрически обобщенной модели;
- учит выявлять основной смысл модели и систему смыслов;
- демонстрирует принципы художественной и композиционной выразительности: симметрии и уравновешенности, ритма, иерархии в выявлении главного и подчинении второстепенного, композиционный центр и др.;
- показывает схемы композиционной организации целостного объекта;
- демонстрирует аналоги эстетически выразительного изображения.

Экспериментальное обучение ориентирует студентов на смыслотворческое исследование объекта визуальной культуры и конструирование его в преобразованной форме. Визуализация знаний обеспечивает гипотезами субъектов исследования и преобразования определенных пространственно-образных ситуаций, выведения неизвестных взаимосвязей на основе известных и приобретения в этом процессе новых знаний. Субъекты ориентируются на построение концепции конструктивных решений, деконструкцию целого на составляющие и построение новой модели. Д. А. Колб совместно с Р. Фраем создали модель экспериментального обучения, которая состоит из четырех элементов: индивидуальный опыт, рефлексивное наблюдение, абстрактная концептуализация, активный эксперимент. Действия модели прилагаются к новым ситуациям и связывают опыт студента с когнитивными стилями обучения, сформированными на основе доминирующих способностей [8]. Студенты направляются на теоретическую и экспериментальную обоснованность преобразований реального объекта. Это обучение высшего порядка: эвристическое разрешение визуальных проблем, развитие конструктивного опыта личности, творчество и оригинальность идей.

Визуализация знаний экспериментального обучения:

- обучает построению концептуальной модели исследования и эксперимента с ней в конструировании изображений;
- стимулирует гипотезами избирательное исследование существенных признаков объекта и построение модели, также и эвристических принципов художественной и композиционной выразительности;
- ориентирует проведение эксперимента с визуальными образами, стимулирующими экстернизацию внутренне сформированных средств.

Конструирование объекта не завершается получением результата, а оценивается и рефлексится субъектами относительно полученного опыта о знаниях и принципах, положенных в построение визуальной конструкции объекта и применения этих средств в будущей деятельности. Виды обучения (развивающее, проблемно-эвристическое и экспериментальное) применяются на каждом занятии, но с различной степенью использования. Конструктивные комбинации видов обучения в зависимости от цели и средств, имеющихся у студентов, способствуют постепенному возрастанию продуктивных и экспериментальных процессов. Умеренное когнитивно-геометрическое конструирование модели экспериментально к однородным элементам. Реализация самостоятельно построенной концепции является экспериментальной к модели предпосылок радикального конструирования модели знаний.

Конструктивистский подход к визуализации знаний способствует обновлению, накоплению и самореализации культурного и индивидуального опыта, которым субъекты овладевают в конструировании артефактов визуальной культуры. Из включенного наблюдения за студентами-дизайнерами выявлено, что конструктивистский подход в образовании способствует инкультурации субъектов в процессе конструирования визуальных моделей.

Наблюдение выявило следующие значимые показатели: в результате интериоризации социокультурного опыта развивается визуальная система культурно-обусловленного познания; формируются визуальные образы элементов конструктивного процесса; обеспечивается визуально-образный перенос, осуществляемый во взаимосвязи логического объяснения и пространственно-образных ассоциаций; осуществляется синтез познавательных процессов со знаниями, что преобразует их до когнитивно-визуальных качеств личности; раскрепощается воображение, в комбинациях которого представляются новые идеи идеального конструирования и новые смыслы художественных интерпретаций; обеспечивается формирование конструктивной компетентности к чтению визуальных образов и построению изображений.

Кроме того, конструктивистский подход к визуальному построению модели формирует у личности художественно-эстетический вкус, воспитывает ценностные ориентации обучаемых, демонстрирует социокультурные и эстетические идеалы, оказывающие на студентов идейно-содержательное воздействие, наполняющее имеющиеся ценности новыми представлениями. Все это является фактором повышения мотивации конструирования визуально грамотных, оригинальных и эстетически выразительных моделей визуальной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бернштейн, Б. М. Визуальный образ и мир искусства: исторические очерки / Б. М. Бернштейн. – СПб.: Петрополис, 2006. – 566 с.
2. Бодров, В. Н. Ориентированная на цели визуализация знаний / В. Н. Бодров, В. В. Магалашвили // Образовательные технологии и общество. – 2008. – Т. 11, № 1. – С. 420-433.
3. Визуальная социология. Фотография как метод исследования / пер. с польского Н. В. Морозовой. – 2-е изд. – М.: Логос, 2010. – 168 с.
4. Князева, Е. Н. Энактивизм: новая форма конструктивизма в эпистемологии / Е. Н. Князева. – СПб.: Университетская книга, 2014. – 352 с.
5. Розин, В. М. Визуальная культура и восприятие: Как человек видит и понимает мир / В. М. Розин. – 5-е изд. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – 272 с.
6. Системный анализ и принятие решений: словарь-справочник / под ред. В. Н. Волковой, В. Н. Козлова. – М.: Высш. шк., 2004. – 616 с.
7. Теоретическая культурология: энциклопедия культурологии / А. В. Ахутин, В. П. Визгин [и др.]. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга; РИК, 2005. – 624 с.
8. Kolb, David A. On experiential learning / A. David Kolb. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.infed.org/biblio/b-explrn.htm (дата обращения 25.03.1915).

Завалишин А. Ю., Кулеш Е. В.
ИНТЕРАКТИВНЫЕ МЕТОДЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ЛИЧНОСТИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПСИХОЛОГО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Завалишин А. Ю., Кулеш Е. В.
A. Y. Zavalishin, E. V. Kulesh

**ИНТЕРАКТИВНЫЕ МЕТОДЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ
КОМПЕТЕНТНОСТИ ЛИЧНОСТИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПСИХОЛОГО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)**

**INTERACTIVE METHODS OF FORMING THE ETHNO-CULTURAL COMPETENCE
OF THE PERSON IN YOUTH ENVIRONMENT (ON MATERIALS OF PSYCHOLOGICAL
AND SOCIOLOGICAL RESEARCH)**

Завалишин Андрей Юрьевич – доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук Хабаровского государственного университета экономики и права (Россия, г. Хабаровск). E-mail: native59@rambler.ru.

Mr. Andrey Yu. Zavalishin – Doctor of Social Studies, Associate Professor, Head of the Social and Human Study Department, Khabarovsk State University of Economics and Law (Russia, Khabarovsk). E-mail: native59@rambler.ru.

Кулеш Елена Васильевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Тихоокеанского государственного университета (Россия, г. Хабаровск). E-mail: resurssentr@mail.ru.

Ms. Elena V. Kulesh – PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Psychology, the Pacific Ocean State University (Russia, Khabarovsk). E-mail: resurssentr@mail.ru.

Аннотация. В статье продолжается рассмотрение проблемы формирования этнокультурной компетентности молодежи в условиях поликультурного общества. Предметом анализа послужило влияние просмотра документального фильма «Территория согласия» и его последующего обсуждения на уровень этнической толерантности и этнокультурной компетентности молодежи. Авторы делают вывод о высокой эффективности использования интерактивных методов в учебно-воспитательном процессе.

Summary. The article continues the consideration of the ethno-cultural competence of young people in a multicultural society. The subject of the analysis is the influence of watching the documentary film «Territory of consent» and its subsequent discussion on the level of ethnic tolerance and ethno-cultural competence of young people. Authors conclude that there is high efficiency of using the interactive methods in the teaching and educational process.

Ключевые слова: этнос, культура, интерактивные методы, компетентность, молодежь, возрастная психология, этническая социология, учебно-воспитательный процесс.

Key words: ethnicity, culture, interactive methods, competence, youth, age-related psychology, sociology of ethnicity, teaching and educational process.

УДК 316.61;316.77

Работа выполнена при финансовой поддержке Правительства Хабаровского края (Договор № 37 от 15 сентября 2016 г.).

В предыдущей статье (см. прим. 1) мы уже затронули тему этнокультурной компетентности молодежи как одного из факторов формирования взаимопонимания между людьми разных национальностей и культур в ситуации непрерывного усложнения этнической карты региона, страны и мира. Одной из выигрышных стратегий формирования этнокультурной компетентности является использование интерактивных методов в учебно-воспитательном процессе учебного заведения (от школы до вуза). В настоящее время основные методические инновации в дидактике связаны именно с применением интерактивных методов, которые открывают для этого большие возможности.

Если воспользоваться таксономией когнитивных (познавательных) целей Б. Блума, которая сейчас активно обсуждается в педагогическом сообществе, то знания – это лишь первый, самый простой уровень их иерархии. Далее следует еще пять уровней, причем первые три (знание, понимание, применение) являются целями низшего порядка, а следующие три (анализ, синтез, сравнение) – высшего порядка. Методы интерактивного обучения обеспечивают, прежде всего, достижение целей первых трех уровней, причем, делают это более эффективно, чем методы традиционной дидактики [2, 134].

Важной особенностью использования интерактивных методов в учебно-воспитательном процессе является включение в познавательную деятельность всех его участников, когда размывается грань между субъектом познания (учителем/педагогом) и объектом (учащимися/студентами), каждый вносит свой особый индивидуальный вклад в общий труд, идет обмен мнениями, идеями, знаниями, используется широкий спектр всевозможных проектных работ, ролевых игр, анализ документов и других источников информации. В немалой степени этому способствует применение современных электронных информационно-коммуникативных средств: телевидения, аудио- и видеоматериалов, онлайн-конференций, чатов и т.п., позволяющих значительно повысить эффективность наглядности в обучении, полнее и точнее информировать учащихся об изучаемом объекте или явлении, расширить арсенал методических приемов педагога в учебном процессе. Цель интерактивных форм обучения заключается в создании педагогом условий, в которых учащийся сам открывает, приобретает и конструирует знания. Последнее является их принципиальным отличием от традиционной системы образования.

Особая роль в использовании интерактивных методов обучения принадлежит аудиовизуальным средствам, которые оказывают наиболее сильное обучающее и эмоциональное воздействие на молодых людей, поскольку позволяют образно воспринимать изучаемый материал, облекать его в наглядную форму, наиболее доступную для восприятия и запоминания, являются синтезом достоверного научного изложения фактов, событий и явлений с элементами искусства, опорой на художественные средства (кинофильмы, фотографии, художественное чтение, живопись, музыку и др.).

Возникает естественный вопрос – какова же роль аудитории в процессе восприятия фильма, фотографии, музыки? На первый взгляд зрители/слушатели выступают лишь пассивными получателями информации, объектом направленного на них информационного воздействия. В действительности же происходит не всегда осознаваемый самими реципиентами диалог с коммуникатором. Проявляется это многообразно. Как утверждает О. Ф. Нечай, «первая стадия вовлеченности – сознание, что с экрана коммуникатор напрямую обращается к нам, обостряет реакцию на его речь. Вторая стадия – мысленное подключение зрителя к диалогам в кадре. Диалог является более активной формой общения, чем монолог. Третья стадия – прямой диалог с экраном. Для этого необходима мгновенная обратная связь, возможность включения зрителей непосредственно в экран» [7, 42].

О значении визуализации информации с целью лучшего усвоения знаний (а в равной степени – мотивов, ценностей, установок, стереотипов (как истинных, так и ложных) и пр.) говорил еще В. И. Ленин в далеком 1922 г. Мало кто не слышал фразу, приписываемую ему А. В. Луначарским: «Из всех искусств для нас важнейшим является кино» [6, 579]. Как ни парадоксально это звучит, слова, сказанные почти 100 лет назад в стране, где 8 из 10 человек были неграмотными, и, возможно, единственным способом доставки им знаний было их облечение в некий видеоряд, не только не утратили своей актуальности сегодня, но и приобрели новый смысл в нынешнюю информационную эпоху. Давно стало банальностью утверждение, что Россия из «самой читающей» страны превратилась в «смотрящую» (как, впрочем, и большинство других стран мира). Общедоступность видеоинформации, простота ее потребления с экранов кинотеатров, телевизоров, мониторов компьютеров, планшетов и смартфонов в течение всего нескольких лет породила поколение людей, для которых чтение стало трудом не только непосильным, но и бессмысленным. Плохо это или хорошо – отдельная тема исследования. В данном случае важно то, что и этнокультурная ком-

петентность сегодня может быть более эффективно и эргономично достигнута именно с использованием средств аудио- и видеокommunikации.

Одним из первых еще в советское время разработкой теоретико-методологических основ использования кино в учебно-воспитательной работе занялся С. Н. Пензин [8]. Современные российские исследователи также активно обсуждают эту тему, рассматривая, как правило, по отдельности образовательный эффект (преимущественно в изучении иностранных языков) и воспитательный. Е. В. Лапардина, например, утверждает, что «педагогическая ценность видеофильмов состоит в том, что они позволяют повысить интерес и внимание студентов к изучаемому материалу, стимулируют активную мыслительную деятельность и способствуют сознательному усвоению знаний, созданию творческой атмосферы на уроке, повышению его эмоционального фона» [5]. А. А. Кравченко делает акцент на психотерапевтическом и социализирующем воздействии: «Кино как важнейшая социально-психологическая сила способно освобождать подростка от комплексов, фобий, фрустраций и напряжения, связанного с теми или иными психологическими и социальными проблемами, это своеобразная арт-терапия – фильмотерапия... Подросток может наблюдать разные сценарии разрешения проблемных ситуаций» [3, 303]. Большое внимание уделяется роли кино в патриотическом и духовном воспитании молодежи (см. [1; 4; 10] и др.). Известный российский кинорежиссер К. Шахназаров в 2014 г. в интервью корреспонденту электронной газеты «Файл-РФ» также отметил, что «сегодня у кино не просто огромные, а всё более увеличивающиеся возможности... Кино не просто оказывает влияние на людей, но становится гораздо более важным, чем во времена, когда Ленин высказал свою знаменитую фразу, и даже много позднее... Особенно сильно кино влияет на молодёжь, на более эмоциональную, более восприимчивую часть нашего общества. И эта власть над людьми, повторюсь, увеличивается» [9]. С учётом сказанного, формирование этнокультурной компетентности с использованием аудио-визуальных средств воздействия на ценностную систему учащихся является более чем логичным.

Для практической реализации этой цели в октябре 2016 г. – марте 2017 г. на студии Хабаровского телевидения был снят документальный фильм «Территория согласия», последующий просмотр и обсуждение которого позволили сделать ряд важных заключений (см. прим. 2). Фильм включает четыре сюжета о реальных людях, живущих в г. Хабаровске и с. Дада Нанайского района Хабаровского края. Условно (в фильме подзаголовков нет) эти сюжеты можно назвать так: 1) «Студент из Нигерии» – о молодом человеке по имени Кевин, который учится в педагогическом институте Тихоокеанского государственного университета на факультете лингвистики; 2) «Поэт-мигрант» – о трудовом мигранте из Узбекистана Азамжоне Мусаеве; 3) «Муж из Египта» – о египтянине по имени Ихаб, который в интернете познакомился с хабаровчанкой Еленой, вступил с ней в брак и уже год живет в г. Хабаровске; 4) «Нанайская семья» – о семье Маргариты и Ромаса Пассар, живущих в с. Дада, ставшей родной для 10 приемных детей – нанайцев и русских.

Проведенное в феврале – апреле 2017 г. психолого-социологическое исследование позволило определить степень воздействия содержания фильма «Территория согласия» на изменение уровня толерантности и этнокультурной компетентности целевой аудитории: учащихся старших классов общеобразовательных школ, колледжей и студентов вузов г. Хабаровска. Были решены следующие задачи: 1) выявлен исходный (базовый) уровень толерантности и этнокультурной компетентности целевой аудитории; 2) произведена оценка степени воздействия содержания фильма «Территория согласия» на изменение уровня толерантности и этнокультурной компетентности; 3) выявлены аудио-визуальные эффекты фильма, которые способствовали и препятствовали достижению цели проекта.

Для реализации данных задач были проведены два анкетных опроса в форме панельного исследования (предварительное – до просмотра фильма ($N = 219$) и итоговое – после просмотра фильма ($N = 224$)) и 12 фокус-групп с участием 170 чел. В сплошную (групповую) выборку попали учащиеся 9 – 11 классов МБОУ СОШ № 85 г. Хабаровска и МАОУ «Военно-морской лицей им. адмирала флота Н. Д. Сергеева», учащиеся 1 – 4 курсов КГБОУ СПО «Хабаровский педагогический колледж» и «Хабаровский институт инфокommunikаций», студенты 1-го курса педагогического института ФГБОУ ВПО «Тихоокеанский государственный университет» и 1 – 2 курсов

ФГБОУ ВО «Хабаровский государственный университет экономики и права», возраст респондентов – от 14 до 20 лет.

Предварительное исследование, проведенное в феврале 2017 г., позволило оценить исходный уровень толерантности и этнокультурной компетентности контрольных групп. Ответы на вопрос: «Как Вы в целом относитесь к представителям другой (не Вашей) национальности?» показали общий высокий уровень толерантности респондентов: среди студентов он был равен 99,0 %, учащихся школ – 96,6 % и учащихся колледжей – 94,7 % (к толерантным мы отнесли ответы «доброжелательно» и «нейтрально», к нетолерантным – «недоброжелательно»). Вместе с тем, если использовать качественный показатель – долю респондентов, выбравших ответ «доброжелательно», характеризующий уже не простое наличие, а степень толерантности, то результат получается более дифференцированным: среди студентов таких оказалось 56,7 %, среди учащихся колледжей и школ соответственно 38,6 и 34,5 %, что говорит о сравнительно меньшей степени толерантности у вторых по сравнению с первыми.

Ответы на вопрос: «Как Вы относитесь в целом к присутствию трудовых мигрантов из стран ближнего и дальнего зарубежья в г. Хабаровске?» также выявили существенную разницу в ответах студентов, с одной стороны, и учащихся школ и колледжей, с другой (см. табл. 1).

Таблица 1

Ответы на вопрос: «Как Вы относитесь в целом к присутствию трудовых мигрантов из стран ближнего и дальнего зарубежья в г. Хабаровске?» (%)

Варианты ответов	Студенты	Учащиеся колледжей	Учащиеся школ	Всего
Положительно	13,5	17,5	13,8	14,6
Нейтрально	76,9	57,9	63,8	68,5
Отрицательно	9,6	24,6	22,4	16,9

Обращает на себя внимание статистически не значимое различие в соотношении долей респондентов из всех трех учитываемых категорий, положительно относящихся к присутствию в г. Хабаровске трудовых мигрантов. А вот общий уровень толерантности по отношению к мигрантам (сумма долей респондентов, относящихся «положительно» и «нейтрально») различается уже существенно: у студентов – 90,4 %, учащихся колледжей – 75,4 %, учащихся школ – 77,6 %, и в целом он ниже, чем в отношении лиц другой национальности (по всей выборке – 83,1 % против 97,2 %).

Данное соотношение (более высокий уровень этнической толерантности у студентов по сравнению с учащимися колледжей и школ) прослеживается и в полученном в ходе опроса индексе толерантности (ИТ), рассчитанном по методике московских ученых Г. У. Солдатовой, О. А. Кравцовой, О. Е. Хухлаева и Л. А. Шайгеровой [11]. Интервал значений ИТ колеблется в пределах от 7 баллов до 49 (значение ИТ менее 20 баллов свидетельствует о низком уровне этнической толерантности; от 20 до 31 балла – среднем уровне и более 31 балла – о высоком уровне этнической толерантности). Были получены следующие значения: ИТ студентов – 30 баллов, ИТ учащихся колледжей – 25 баллов, ИТ учащихся школ – 29 баллов, среднее значение по всей выборке ИТ = 28 баллов.

Следующие три вопроса анкеты позволили оценить уровень этнокультурной компетентности респондентов, наличие/отсутствие желания узнать что-либо новое о народах, представители которых живут в Хабаровском крае, а также выявить этносы, привлекающие к себе наибольшее внимание молодых хабаровчан. Последнее имеет значение для выстраивания образовательно-воспитательной политики в сфере межнациональных/межэтнических отношений как на уровне учебного заведения, так и поселения/региона в целом.

Ответы на вопрос: «О представителях каких народов (кроме русских), проживающих в Хабаровском крае, Вам что-либо известно?» показали, во-первых, невысокий уровень осведомленности о народах, представленных в регионе, во-вторых, позволили выстроить своего рода иерархию этносов с точки зрения их актуализированности в молодежном дискурсе города. Исследование выявило примерно равный уровень знаний об этносах у всех анализируемых категорий: в расчете на одного респондента студенты назвали 2,96 этносов, учащиеся колледжей – 2,89 и учащиеся школ – 2,34. Также по частоте названных выявились этносы-«лидеры» (упоминались более 10 раз). В первую десятку вошли китайцы (97 упоминаний), корейцы (49), нанайцы (49), армяне (40), кавказцы (33), таджики (32), узбеки (32), украинцы (32), азербайджанцы (26) и якуты (23). Часть респондентов привели названия не только отдельных этносов, но и этнических групп, территориальных общностей и гражданских наций, в том числе никак не представленных в Хабаровском крае (что само по себе говорит о невысоком уровне их этнокультурной компетентности): *азиаты, американцы, англичане, арабы, африканцы, кавказцы, казаки, мусульмане, негры, сихотелинцы, турки, французы* и т.д.

Конкретизирующий вопрос: «Если Вам что-либо известно об особенностях культуры народов (кроме русского), проживающих в Хабаровском крае, впишите названия этих народов в соответствующие графы», показал наличие отрывочных сведений, да и то лишь у некоторой части респондентов, поскольку на этот вопрос ответили далеко не все. Часть респондентов продемонстрировала не столько наличие конкретных знаний в отношении культуры, традиций и обычаев других народов, сколько устойчивые стереотипы, связанные с ними. К тому же и перечень названных этносов здесь был намного более скромным. Обращает на себя внимание преобладание отрицательных характеристик/особенностей названных этносов над положительными, что само по себе свидетельствует о влиянии негативных стереотипов и отсутствии/недостатке объективной информации о культуре других народов у молодежи г. Хабаровска. При этом желание узнать что-либо новое об этносах, представители которых живут в регионе, продемонстрировало меньше половины опрошенных респондентов (см. табл. 2).

Таблица 2

Ответы на вопрос: «Хотелось бы Вам узнать больше о культуре, традициях, обычаях и другом народов, проживающих в Хабаровском крае?» (%)

Варианты ответов	Студенты	Учащиеся колледжей	Учащиеся школ	Всего
Да	49,0	36,8	29,3	40,6
Нет	51,0	63,2	70,7	59,4

Итоговое исследование, проведенное непосредственно после просмотра фильма (включало анкетный опрос тех же респондентов и фокус-группы), показало его общую высокую оценку: из 224 опрошенных зрителей лишь 18 (8,0 %) отметили, что фильм не вызвал у них интереса. Большинство высказываний, прозвучавших на фокус-группах, также были позитивными.

В ответах на вопрос: «Что в фильме «Территория согласия» было для Вас самым запоминающимся и интересным?» респонденты отмечали: *«Истории о людях других национальностей»; «Разное отношение людей к другим национальностям»; «Истории героев, которые живут в Хабаровске, – это люди с удивительно интересными историями, по-своему уникальны»; «Как люди других национальностей упорно стремятся к цели, не боясь трудностей на своем пути»; «Люди, переехав в Хабаровск, начинают считать его своим домом»; «Отношение иностранцев к стране, в которой они проживают»; «После просмотра этого ролика поменяется отношение в хорошую сторону тех людей, которые относятся к мигрантам не очень хорошо»; «Про готовность преодолевать столь огромные расстояния».*

Вопрос: «Что Вам не понравилось в фильме «Территория согласия?» у большинства респондентов вызвал замешательство. Типичный ответ: «Понравилось все!» Однако были и критические замечания: «Негативные высказывания опрашиваемых на улице о мигрантах и межнациональных браках»; «Мнения некоторых людей»; «То, что по идее фильма так много мигрантов – это норма»; «Дама, заманившая египтянина в свои сети»; «Фильм показывает мигрантов лишь с положительной стороны. К сожалению, в жизни это не всегда так» (студенты университетов); «Сделано как документальный устаревший фильм, хочется более современного, более познавательного фильма»; «Все слишком наигранно» (учащиеся колледжей); «Мнения хабаровчан о мигрантах, что им не место на русской земле»; «Отрицательное отношение русских к людям других народов»; «Слишком мало отрицательных комментариев»; «Получается, что все хорошие, а мы такие плохие, никого не уважаем, хотя они чаще всего не уважают нашу культуру и законы» (учащиеся школ).

В ряде случаев при ответе на этот вопрос высказывались противоположные мнения: «Быстрота» [фильм слишком короткий по времени] (студент университета); «Слишком длинный фильм» (учащийся школы); «Мало примеров» (студент университета); «Много историй. Скучно и неинтересно» (учащийся колледжа) и т.п. Прозвучали и пожелания на будущее: «Хотелось услышать больше о народах Дальнего Востока»; «Узнать больше об активной жизни участников фильма»; «Мало азиатов».

В результате просмотра фильма под воздействием показанных в нем сюжетов существенно повысился уровень толерантности респондентов к лицам другой национальности и присутствию мигрантов в г. Хабаровске (соответственно на 36,6 и 32,1 %). В равной степени это коснулось студентов университетов, учащихся колледжей и школ (см. табл. 3 – 4).

Таблица 3

Ответы на вопрос: «Изменилось ли у Вас в целом отношение к представителям другой (не Вашей) национальности после просмотра фильма?» (%)

Варианты ответов	Студенты	Учащиеся колледжей	Учащиеся школ
Стало более доброжелательным	35,4	30,8	30,0
Не изменилось	64,6	61,5	68,3
Стало более недоброжелательным	0,0	7,7	1,7

Таблица 4

Ответы на вопрос: «Изменилось ли у Вас отношение в целом к присутствию трудовых мигрантов из стран ближнего и дальнего зарубежья в г. Хабаровске после просмотра фильма?» (%)

Варианты ответов	Студенты	Учащиеся колледжей	Учащиеся школ
Стало более положительным	32,3	30,8	33,3
Осталось нейтральным	65,7	58,5	63,4
Стало отрицательным	2,0	10,8	3,3

Исследование позволило оценить когнитивный эффект, произведенный фильмом на зрителей. При ответе на вопрос: «Узнали ли Вы что-то новое для себя о представителях народов, проживающих в Хабаровском крае, из фильма «Территория согласия?»» 71,5 % ответили «много нового» и «кое-что новое», 20,5 % – «не узнали ничего нового» и лишь 8,0 % респондентов отметили, что «фильм не вызвал интереса». Представляется значимым, что «новое» увидели в фильме срав-

нительно больше студентов, чем учащихся колледжей и школ, в чем проявилась прямая зависимость между общим уровнем образования (более высоким у студентов) и большей способностью к восприятию/осмыслению новой информации (см. табл. 5). Эта же тенденция проявилась и при ответе на вопрос о том, возникло ли у респондентов желание после просмотра фильма узнать больше о других народах, проживающих в Хабаровском крае.

Таблица 5

Ответы на вопрос: «Узнали ли Вы что-то новое для себя о представителях народов, проживающих в Хабаровском крае, из фильма «Территория согласия»? (%)»

Варианты ответов	Студенты	Учащиеся колледжей	Учащиеся школ	Всего
Да, много нового	23,2	7,7	16,7	17,0
Да, кое-что новое	61,6	43,1	55,0	54,5
Нет, ничего нового	13,1	33,8	18,3	20,5
Фильм не вызвал интереса	2,1	15,4	10,0	8,0

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод, что цель создания фильма «Территория согласия» в целом была достигнута. В ходе его просмотра более чем у 30 % опрошенных зрителей повысился уровень толерантности по отношению к лицам другой национальности и присутствию мигрантов в г. Хабаровске. При этом сравнение уровня толерантности и этнокультурной компетентности по трем целевым группам выявило общую тенденцию: более высокими они оказались у студентов университетов, меньшими (иногда значительно) – у учащихся школ и еще меньшими – учащихся колледжей. Причинами выявленных различий, на наш взгляд, являются, во-первых, разница в возрасте (студенты университетов старше учащихся колледжей и школ в среднем на два-три года); во-вторых, различия в уровне образования и социально-экономической защищенности: более образованные и благополучные респонденты, как правило, демонстрируют более высокий уровень этнической толерантности (в данном случае это студенты университетов). Высказанные в ходе обсуждения оценки и замечания в ряде случаев оказались противоположными, что, на наш взгляд, свидетельствует не столько о недостатках содержания/монтажа фильма, сколько о различиях в характере и уровне восприятия информации зрителями разного возраста, пола, интеллекта, личного жизненного опыта, что также необходимо учитывать при создании подобных фильмов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Букина, В. С. Роль киноискусства в социально-нравственном и духовном воспитании детей на примере фильма «мальчик в полосатой пижаме» / В. С. Букина // Молодой ученый. – 2017. – № 1. – С. 21-25.
2. Григальчик, Е. К. Обучаем иначе: стратегия активного обучения / Е. К. Григальчик, Д. И. Губаревич. – Минск: Современное слово, 2003.
3. Кравченко, А. А. Киноискусство в системе нравственно-эстетического воспитания личности / А. А. Кравченко // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2013. – Вып. 195. – С. 298-304.
4. Кузовлева, М. М. Роль кино в воспитании патриотизма у современной молодежи / М. М. Кузовлева // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. X Междунар. науч.-практ. конф. – Ч. II. – Новосибирск: СибАК, 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sibac.info/conf/philolog/x/27560>.
5. Лапардина, Е. В. Использование видеофильмов в процессе обучения / Е. В. Лапардина // Международный педагогический портал «Солнечный свет». – 2016. 26 декабря.
6. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – 5-е изд. – Т. 44. – М.: Изд-во полит. литер., 1970.
7. Нечай, О. Ф. Ракурсы: о телевизионных коммуникациях и эстетике / О. Ф. Нечай. – М., 1990.

8. Пензин, С. Н. Кино и эстетическое воспитание: методологические проблемы / С. Н. Пензин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1987.
9. Свой взгляд. Кинорежиссёр Карен Шахназаров: «Влияние кино в обществе возрастает». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://file-rt.ru/analytics/1022>.
10. Чернова, Е. В. Роль духовного кино для современной молодежи / Е. В. Чернова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://io.nios.ru/articles2/77/14/rol-duhovnogo-kino-dlya-sovremennoy-molodezhi>.
11. Экспресс-опросник «Индекс толерантности» / Г. У. Солдатова, О. А. Кравцова, О. Е. Хухлаев, Л. А. Шайгерова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://culture.wikireading.ru/70295>.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Завалишин, А. Ю. Этнокультурная компетентность молодежи: психолого-социологический подход / А. Ю. Завалишин, Е. В. Кулеш // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. – 2017. – № 1-2(29). – С. 24-29.
2. Фильм «Территория согласия» (© Хабаровское общественное движение «Хабаровск – это МЫ», 2017 год при участии МБУ ИПЦ «Хабаровская студия телевидения»).

Елинская Я. А.
Ya. A. Yelinskaya

НЕОШАМАНИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

NEOSHAMANISM IN CONTEMPORARY MUSIC CULTURE

Елинская Янина Алексеевна – директор Сибирского института практической психологии, педагогики и социальной работы (Россия, г. Новосибирск); 630009, г. Новосибирск, ул. Никитина, 20; тел. 8(903)9345304. E-mail: yanina5555@mail.ru.

Ms. Yanina A. Yelinskaya – director of Siberian institute of practical psychology, pedagogy and social work (Russia, Novosibirsk); 20, Nikitina Str., Novosibirsk, 630009; tel. 8(903)9345304. E-mail: yanina5555@mail.ru.

Аннотация. Рассматривается проблема неошаманизма как феномена современной музыкальной культуры. Определены группы-носители и специфические признаки культуры неошаманизма. Проанализированы формы и элементы шаманизма в рамках современной академической музыки и рок-культуры.

Summary. The issue of neoshamanism is described as the phenomenon of contemporary music culture. The supporter groups and the specific features of neoshamanism culture are defined in the article. Forms and elements of shamanism are analyzed within contemporary classical music and rock culture.

Ключевые слова: неошаманизм, институт, неоархаика, рок-культура, ритуал.

Key words: neoshamanism, institution, neoantiquity, rock culture, ritual.

УДК 008

Неошаманизм – термин, охватывающий различные варианты существования шаманских практик в условиях современной культуры. Префикс «нео» указывает на наличие в шаманизме тех или иных признаков современности, нехарактерных для шаманизма в его традиционной среде, изучаемой этнологами и антропологами.

В объем понятия «неошаманизм» включаются разнородные группы. Во-первых, это «городские шаманы», сами считающие себя новыми, не привязанные к определенной этнорелигиозной традиции и создающие свои индивидуальные, синтетические варианты шаманства. Во-вторых, последователи так называемого «базового (core) шаманизма», построенного на обобщении различных шаманских традиций и восходящего к популяризаторской деятельности К. Кастанеды и М. Харнера. В-третьих, «потомственные» шаманы, обосновывающие свой статус принадлежностью к определенному этнокультурному наследию. Последние обычно негативно относятся к причислению себя к «нео» и настаивают на своей генетической и историко-культурной принадлежности традиционному шаманизму [5; 7]. Границы между этими группами весьма условны: шаман-индивидуал, живущий в Москве, проходит посвящение у потомственного тувинского шамана, последний, в свою очередь, знакомится с шаманом из Перу на международной конференции и включает в свои ритуалы элементы различных религиозных и эзотерических систем (буддизма, брахманизма, западных мистических учений и т.д.).

Однако эклектичное смешение и межкультурное взаимодействие, очевидно, не являются преимущественными признаками современности и новизны неошаманизма. Известные нам формы шаманизма в культурах различных народов представляют собой эклектичные образования, результаты межкультурных взаимодействий, обменов и заимствований. К примеру, шаманизм сибирских и азиатских народов включил в себя элементы даосистских и буддистских верований [9]. И даже более аутентичные шаманские системы (шаманизм самодийских народов, как показывают исследования О. Э. Добжанской [3]) отражают в себе результаты активных межэтнических контактов.

Скорее признаком современности, оправдывающим приставку «нео», следует считать включенность шаманских практик в институциональную структуру, характерную для современного общества (не будем вдаваться в подробности дефиниций современности и постсовременности). Институты современных обществ разнородны и многообразны, но среди них можно выделить два основных вида (или направления институционализации): *институты универсализации*, выполняющие функцию стандартизации и формализации социальных взаимодействий, носящих массовый характер (бюрократические институты государства, школы, производства, СМИ); *институты индивидуализации*, выполняющие функцию выражения и репрезентации индивидуальности, личной жизни, субъективного мировосприятия (семья, искусство, социальные сети, правозащитные организации). Эту типологию нужно рассматривать как достаточно условную, предполагая возможность совмещения этих функций, например, внутри семьи, школы или медицинского обслуживания. Однако данная классификация институциональных трендов позволяет выделить ключевые, как нам представляется, особенности неошаманизма.

Институты универсализации в рамках последнего существуют в форме глобальных шаманистских объединений, сетей и организаций, построенных по принципу бюрократической структуры (многообразные фонды и ассоциации шаманов, коммерческие организации), формализующей отношения внутри шаманского сообщества и между другими институтами общества (конгрессы, конференции, иерархическая структура, законодательное регулирование, продвижение услуг).

Институтом современности, основная функция которого заключается в творческом выражении индивидуальности, является сфера искусства, «артистическое поле». В поле художественного производства утверждается ценность индивидуальности через «всесилие творческого взгляда». Институционализация художественной деятельности идет в направлении ее *автономизации* – освобождения от власти внешних норм и критериев (религиозности, политической и коммерческой ангажированности, общественной морали) и манифестации «чистого взгляда» на искусство как на самоценную деятельность, имеющую цель в самой себе («искусство ради искусства») [1].

В сфере искусства происходит противоречивое соединение шаманской традиции со специфическим институтом современной культуры. Шаманизм в его архаичной форме представляет собой синкретичную ритуальную практику общения шамана с духами и путешествий в иные миры, служащую при этом целям общины: просьбы духам и богам, лечение недугов и болезней, сопровождение душ умерших. Иными словами, камлание не проводится ради самого камлания, а направлено на осуществление религиозных или практических функций. Атрибуты шаманизма, становящиеся сегодня элементами эстетической деятельности и эстетического восприятия, напротив, приобретают статус неутилитарной художественной формы.

При этом у шаманизма и современного искусства есть и важнейший общий признак – опора на индивидуальный опыт. Несмотря на традиции обучения и посвящения у опытных учителей, зависимость шаманских видений от родоплеменной мифологии и необходимость коллективного признания, шаманский ритуал всегда определяется индивидуальным экстатическим опытом конкретного шамана, его собственной «картой мироздания» и составом духов-помощников.

В настоящей статье рассматривается существование элементов шаманской традиции в современной музыкальной культуре с целью определения особенностей взаимодействия архаики и модерна, религиозности и художественности, синкретизма и дифференциации.

Музыкальными составляющими шаманских камланий, как правило, являются игра на ударных инструментах (бубен, подвески-погремушки на костюме) и вокал (как соло шамана, так и в сопровождении коллектива помощников). Звучащий бубен в рамках архаических традиций выступает средством перемещения шамана в иные миры [4, 84]. С точки зрения современной науки пульсирующая игра на бубне способствует погружению шамана в измененное состояние сознания. Ту же функцию выполняет шаманское пение, совмещаемое со звукоподражаниями, речитативами и заклинаниями, символизирующими общение шамана с духами-помощниками [3, 35]. Как пишет О. Э. Добжанская: «Музыкальный язык шаманского обряда, сформированный в непосредственной связи с ритуальной практикой, имеет жесткую ритуальную предназначенность. Семиотические

фигуры обрядового музыкального языка строго соответствуют ритуальным функциям, вследствие чего этот язык является табуированным и вне обряда никогда не используется» [3, 36].

Достаточно репрезентативные формы существования элементов шаманизма в современной музыкальной культуре можно обнаружить, например, в академической музыке и рок-культуре.

В академической опус-музыке с начала 1970-х гг. возникает и развивается явление, получившее несколько сходных названий: «новая сакральность», «новая ритуальность», «неоархаика», «неофольклоризм». Здесь авторы-профессионалы стремятся, по словам Н. Г. Бурковой, «воссоздать магический, заклинательный образно-звуковой строй... Это – моделирование посредством музыки некоего обобщенно понимаемого ритуального действия, его *звуковой образ*» [2, 95-96]. К таким произведениям можно отнести: «Языческий рок» А. Кнайфеля для хора и рок-группы; «Да!» Н. Корндорфа – ритуал для трех певцов, камерного ансамбля и магнитофонной пленки; «Заклятие железа» В. Тормиса – кантата для хора, солистов и шаманского бубна; «Тотем», «Заклиания» В. Артемова; «Звуки японских барабанов» Л. Альберта; «Богам ритма» Н. Живковича и др. Как отмечает та же исследовательница, для новоритуальных композиций характерны следующие принципы темброритмической организации: «1) символическая трактовка тембра ударных, 2) неклассические способы претворения метроритмической пульсации, 3) специфические формы вариантностно-остинантной повторности» [2, 96].

В неоархаике музыкальные элементы шаманского обряда встают в ряд с другими формами архаических ритуалов и включаются в структуру секулярно-эстетического произведения на правах художественного означающего обобщенного архаического ритуала. Ритуальная музыка, таким образом, утрачивает первичные религиозные функции и приобретает вторичные коннотации *ритуала вообще*, посредством чего эстетическая деятельность как бы расширяет свои границы, выходит за пределы «чистого искусства», а автор претендует на некую «народную всеобщность» и архетипичность.

Обращение к «новой ритуальности» в академической музыке начала 1970-х происходило во многом под влиянием рок-культуры. Рок-музыка, возникшая в начале 1960-х гг., породила специфическую культуру, завоевавшую популярность благодаря своей контр-культурной идеологии, отрицающей буржуазные нормы и ценности общественной и личной жизни. Помимо антивоенных и антибуржуазных настроений, рок-культура осваивала психоделические практики освобождения сознания от власти инструментальной рациональности (Ю. Хабермас) и провозглашала возвращение к архаическим, иррациональным формам мировосприятия. Сама массовость рок-движения и рок-перфомансов, а также ориентация на спонтанное выражение бессознательных, неподконтрольных разуму и норме душевно-телесных стихий придавали этой культуре характер «новой религии», «нового культа». В силу чего в рок-культуре распространяются различные отсылки, обращения к шаманизму, его символике и отдельным элементам в описаниях поведения музыкантов на сцене, в содержании текстов песен, в характеристиках личностей рок-звезд и их восприятия фэнами.

Видимо первой фигурой рок-культа, ставшей позиционировать себя как шамана и за которой этот статус закрепился, был Джим Моррисон, вокалист The Doors. Получивший режиссерское образование, начитанный и эрудированный, увлекавшийся текстами Ф. Ницше и европейских символистов, Моррисон изучал культуру американских индейцев, неоднократно говорил, что в детстве в него вселилась душа погибшего на его глазах индейца, использовал в текстах образы индейской мифологии. После строчек «I am a Lizard king. I can do anything» за ним закрепилось прозвище «Повелитель ящериц», а в воспоминаниях выступлений группы он наделялся ролью жреца древнего ритуала: «Мы исполняли роли первосвященников, а слушатели были нашими прихожанами. В «Господах и Новых созданиях» Джим описывает примитивный шаманский театр – это и было на наших концертах»; «Иногда он отдавался творчеству настолько полно, что мы видели колдуна внутри него. Мы совершали ритуал. Три Аполлона, уравновешиваемые одним Дионисом» [6].

В истории отечественной рок-культуры эпитет шамана закрепился за Егором Летовым, лидером панк-группы «Гражданская оборона». Этому способствовали и его собственные определения рок-музыки как шаманства и признаваемое им влияние шаманской темы на тексты песен:

«Насекомых» я написал, находясь под глубоким впечатлением и влиянием шаманской ритуальной поэтики северных народов. Зимним вечером, сидючи дома у Игореза, я кропотливо углублялся в какое-то «научное исследование» на эту тему, в котором приводились время от времени в качестве примеров сами тексты, вернее – их переводы – и вдруг у меня как будто что-то лопнуло, вскрылось изнутри. Хлынул поток. И вот, ночью, я бродил по Академгородку среди снегов и сосен и подслеповато пытался запомнить то, что хлестало из меня в виде образов, движений, ритма, заклиний» [8].

В случае рок-музыки и рок-культуры термин «шаманизм», конечно же, используется в более метафорическом смысле. Сравнение с шаманом, причисление к современному шаманству здесь не играют роли семантического ограничения феномена, очерчивания его пределов с помощью включения в определенную традицию. Напротив, в контексте рок-культуры шаманизм приобретает обобщенную, «размытую» семантику, сливаясь с другими формами древней ритуальной культуры, а также современных мистических учений и иррационалистической философии. Весь этот комплекс культурных ассоциаций и аллюзий направлен, как и в случае «новой архаики», на демонстрацию того, что рок-музыка не укладывается в пределы сугубо эстетической или развлекательной сферы. Она берет на себя синкретические функции религиозно-эстетического феномена, не претендуя при этом на роль врачевания тела.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурдые, П. Исторический генезис чистой эстетики. Эссенциалистский анализ и иллюзия абсолютного / П. Бурдые // Новое литературное обозрение. – 2003. – № 60. – С. 17-29.
2. Буркова, Н. Г. Новая ритуальность: взаимодействие опус-музыки и традиционного искусства / Н. Г. Буркова // Музыкальная культура народов России. – 2009. – № 1(4). – С. 95-98.
3. Добжанская, О. Э. Музыка шаманского обряда как языковая система (на примере самодийских народов) / О. Э. Добжанская // Вопросы филологии. Серия «Урало-Алтайские исследования». – 2009. – № 1. – С. 31-42.
4. Добжанская, О. Э. Шаманский бубен: музыкальный инструмент или ездовой олень шамана? / О. Э. Добжанская // Томский журнал ЛИНК и АНТР. – 2016. – № 2. – С. 81-90.
5. Елинская, Я. А. Проблемное поле в исследованиях культуры неошаманизма / Я. А. Елинская // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. – 2016. – № 3-2(27). – С. 61-66.
6. Еремеева, О. В. Джим Моррисон: Логос смерти / О. В. Еремеева. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://jimmorrison.ru/stati-o-dzhime-morrisone> (дата обращения 15.04.2017).
7. Иващенко, Я. С. Аксиология современного шаманизма в Хабаровском крае / Я. С. Иващенко, Я. А. Елинская // Международный журнал исследований культуры. – 2016. – № 2(23). – С. 85-94.
8. Официальная альбомография GrOb-Records. 10 сентября-10 ноября 1990 г., Егор [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.groborona.ru/pub/anarhi/1056981293.html#ixzz2jW1PB5nx> (дата обращения 15.04.2017).
9. Пименова, К. В. Некоторые аспекты современного возрождения буддийской и шаманской обрядности в Туве (буддийский гороскоп и «астрологические» обряды) / К. В. Пименова // Этнографическое обозрение. Ноябрь, 2006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://journal.iea.ras.ru/online/2006/ЕОО2006_6e.pdf (дата обращения 25.06.2016).

БАРАНОВ А. С.

A. S. BARANOV

**МИГРАНТЫ-СТУДЕНТЫ И СТУДЕНТЫ-МИГРАНТЫ:
АДАПТАЦИЯ ИНОКУЛЬТУРНЫХ СТУДЕНТОВ В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ**

**MIGRANT STUDENTS AND STUDENTS MIGRANT:
ADAPTATION OF OTHER CULTURE STUDENTS IN RUSSIAN UNIVERSITIES**

Баранов Александр Сергеевич – кандидат культурологии, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук Академии социального управления (Россия, г. Москва). E-mail: bars.68@bk.ru.

Mr Aleksandr S. Baranov – PhD in Culture Studies, Head of Humanities and Social Science Department, Academy of social management (Russia, Moscow).

Аннотация. Статья посвящена исследованию специфических трудностей, возникающих в процессе социокультурной адаптации инокультурных студентов, обучающихся в вузах Российской Федерации. Вводится различие между понятиями, обозначающими различные стратегии социокультурной адаптации. Проводится анализ некоторых черт, характерных для традиции привлечения иностранных студентов в вузы Российской империи и СССР. Отмечаются те положения государственной политики Российской Федерации в этом направлении, которые не способствуют повышению успешности социокультурной адаптации современных инокультурных студентов в российских вузах.

Summary. The article is devoted to the study of specific problems arising in the process of socio-cultural adaptation of other culture students who are studying at Russian universities. The distinction between concepts that denote different strategies of adaptation is introduced. The analysis of some features characteristic for the tradition of attracting foreign students to universities of the Russian Empire and the USSR is provided. The author presents particularities of the Russian Federation state policy in this direction that do not contribute to the success of socio-cultural adaptation of modern other culture students in Russian Universities.

Ключевые слова: социокультурная среда, социокультурная адаптация, культурный образец, инокультурные студенты, студенты-мигранты, мигранты-студенты, личностный кризис мигранта, студенческая мобильность, мигрантофобия.

Key words: sociocultural environment, socio-cultural adaptation, cultural pattern, other culture students, migrant students, students migrant, identity crisis migrant, student mobility, migrant-phobia.

УДК 304.44

Личностный кризис мигранта – человека, в силу любых причин попадающего в новую для себя географическую и социокультурную среду, многократно описан в научной литературе по психологии, социологии, социальной (культурной) антропологии. Можно сказать, что со времен классического исследования Ф. Знанецкого и У. Томаса «Польские крестьяне в Европе и в Америке» [12] тема социокультурной адаптации мигрантов – одна из центральных тем социогуманитарного знания.

Обычно данная проблема рассматривается либо с позиции принимающей культуры относительно мигрантов: стереотипы, дискриминация, ксенофобия, отношение к включениям элементов иной культуры, либо со стороны самих мигрантов, «опираясь на такие концепты, как: стратегии аккультурации, стресс аккультурации, адаптация» [1, 75]. Для каждого из этих подходов характерен акцент на ментальных трудностях одной из сторон.

В наиболее общей форме, без выявления факторов, побуждающих к миграции, ситуация прохождения мигранта через основные этапы социокультурного кризиса описана в известном автобиографическом очерке А. Шюца «Чужак» (1944). Основатель социальной феноменологии понимает под чужаком «любого взрослого индивида нашего времени и нашей цивилизации, пытаю-

щегося добиться постоянного признания или, по крайней мере, терпимого к себе отношения со стороны группы, с которой он сближается» [2, 533]. Из рассматриваемой категории Шюц исключает тех, чье сближение с группой носит заведомо краткосрочный характер (посетители, гости), а также представителей культур, находящихся на иных ступенях цивилизации, нежели принимающая сторона. Индивид, воспитанный в определенной группе, принявший стандартизованную схему культурного образца (pattern), полученную от предков, как «само собой разумеющееся» руководство для всех ситуаций, возникающих в социальном мире, приходит в иную среду. Знание, соответствующее его культуре, здесь утрачивает силу авторитетных рецептов освоения окружающего мира. Чужак встречается принимающей группой, которой он представляется человеком «без истории». «В лучшем случае он может быть готов и способен разделить с новой группой в живом и непосредственном опыте общее настоящее и будущее; однако при любых обстоятельствах он остается исключенным из аналогичного общего переживания прошлого» [3, 549]. Чужак превращается в исследователя, его адаптация к принимающей группе «представляет собой непрерывный процесс исследования культурного образца новой группы. Если процесс исследования будет успешным, этот образец и его элементы станут для новичка само собой разумеющимися, превратятся для него в непроблематичный образ жизни, прибежище и защиту. Но в таком случае чужак перестанет быть чужаком, и его специфическая проблема будет решена» [4, 548].

Отметим, что Шюц сам был вынужден после «аншлюса» переехать в США, поменять австрийский паспорт на американский, немецкий язык на английский и включиться в новую для себя среду. Схема адаптации, предложенная Шюцем, представляется нам удобной для того, чтобы рассмотреть при ее помощи важнейшие факторы, влияющие на личностный кризис инокультурных студентов в конкретной стране (Россия) и конкретное время (наши дни), и попытаться ответить на следующие вопросы:

Какого рода «чужаков» можно отнести к инокультурным студентам и каким образом их можно соотнести с другими категориями мигрантов и с другими категориями студентов?

В какой степени инокультурные студенты, приезжающие в Россию, готовы к принятию предлагаемого им культурного образца, мотивированы на его освоение?

Какого рода влияние на этот процесс оказывает государственная политика Российской Федерации?

Прежде всего, вслед за Шюцем, выведем из нашего рассмотрения участников краткосрочных программ по студенческому обмену, чье пребывание в новой для себя среде не требует серьезной работы по социокультурной адаптации. Под студентами-мигрантами мы понимаем только тех участников образовательного процесса, кто прибыл в страну (или регион) для прохождения полного образовательного курса по программам высшего образования. Мы также не будем делить студентов по признаку наличия или отсутствия у них российского гражданства. Специфика современной ситуации такова, что можно говорить о значительном числе иностранных студентов, не являющихся для России *инокультурными* и об *инокультурных* студентах, которые не являются для Российского государства иностранцами.

Мы будем исходить из рассмотрения инокультурных студентов именно как *мигрантов*, причем речь будет идти не о *дальности* миграции, не о наличии у студента российского паспорта, а о выраженности культурных различий, о специфике восприятия выходцев из различных стран (регионов) в России.

Обычно использование понятия «мигрант» в современной русской повседневности связано:

1) не столько с фактом миграции некоего индивида, сколько с визуально наблюдаемыми отличиями: раса, стиль поведения, акцент, любые атрибуты, указывающие на иную «нездешнюю» инаковость. Народная мудрость советского времени выразила эту особенность очень точно, хотя и грубо: «бьют не по паспорту, а по лицу»;

2) с применением этого термина почти только по отношению к лицам кавказского, азиатского, африканского происхождения. Иностранные студенты (студенты-мигранты) с «европейской» внешностью испытывают в России значительно меньшие коммуникативные трудности, чем,

к примеру, граждане России, приехавшие учиться в вузы любых регионов РФ из республик СКФО (Северо-Кавказского федерального округа).

В одном исследовании по проблеме адаптации студентов из республик СКФО это явление описывается очень наглядно: «Для многих преподавателей Чеченская и Ингушская республика не воспринимается как Россия в привычном для них смысле, что приводит к таким вопросам, как, например: «Чем отличается жизнь в России и в Чечне?» и т.п. Как отмечают в таких случаях студенты: «Видите, Вы сами отделяете нас от России» [5, 56]. Российское гражданство и достаточно высокий уровень владения русским языком создают для них несколько более благоприятную ситуацию *только* по сравнению со студентами-мигрантами из соседних независимых государств Закавказья (Грузия, Армения, Азербайджан).

Студентам из СКФО приходится сталкиваться с трудностями почти во всех аспектах жизни: учеба, взаимодействие с однокурсниками, жизнь в общежитии, аренда жилья, поиски работы, появление в городском пространстве. Негативный образ «кавказцев» зачастую выражается именно в расистской лексике, через эпитеты, подчеркивающие цветовую дистанцию с ними: (слово «черные» и производные от него), переводящие этнокультурную разницу в расовую.

Еще одно уточнение связано с введением нами разграничения между двумя близкими понятиями, за которыми скрывается значительная разница в характере адаптации к новой социокультурной среде: *мигранты-студенты* и *студенты-мигранты*.

К первой категории инокультурных студентов (мигранты-студенты) мы отнесем тех, кто состоялся в качестве мигранта раньше, чем стал студентом. Чей переезд в Россию из другой страны или переезд из одного региона России в другой *не был мотивирован* непосредственно задачей получения высшего образования. Ко второй категории инокультурных студентов (студенты-мигранты) – тех, кто покидает свою страну (регион) *для* получения высшего образования. *Мигрант-студент* встречается с новым обществом и его культурными образцами раньше, чем принимает решение стать студентом. Поступление в университет для него всегда означает выражение согласия или стремления к интеграции в данное общество. Превращение в студента в этом случае – *уже способ социокультурной адаптации*, снижение проблематичности и уязвимости своего положения, обретение статуса в новом для себя мире. На пути адаптации у него будут возникать трудности, но он уже сделал несколько шагов в этом направлении. Если снова вспомнить «Чужака» Щюца, то этот чужак ближе к промежуточной или даже к последней фазе своего «исследования», чем к первой.

Напротив, *студент-мигрант* встречается с новым для себя обществом, его культурой и с конкретной принимающей группой *одновременно*. Его кризис протекает *сразу* на нескольких уровнях, что делает проблему социокультурной адаптации значительно более трудной:

1. Разлука с родной культурой при одновременной смене социального и возрастного статуса – превращение в студента.

2. Студент-мигрант должен постигать новую для себя культуру и одновременно получать высшее образование в соответствии с нормами чуждой ему культуры.

3. Разлука с родной семьей. Для *мигрантов-студентов* во многих случаях поступление в вуз не связано с необходимостью расставания с семьей. Например, дагестанская семья переезжает в Ставропольский край, а сын поступает в Ставропольский университет, или азербайджанская семья переехала из Азербайджана в Москву и дочь поступила в МГУ и т.д. Ситуация *студента-мигранта* практически всегда связана с разлукой с семьей. Возможно, он не одинок – с ним вместе его ровесники, представители той же этничности, конфессии, носители того же языка. Тем не менее процесс адаптации он будет переживать не вместе с родной семьей, а в новой для себя группе. Место обитания студента-мигранта – общежитие, арендованная квартира или в редких случаях семья дальних родственников, если речь идет об эффективно организованных диаспорах.

4. Для *студента-мигранта* вопрос о том, будет ли он интегрироваться в это общество чаще всего остается открытым. По крайней мере, на начальном этапе пребывания в новой среде.

Возникновение в России устойчивой практики обучения иностранных студентов относится ко времени правления императора Александра II (1855-1881). До этого момента Россия была стра-

ной, главным образом привлекавшей преподавателей и поставлявшей своих студентов для обучения в европейских университетах. Первым примером проведения государственной политики привлечения иностранных студентов в Россию является программа обучения студентов из Болгарии, Боснии и Сербии в 1860-е – 1870-е годы [6, 9]. В этой политике можно заметить следующие специфические черты:

- мотивация привлечения студентов носила идеологический характер. В данном случае в связи с идеологией «панславизма», которая фиксировала внимание на культурном «родстве» приезжающих студентов. Иностранные студенты позиционировались не в качестве «инокультурных»;
- обучение «братьев-славян» производилось за счет казны и не являлось коммерческим предприятием.

В значительной степени названные мотивы узнаваемы в политике советского периода. Не вдаваясь в детали, отметим, что на протяжении всего последующего периода помимо указанных выше особенностей деятельность по привлечению иностранных студентов имела следующие черты:

- *массовость* – стремление к наращиванию количества иностранных студентов. Данный показатель воспринимался в качестве главного критерия успешности «образовательной политики»;
- *обучение на русском языке* как принципиальная оппозиция английскому языку, на котором происходило обучение в «ведущих капиталистических странах»;
- стремление к формированию у студентов не просто профессиональных качеств, но своеобразного «интернационального патриотизма» – особого рода этнополитической идентичности, соответствующей первому параграфу «Морального кодекса строителя коммунизма»: «Преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине, к странам социализма»;
- стремление задействовать те регионы мира, которые представляют в данный момент наибольший интерес с точки зрения актуальной политики. Последовательная смена пиковых показателей поколений студентов из Испании, Китая, Вьетнама, Кубы, Чили, Афганистана и т.д.;
- мотивация студентов к образованию регулировалась межправительственными соглашениями, а не частными «образовательными траекториями» отдельных студентов. В СССР студентов именно *направляли* учиться.

Москва не просто готовила новых профессионалов для «братских стран» (привычное упоминание на «братство», но не в общеславянском и православном, а в политико-социальном смысле), она осуществляла массовое производство носителей «нового типа культуры». Это была своеобразная инкультурация в «интернациональную культуру» – преодоление изначальной инокультурности приезжающих студентов. И эта деятельность, по крайней мере, в количественном отношении может представляться успешной. «Накануне распада СССР в 1990/1991 академическом году во всех типах советских учебных заведений (включая школы, ПТУ, техникумы, военные училища, партийные и комсомольские школы и т.д.) обучались около 180 тысяч иностранных граждан, в том числе в советских высших учебных заведениях – 126,5 тыс. иностранных студентов, стажеров, аспирантов, что составляло более 10 % общемировой численности иностранного студенческого контингента. По этому показателю советские вузы занимали третье место в мире, уступая лишь университетам США (419,6 тыс. иностранных студентов колледжей и вузов) и Франции (136,9 тыс.)» [7, 9].

Статус иностранных студентов в СССР был достаточно высок. Его невозможно сравнить с тем положением, о котором говорилось выше. Время студентов-мигрантов еще не наступило.

Как нам представляется, современная политика России стремится на новых исторических реалиях воссоздать то, что сегодня считается лучшими достижениями советского периода:

«В настоящее время перед российским образованием стоит амбициозная цель занять прочное место на мировом рынке образовательных услуг. /.../ Согласно Государственной программе Российской Федерации «Развитие образования» на 2013 – 2020 гг., доля иностранных студентов, обучающихся в России, должна вырасти с 2,3 % в 2011 г. до 10 % к 2020 г.» [8, 33].

Судя по данным исследования А. Л. Арефьева и Ф. Э. Шереги, новые достижения в этом направлении выглядят парадоксально, происходит постоянное увеличение количества иностранных студентов в России, но не за счет повышения конкурентоспособности российского образования на международной арене, а за счет занятия специфической ниши на мировом рынке образова-

тельных услуг. Особенности этой ниши видны по следующим показателям: 50,9 % иностранных студентов узнали о возможности учиться в России от министерств образования в своих странах. И только 6,5 % нашли самостоятельно информацию в Интернете на сайте вуза [9, 180]. «На среднем уровне знают русский язык не более 20 % тех, кто приступает к занятиям по основной специализации в вузе; не вызывает сомнений факт, что слабое знание русского языка не позволяет большинству иностранных граждан полностью воспринимать читаемые в вузе лекции /.../ Судя по выявленным мотивациям приезда иностранных граждан в Россию для обучения в вузе, не менее трети из них попадают сюда случайно, не выбирая осознанно профессию или специализацию. Многие из них даже не знают, кто их направляет на учебу. Складывается впечатление, что за них с направляющей организацией «дело имеют» родственники или иные «протезирующие» люди» [10, 222].

Существует распространенный стереотип, согласно которому процессы, связанные со студенческой мобильностью и развитием международного рынка образовательных услуг, имеют исключительно позитивное значение и свидетельствуют о модернизации. Но, думается, более убедительно выглядит мнение Н. Р. Маликовой, считающей, что «в процессе международной миграции участвуют не только люди – носители инновационного типа адаптации. Среди иммигрантов есть потенциальные «глобалы» и «локалы». /.../ «локалы» – иммигранты могут также обитать в центрах глобализации, /.../ сохраняя традиционалистский уклад и стиль жизни, в социальных практиках повседневности своей приватной жизни» [11, 107].

Итак, резюмируя сказанное выше, отметим:

во-первых, что именно проблема адаптации инокультурных *студентов-мигрантов* – индивидов, прибывших для получения высшего образования в Россию из другой страны или в один из регионов России из другого региона (при наличии выраженных культурных различий), является серьезной для современной системы образования в России, а максимально выраженные трудности в процессе социокультурной адаптации возникают перед студентами-мигрантами из республик СКФО Российской Федерации, государств Закавказья, а также азиатских и африканских стран;

во-вторых, что отсутствие у значительной части студентов-мигрантов стремления к самостоятельному выбору профессии и к поиску страны (региона) и вуза, где они будут получать образование, резко снижают их возможности на успешную социокультурную адаптацию в новой для них среде, а наличие в принимающем обществе высокого уровня мигрантофобии сводит вероятность этой возможности почти к нулю. При реализации подобного рода политики «чужак» заведомо не мотивирован на исследование культуры принимающей стороны и на получение образования, т.к. зачастую решение о его образовательной траектории принимается другими людьми. В лучшем случае – родственниками;

в-третьих, государственная политика России в вопросе, связанном с привлечением иностранных студентов для обучения в отечественных вузах, в некоторых своих аспектах воспроизводит архаическое понимание целей и задач этой деятельности. Инокультурные студенты-мигранты в этом случае являются не более чем единицей, «поставляемой» для официальной отчетности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лебедева, Н. М. Социально-психологические проблемы аккультурации мигрантов из республик Северного Кавказа и Закавказья в мегаполисе / Н. М. Лебедева // Миграционные процессы и проблемы адаптации: моногр. – Пенза: ПГПУ, 2009. – С. 75.
2. Шюц, А. Чужак / А. Шюц; пер. с нем. и англ. // Избранное: Мир, светящийся смыслом. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – С. 533.
3. Там же. С. 549.
4. Там же. С. 548.
5. Адаптация студентов Северного Кавказа в вузах г. Самары (опыт практической работы) / С. В. Березин, Д. Д. Козлов, К. С. Лисецкий [и др.]. – Самара: Универс-групп, 2004. – С. 56.
6. Шереги, Ф. Э. Научно-педагогический потенциал и экспорт образовательных услуг российских вузов / Ф. Э. Шереги, Н. М. Дмитриев, А. Л. Арефьев. – М.: Центр социального прогнозирования, 2002. – С. 9.

7. Арефьев, А. Л. Иностранцы студенты в Российских вузах / А. Л. Арефьев, Ф. Э. Шереги. – М.: Центр социологических исследований, 2014. – С. 9.
8. Дрожжина, Д. С. Изучение адаптации иностранных студентов: дискуссия о методологии / Д. С. Дрожжина // Эмпирические исследования. Universitas. – 2013. – Т. 1. – № 3. – С. 33.
9. Арефьев, А. Л. Иностранцы студенты в Российских вузах / А. Л. Арефьев, Ф. Э. Шереги. – М.: Центр социологических исследований, 2014. – С. 180.
10. Там же. С. 222.
11. Маликова, Н. Р. Социально-психологические феномен и ресурсы адаптации иммигрантов в условиях глобализации / Н. Р. Маликова // Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире: материалы 2-й Междунар. науч.-практ. конф. – Пенза: ПГУ им. В. Г. Белинского, 2014. – С. 107.
12. Znanetski, F. The Polish peasant in Europe and America / F. Znanetski, W. Tomas. – V. 1-5, 1918-20. – Chicago, 1918-1920.

Кузьмина О. А.
O. A. Kuzmina

**УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ВЫЯВЛЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ
ОРГАНАХ**

**CRIMINALLY-LEGAL AND FORENSIC ISSUES OF DETECTING MALFEASANCE
IN LAW ENFORCEMENT**

Кузьмина Ольга Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Уголовно-правовые дисциплины» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, г. Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел. 89622872727. E-mail: petr0va@mail.ru.

Ms. Olga A. Kuzmina – PhD in History, Associate Professor, Department of criminal law disciplines, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin Str.; tel. 89622872727. E-mail: petr0va@mail.ru.

Аннотация. В статье автор обращает внимание на уголовно-правовые и криминалистические проблемы выявления должностных преступлений в правоохранительных органах. Отмечается, что расследование должностных преступлений осуществляется в соответствии с методикой, определенной следователем. Автором проанализированы этапы процесса расследования должностных преступлений, определены обстоятельства, указывающие на большую общественную опасность преступлений в правоохранительных органах.

Summary. In the article the author draws attention to the criminal law and criminological problems of identifying malfeasance in law enforcement. It is noted that the investigation of crimes is carried out in accordance with the methodology defined by the investigator. The author analyzes the stages of the process of crime investigation by officials, determines circumstances that indicate high public danger of crimes in law enforcement.

Ключевые слова: должностные преступления, правоохранительные органы, способы совершения преступлений.

Key words: the malfeasance, the law enforcement, the ways of committing crimes.

УДК 343.97

Расследование должностных преступлений в правоохранительных органах осуществляется в соответствии с методикой, определенной следователем. Методика расследования представляет собой не что иное, как тактико-методические рекомендации, способствующие наиболее эффективному расследованию, раскрытию и предупреждению преступлений.

На сегодняшний день в криминалистике утвердилась позиция о трехзвенной структуре процесса расследования, состоящей из первоначального, последующего и заключительного этапов. Ряд ученых выделяют в дополнение к названным проверочный этап – работа следователя по проверке сообщения о преступлении и принятии по нему решения. Однако ввиду того, что данный этап не является частью расследования, выделение его в качестве самостоятельного действия представляется нам нецелесообразным и предполагает отнесение к первоначальному этапу.

Деление процесса расследования на этапы обусловлено действием информационного принципа, согласно которому последующий поиск информации возможен только при наличии информации, полученной на предыдущем этапе.

Этапы расследования преступлений не имеют четких временных рамок, представляют собой периоды расследования, в которые решаются свои особые задачи. Этапы следует отличать от стадий уголовного процесса, поскольку первые реализуются в рамках организационной работы следователя по уголовному делу до передачи его в суд или прокуратуру, а вторые – отражают

ключевые моменты уголовного судопроизводства в целом – от возбуждения уголовного дела до окончания процесса.

На каждом этапе расследования преступления решаются свои приоритетные задачи. Они отражены в УПК РФ:

1. Наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления – поводы и основания для возбуждения уголовного дела (ст. 140 УПК России). Указанная задача реализуется в рамках этапа доследственной проверки.

2. Наличие достаточных доказательств, дающих основания для обвинения лица в совершении преступления – порядок привлечения в качестве обвиняемого (ст. 171 УПК России). Указанная задача реализуется в рамках первоначального этапа.

3. Наличие доказательств, достаточных для принятия решения об окончании предварительного следствия – основания прекращения уголовного дела и уголовного преследования (ст. 212 УПК России). А также наличие доказательств, достаточных для принятия решения об окончании дознания – обвинительный акт (ст. 225 УПК России). Указанные задачи образуют последующий этап процесса расследования.

4. Окончание предварительного следствия – направление уголовного дела с обвинительным заключением прокурору (гл. 30 УПК России). Окончание дознания – обвинительный акт (ст. 225 УПК России). Данная задача реализуется в рамках завершающего этапа.

Значимость каждого этапа не вызывает сомнения. Так, первоначальный этап дает возможность верно квалифицировать преступные действия сотрудников правоохранительных органов, что влияет на эффективность последующего расследования по уголовным делам о должностных преступлениях.

Следует отметить, что преступления в правоохранительной сфере имеют довольно высокий уровень латентности.

Преступность в правоохранительных органах представляет собой наибольшую общественную опасность, чем преступность в других профессиональных группах. Во-первых, как социальное явление преступность в данной сфере препятствует нормальному функционированию органов власти и управления, снижает имидж российской полиции и авторитет государственной службы в целом.

Во-вторых, преступная деятельность сотрудников правоохранительных органов наносит существенный вред интересам граждан, снижает уровень доверия к лицам «в погонах».

В-третьих, преступные посягательства носят ярко выраженную корыстную направленность. Так, например, в 2013 году среди 3046 зарегистрированных преступлений сотрудников полиции 1518 – пришлось на преступления коррупционного характера [2, 107]. Представленные статистические данные свидетельствуют о том, что в органах внутренних дел растет количество сотрудников, использующих свое служебное положение для извлечения материальной выгоды.

В-четвертых, имеет место быть тенденция вовлечения сотрудников правоохранительных органов в криминальные структуры. Кроме того, нормой стало «крышевание» всевозможных коммерческих организаций. Часто сотрудники сами занимаются коммерческой деятельностью, что нарушает интересы службы. В последнее время в средствах массовой информации все чаще встречаются сведения о подконтрольности крупных российских банков высокопоставленным сотрудникам полиции.

В-пятых, проявляют тенденцию к росту тяжкие и особо тяжкие преступления сотрудников полиции. По данным статистики с 1989 года (с момента рассекречивания данных по преступности в ОВД) количество такого рода преступлений возросло более чем в два раза. Так, в 2012 г. в отношении 390 сотрудников ОВД России возбуждены уголовные дела за мошенничество; 165 – за незаконное хранение и сбыт наркотиков; 69 – за кражу; 36 – за убийство; 21 – за грабеж; 19 – за разбой [2, 108].

В-шестых, все больше становится фактов участия сотрудников в составе организованных преступных групп. Самыми распространенными видами преступлений в составе ОПГ являются: бандитизм, вымогательство, разбойные нападения.

В-седьмых, преступления сотрудников правоохранительных органов характеризуются использованием последними своего служебного положения.

Указанные особенности должностных преступлений в правоохранительных органах существенным образом влияют на выбор криминалистических способов выявления и раскрытия таких преступлений на первоначальном этапе. Особая роль на первоначальном этапе расследования должностных преступлений отводится вопросам организации взаимодействия следователей и сотрудников оперативно-розыскных аппаратов. Взаимодействие должно носить согласованный, конфиденциальный характер.

Среди факторов, которые могут свидетельствовать о причастности конкретных сотрудников правоохранительных органов к преступной деятельности, можно выделить:

- 1) наличие внеслужебных контактов сотрудников правоохранительной сферы с представителями криминальной среды;
- 2) фиксацию фактов получения сотрудником услуг личного характера или материального вознаграждения от членов ОПГ;
- 3) фиксацию фактов приобретения сотрудниками дорогостоящих предметов недвижимости, автотранспортных средств, открытие крупных счетов в банках и т.д., что может указывать на причастность сотрудника к деятельности коррупционного характера.

Для расследования должностного преступления важно изучение способа его совершения. В уголовном процессе способ совершения преступления находится в подчинении событию преступления [3, 75]. Об этом свидетельствует ст. 73 УПК РФ: «При производстве по уголовному делу подлежат доказыванию: время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления» [4].

Данные о способе совершения преступления в криминалистическом понимании составляют один из самых важных элементов анализируемой структурной системы криминалистической характеристики. Способ совершения преступления является важным источником сведений о качественной стороне преступного поведения правонарушителей [3, 75-76].

В криминалистическом смысле под способом совершения преступления целесообразно понимать систему поведения субъекта (объективно и субъективно обусловленную) до, в момент и после совершения преступления, связанную с различного рода характерными следами, позволяющими, используя криминалистические приемы и средства, собрать информацию о сути происшедшего, особенностях, характеризующих личность правонарушителя, определить методы расследования преступления.

Способы совершения должностных преступлений представляют собой систему взаимосвязанных друг с другом, объединенных единым умыслом и направленных на достижение преступного результата действий преступника в конкретных условиях. Должностные преступления сотрудников правоохранительных органов часто связаны с использованием ими служебных полномочий в процессе преступной (противоправной) деятельности.

Под использованием сотрудником своих служебных полномочий следует понимать совершение деяния, которое формально находится в пределах его прав (полномочий). При этом не могут быть признаны в качестве преступных действия сотрудника полиции, связанные с нарушением служебных полномочий, если они совершены в условиях крайней необходимости, а также во исполнение обязательных для него приказа или распоряжения (ст. 39, ст. 42 УК РФ) [5].

Установление функций, присущих должностному лицу на момент совершения преступления, является обязательным в приговоре суда по любому уголовному делу о должностном преступлении.

Одним из компонентов криминалистической характеристики преступления является время его совершения. В целях качественного расследования необходимо правильно определить время совершения преступления.

Следует обратить внимание, что такого рода преступления являются пролонгированными по времени. В связи с чем для их раскрытия требуется достаточное количество временных ресурсов, в течение которых могли бы быть вскрыты и документированы факты нарушений сотрудников.

В последнее время в научной литературе в качестве одной из предпосылок совершения сотрудниками правоохранительных органов противоправных деяний выделяют низкий уровень их правосознания, правовой нигилизм. В частности, указанную точку зрения разделяют А. А. Борзов, А. Н. Варыгин, Н. А. Бояркина и др. А. А. Борзов в своем исследовании отмечает, что низкий уровень правосознания сотрудников приводит к грубым нарушениям в их деятельности, совершению правовых ошибок.

Еще одной проблемой выявления должностных преступлений в правоохранительных органах является наличие у сотрудников особого правового статуса. Субъект анализируемых преступлений специальный. В качестве субъекта выступает должностное лицо, выполняющее функции представителя власти (постоянно, временно или по специальному полномочию) либо осуществляющее административно-хозяйственные, организационно-распорядительные функции в государственных органах.

Указанное обстоятельство имеет решающее значение для принятия процессуальных решений на этапе доследственной проверки сообщения о преступлении, верной квалификации действий обвиняемого, соблюдения установленного УПК РФ порядка производства процессуальных действий.

Следует обратить внимание, что сложность раскрытия должностных преступлений в правоохранительных органах обусловлена тем, что сотруднику известны уголовно-процессуальные нормы и правила, их реализация на практике, а также приемы противодействия расследованию.

Например, в органах внутренних дел при выявлении фактов, свидетельствующих о возможности совершения должностного преступления, следует обращать внимание:

- 1) на факты передачи служебной информации заинтересованным лицам;
- 2) содействие лицам, причастным к преступлению, в уклонении от следствия;
- 3) факты незаконного задержания либо заключения под стражу;
- 4) ведение консультаций подозреваемых и обвиняемых о «правильном» поведении во время следствия и суда;
- 5) факты привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности и т.д.

В качестве источников получения сведений о вышеназванных фактах можно выделить: заявления граждан, должностных лиц, коллег подозреваемого лица и т.д. [1, 72].

Таким образом, преступления, совершаемые сотрудниками правоохранительных органов, требуют криминологического изучения, разработки эффективных мер по их выявлению и предупреждению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борзов, А. А. Криминологический характер должностных преступлений / А. А. Борзов // Юридическая мысль. – 2006. – № 1(32). – С. 68-73.
2. Варыгин, А. Н. Преступность сотрудников органов внутренних дел как криминологический феномен / А. Н. Варыгин // Вестник МГОУ. Серия: Юриспруденция. – 2015. – № 3. – С. 105-111.
3. Мохоров, Д. А. Понятие способа совершения преступления / Д. А. Мохоров // Юридическая мысль. – 2006. – № 5. – С. 74-82.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ; в ред. от 29.06.2015 № 191-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
5. Уголовный кодекс РФ [Электронный ресурс]: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ; в ред. от 29.06.2015 // СПС «КонсультантПлюс».

Блем А. Е., Усанов И. Г.
A. Ye. Blem, I. G. Usanov

ФОРМИРОВАНИЕ КРЕАТИВНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

GOVERNMENT AND MUNICIPAL CHIEF CREATIVITY FORMATION

Блем Анастасия Евгеньевна – магистрант кафедры менеджмента, маркетинга и государственного управления Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, г. Комсомольск-на-Амуре).

Ms. Anastasia Ye. Blem – Master 's degree student, Management, Marketing and Public administration Department, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur).

Усанов Илья Геннадьевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, маркетинга и государственного управления Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, г. Комсомольск-на-Амуре). E-mail: usanov.ig@email.knastu.ru.

Mr. Ilya G. Usanov – PhD in Economics, Assistant Professor, Management, marketing and public administration Department, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: usanov.ig@email.knastu.ru.

Аннотация. Нынешнее общество в третьем тысячелетии акцентирует внимание на проявлении персональных качеств каждой конкретной личности. Харизматичность, креативность, неординарность мышления – все эти личностные качества высоко востребованы на современном этапе развития общества. Подобные качества высоко ценятся в руководителях не только коммерческих предприятий и организаций, но и в государственном и муниципальном управлении.

Summary. Present-day society in the third Millennium focuses on the manifestation of personal qualities of every individual. Charisma, creativity, originality – all these personal qualities are in high demand at the present stage of society development. Such qualities are highly valued in the heads of not only businesses and organizations but also in state and municipal management.

Ключевые слова: креативность, государственное и муниципальное управление, развитие творческих способностей, менеджмент.

Key words: creativity, government and municipal management, development of creative ability, management.

УДК 342.5:005

Отчетливые тенденции отставания России от экономически развитых стран вызывают необходимость осуществления прорывных реформ в экономике многих регионов, особенно таких депрессивных, как Дальний Восток. На его территории уже давно отчетливо сформировался целый клубок социальных, экологических, экономических и культурных проблем. И если в краевых столицах еще могут найти средства на сдерживание социальной напряженности, то во многих муниципальных образованиях, находящихся на периферии, такой возможности практически нет. Сложившийся в муниципалитетах бюджетный дефицит приводит к неизбежному ухудшению объектов городской инженерной, транспортной и социальной инфраструктур, что на фоне повсеместных сокращений и увольнений вынуждает людей уезжать, покидая некогда грандиозные всесоюзные стройки. Подобной участи не удалось избежать и городу Комсомольску-на-Амуре – второму по величине городу Хабаровского края, промышленной и инженерной столице Дальнего Востока, и, наконец, Городу Президентского внимания!

Население города Комсомольска-на-Амуре ежегодно сокращается устойчивыми темпами. Уезжают люди совершенно разных возрастных групп, но, пожалуй, самое страшное то, что уез-

жают молодые. По данным статистики отдела образования около 52 % выпускников 11-х классов общеобразовательных школ покинули территорию города Комсомольска-на-Амуре для обучения и работы за его пределами. Уезжают не только молодые люди, но и люди среднего возраста и пенсионеры. Из разговора с представителями нескольких транспортных компаний нам удалось узнать, что наибольшая активность уезжающих в течение года наблюдается в период с мая по август. Причем активность перевозки личных вещей доходит до пяти грузоотправителей в день на протяжении более чем пяти последних лет. Если учесть, что услугами транспортных компаний в основном пользуются при переезде на дальние расстояния в западные регионы России (Краснодар, Сочи, Москва, Питер и т.д.), то ситуация представляется еще более мрачной, так как из приведенных наблюдений выпадают внутрорегиональные миграционные потоки.

К решению сложнейшей проблемы развития дальневосточного региона государственные органы управления приступили более пяти лет назад. Первым, благодаря проведенному саммиту АТЭС в 2012 году, импульс развития получил город Владивосток. Существенные вложения в развитие инфраструктуры позволили вывести на новый уровень качества многие объекты, такие как аэропорт, транспортную инфраструктуру и целый комплекс на о. Русский, на базе которого в дальнейшем образовался Дальневосточный Федеральный Университет. Теперь на очереди Хабаровский край в целом, и город Комсомольск-на-Амуре в частности. Бурную информационную компанию развернули как представители федерального, так и регионального и муниципального уровней в прошлом 2016 году. Шквал публикаций на тему ТОСЭР в средствах массовой информации, билборды с изображением самолетов и судов, выпускающихся на предприятиях города – все это призвано продемонстрировать бурную деятельность и анонсировать грандиозные масштабы грядущих изменений. Однако наибольший интерес представляет собой вся совокупность фундаментальных управленческих решений, которые будут призваны на деле, а не на словах, в корне изменить ситуацию.

По мнению отечественных психологов, руководителям государственного и муниципального управления присущи устаревшие мотивационные механизмы организации как своего труда, так и труда своих подчиненных. Помимо этого, отмечают неспособность брать на себя ответственность за принятие и реализацию принятых решений, безынициативный стиль поведения, пессимизм, моральная и нравственная деградация, профессиональное выгорание и т.д. Принятие же управленческих решений по разработке и реализации стратегических планов развития территории требует не только высокого уровня общей и специальной подготовки, но и наличие развитых личностных качеств, на первое место среди которых выходит креативность. Необходимость осуществления прорывных улучшений, безусловно, требует создания нового типа руководителя государственного и муниципального управления [1, 5].

Многие российские социологи рассматривают формирование и развитие креативности, как обязательной части профессиональной подготовки управленцев, предлагая при этом принципы, формы, методы развития креативности управленцев. В работах С. В. Алиевой обращается отдельное внимание на проблемы, с которыми сталкивается институт государственной службы в современной России ввиду специфики ее кадрового потенциала [1]. К их числу исследователь относит недостаточную эффективность деятельности гражданских служащих, слабую степень использования современных управленческих технологий и др.

А. М. Салогуб в своей монографии «Креативное управление в системе социального развития российского общества» рассматривает креативность, как обязательное и необходимое условие повышения эффективности управления и всего общества [5].

Безусловно, концепция креативного управления, прежде всего, получила свое развитие в деятельности бизнес-структур, для которых креативность и инновационность является залогом удержания лидирующих позиций на рынке. Однако её применение на платформе государственной службы может спровоцировать возникновение ряда потенциальных проблем. Причины этих проблем кроются в различных подходах к управлению частным хозяйствующим субъектом и государственной структурой. Для последней свойственен административный подход к управлению, основанный на бюрократизации, строгой иерархии, отсутствии гибкости, точности исполнения пред-

писаний и других принципах. В подобной ситуации «профессиональное творчество» и «административный подход» могут потенциально вступить в противоречие друг с другом.

Таким образом, первоочередной задачей является трансформация системы государственной службы и технологий профессиональной подготовки государственных служащих. Решение подобной задачи логично начинать с процедуры отбора людей с хорошими творческими способностями, природа возникновения которых до настоящего времени остается предметом дискуссий в психологической литературе. Значение вопроса креативности определено ведущей ролью этого психологического свойства в развитии творческой личности. Человек, выступая как субъект креативной деятельности, нацелен на поиск любых путей разрешения проблемных ситуаций, являющихся вызовами современности и вынуждающих развивать его творческие и интеллектуальные способности.

Следующим шагом необходимо развивать креативность, т.е. генерировать способности к выдвижению оригинальных идей и нестандартных подходов к решению задач. Расширение кругозора и формирование современного мышления создают предпосылки для успешного решения сложных управленческих задач в условиях неопределенности и ограниченности ресурсов. Государственные служащие должны отчетливо представлять себе основные тенденции и направления «ветров» в экономике и бизнесе, уметь договариваться и находить оптимальные управленческие решения, отвечающие интересам всех заинтересованных сторон и слоев общества [3].

Таким образом, нам представляется два основных направления работы: подбор методов диагностики степени креативности управленцев и выявление современных подходов, основных этапов и методического инструментария развития креативности в процессе профессиональной подготовки государственных и муниципальных служащих.

В калифорнийском университете в 50-е гг. XX в. были созданы первые тесты креативности. Автор данных тестов Дж. Гилфорд. Данные методики известны как Южнокалифорнийские тесты дивергентной продуктивности. С их помощью измеряли особенности одного из типов мышления, которое Дж. Гилфорд назвал дивергентным. Система тестов Дж. Гилфорда состоит из 14 субтестов, из которых 10 ориентированы на диагностику вербальной креативности и четыре – на невербальной. Данные тесты адресованы взрослым и учащимся старших классов. Стандартизация данных тестов проводилась на небольших выборках. В связи с этим обстоятельством данные о надежности и валидности заметно колеблются. По представлению психологов, причинами такой низкой эффективности тестов Дж. Гилфорда в оценке творческих способностей являются установка на скорость выполнения заданий и отсутствие учета личностных характеристик тестируемых.

В данное время наиболее популярны и обширно применяются для измерения креативности тесты Е. Торренса (Torrance Tests of Creative Thinking – ТТСТ). Несмотря на продекларированную им задачу сконструировать тестовые задания как модель творческого процесса и отобразить в них не итог, а процесс творчества, тесты Торренса (особенно вербальные), по сути, похожи на Южнокалифорнийские тесты Дж. Гилфорда, а иногда являются их адаптацией. Помимо этого, показатели по тестам взяты Е. Торренсом у Дж. Гилфорда. Но тем не менее Е. Торренс не пытался создавать факторно чистые тесты. Он пытался отразить в них всю сложность творческих процессов. Е. Торренс разработал 12 тестов, сгруппированных в вербальную, изобразительную и звуковую батарею.

Фигурный тест Е. Торренса также появился в 1966 г. Его перевод, адаптация и стандартизация на отечественных испытуемых были выполнены Е. И. Щеплановой, Н. П. Щербо и Н. Б. Шумаковой. Он предназначен для испытуемых с 5 до 18 лет. Этот тест состоит из трех субтестов. Ответы на все задания даются в виде рисунков и подписей к ним.

М. Валлах и Н. Коган считают, что перенос Дж. Гилфордом, Е. П. Торрансом и их последователями тестовых моделей измерения интеллекта на измерение креативности привел к тому, что тесты креативности попросту диагностируют IQ, как и обычные тесты интеллекта [3].

Другой знаменитый исследователь С. Медник считает, что в процессе творчества наличествует как конвергентная, так и дивергентная составляющая, точнее деление познавательного акта на эти составляющие очерчивает его неадекватно. По мнению С. Медника, чем из более отдаленных областей взяты элементы проблемы, тем более креативным является процесс решения. Тем самым дивергенция заменяется актуализацией отдаленных зон смыслового пространства. Творче-

ское решение отклоняется от стереотипного: суть творчества, по С. Меднику, не в особенности операции, а в способности преодолевать стереотипы на конечном этапе мыслительного синтеза и, как было отмечено ранее, в широте поля ассоциаций. Эти идеи и положены в основу теста отдаленных ассоциаций (RAT) [4].

Методика С. Медника адаптирована в лаборатории психологии способностей Института психологии Российской академии наук на выборке школьников старших классов Л. Г. Алексеевой и Т. В. Галкиной, а на выборке менеджеров в возрасте от 23 до 35 лет – А. Н. Ворониным. Разработанный тест предназначен для диагностики вербальной креативности, которая определяется как процесс рекомбинирования элементов ситуации в новые комбинации [2].

С нашей точки зрения, именно эта методика является наиболее подходящим вариантом для диагностики вербальной креативности руководителей и специалистов органов государственного и местного управления, так как позволяет диагностировать профессионально важные для рассматриваемой деятельности показатели оригинальности и уникальности.

Существует множество приемов, позволяющих развить креативное мышление. Мы рассмотрим некоторые из них.

Мозговой штурм. Заключается в следующем. Заранее собирается команда из нескольких людей. Перед участниками ставится определенная задача, требуется выдвинуть как можно больше идей для ее решения. Можно высказывать самые невероятные и фантастические предположения. Чем больше гипотез и чем нереальнее они будут, тем лучше.

При этом не должно быть места критике в отношении выдвигаемых идей. Задача в том, чтобы раскрепостить воображение, дать ему волю, в результате верное решение может найтись в совершенно неожиданном виде.

Участники группы могут не иметь соответствующего образования в данной области – очень часто именно людям со стороны, неспециалистам приходят в голову самые свежие и гениальные идеи.

Как только будут выработаны все возможные варианты решения, отбирают самые удачные из них и проводят детальный анализ каждого.

Этот метод создан исследователем Уильямом Гордоном для поиска оптимальных решений при выходе из кризисных ситуаций на предприятии. Прием очень похож на метод «мозгового штурма», только команда собирается из людей-профессионалов, специально обученных приемам продуктивного мышления. Участниками являются специалисты из разных областей.

В отличие от предыдущего метода, в процессе обсуждения проблемы допускается и даже приветствуется критика, а также для решения проблемы применяется поиск аналогий решения подобных задач в других сферах деятельности.

Данный метод не получил широкого распространения у нас в России, зато достаточно часто используется на Западе.

ТРИЗ-технология. В противовес зарубежной синектике в 40-е годы минувшего века в нашей стране была создана методика ТРИЗ (теория решения изобретательских задач), которая заключалась в совокупности специальных алгоритмов. Миссия всех этих алгоритмов – позволить инженерам решать конструкторские задачи гораздо быстрее и с меньшими затратами. Владение приемами ТРИЗ подразумевает:

- умение выявлять суть задачи;
- видеть основные направления поиска решений;
- систематизировать процесс сбора необходимой информации;
- владеть как логическим, так и нелогическим способом мышления;
- расширять кругозор и отходить от общепринятых стандартных методов решения.

Хотя изначально эта технология мышления создавалась для решения сугубо технических задач, методы ТРИЗ являются прекрасным подспорьем в области бизнеса и гуманитарных наук.

Теория Уоллеса. В 1926 году Грехем Уоллес создал теорию, согласно которой творческий подход к решению проблемы требует невероятных усилий мозга и напряжения в начале и отход от проблемы, отвлечение впоследствии.

Данный метод предполагает цикличность процесса творческого мышления. Рассмотрение задачи происходит в четыре стадии:

- 1) подготовка. Анализ имеющихся данных, попытка разрешить проблему самостоятельно. Напряжение, мобилизация всех сил;
- 2) инкубационная стадия. Усталость, переключение внимания на другие задачи, так как текущая проблема решению так и не поддается. Мозг чуть расслабляется, но подсознание продолжает по инерции искать ответы на поставленный вопрос;
- 3) озарение (инсайт). В голову вдруг «внезапно» приходит идея верного решения;
- 4) проверка. Производятся нужные анализы и расчеты, чтобы эту идею либо утвердить в качестве действительно правильного решения, либо опровергнуть.

Хотя уже были попытки описания подобных схем цикличности творчества ранее, именно Уоллес первым высказал предположение, что для нахождения верного решения требуется расслабление ума, покой после напряженной работы.

Ментальные карты. Основатель данной методики Тони Бьюзен считал, что творческая креативность умственной деятельности человека находится в прямой зависимости от степени развития ассоциативного мышления. Он предложил для быстрого нахождения решения поставленной задачи рисовать ментальные карты, или интеллект-карты.

В центре листа бумаги с помощью обозначений рисуется исходная задача, а вокруг нее стрелочками отходят ассоциации, связанные с ее решением. От каждой ветви-ассоциации отходят более мелкие веточки, также связанные между собой посредством ассоциаций.

Во время рисования в голове происходит перебор вариантов-ассоциаций, значительно активизирующий процесс мышления, таким образом задача может быть решена довольно быстро.

Метод «шести шляп». Прием, разработанный Эдвардом де Боно (метод шести шляп), предполагает режимность мышления человека. Любую проблему можно рассматривать с разных углов зрения. Де Боно предлагает «примерить» шесть шляп-направлений мышления, подробно проанализировав и хорошенько рассмотрев поставленную задачу с каждого ракурса:

- белая шляпа – научный подход. Анализируются факты и цифры, выявляются «пробелы», которые нужно восполнить, найти недостающую информацию;
- черная – критическая оценка ситуации, выявление «подводных камней», недостатков и возможных рисков;
- желтая – взгляд оптимиста. Явные плюсы и выгоды решения проблемы, отдаленные перспективы;
- красная – эмоциональная оценка ситуации. Интуитивное решение;
- зеленая – креативный подход, нестандартность;
- синяя – управление. Вырабатывается общий алгоритм решения конкретной задачи. Систематизируются все ранее высказанные точки зрения, объединяются в одну логическую линию.

Метод достаточно прост для понимания и предполагает системность рассмотрения проблемы, может использоваться во многих областях деятельности: в психологии, на предприятиях, в решении личных проблем, в обучении детей, даже самых маленьких.

В заключение следует сказать, что недооценка именно управленческого ресурса, возможностей инновационного государственного и муниципального управления приводит к тому, что страна и общество несут огромные потери, связанные с проведением ошибочных реформ, с нерациональностью структуры государственного бюджета, с принятием неэффективных программ развития и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиева, С. В. Креативизация государственного управления в условиях российских трансформаций / С. В. Алиева. – М.: Наука, 2013. – 126 с.
2. Данькова, Е. В. Кадровые процессы на гражданской службе: динамика качественных изменений / Е. В. Данькова; под общ. ред. А. И. Турчинова. – М.: Макс Пресс, 2014. – 246 с.
3. Теория управления: учеб. / под общ. ред. А. Л. Гапоненко, А. П. Панкрухина. – М.: Изд-во РАГС, 2013. – 586 с.

4. Турчинов, А. И. Современная кадровая политика и управление персоналом в российских организациях: социологический анализ: моногр. / А. И. Турчинов. – М.: МАКС Пресс, 2013. – 764 с.
5. Салогуб, А. М. Креативное управление в системе социального развития российского общества / А. М. Салогуб. – Ростов н/Д.: СКНЦ ВШ ЮФУ, 2012. – 446 с.
6. Турчинов, А. И. Социологический анализ проблем кадровой политики управления персоналом в российских организациях: моногр. / А. И. Турчинов. – М.: МАКС Пресс, 2014. – 386 с.
7. Уколов, В. Ф. Теория управления / В. Ф. Уколов, А. М. Масс, И. К. Быстряков. – М.: Экономика, 2013.

Кононенко Т. Е., Яковлева Т. А.
T. Ye. Kononenko, T. A. Yakovleva

**ОЦЕНКА ФИНАНСОВЫХ РИСКОВ КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ:
МЕЖДУНАРОДНАЯ И РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА**

**FINANCIAL RISK ASSESSMENT OF COMMERCIAL BANKS:
THE INTERNATIONAL AND RUSSIAN PRACTICE**

Кононенко Тамара Евгеньевна – магистр кафедры «Экономика, финансы и бухгалтерский учет» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, г. Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8(914)218-10-95. E-mail: www.tomusya@mail.ru.

Ms. Tamara Ye. Kononenko – master 's degree student, Economics, Finances and Accounting Department, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 27, Lenin avenue, Khabarovsk region, Komsomolsk-on-Amur, 681013; 8(914)218-10-95. E-mail: www.tomusya@mail.ru.

Яковлева Татьяна Анатольевна – кандидат экономических наук, профессор кафедры «Экономика, финансы и бухгалтерский учет» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, г. Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; E-mail: efbu@knastu.ru.

Ms. Tatiana A. Yakovleva – PhD in Economics, Professor, Economics, Finances and Accounting Department, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 27, Lenin avenue, Khabarovsk region, Komsomolsk-on-Amur, 681013. E-mail: efbu@knastu.ru.

Аннотация. В работе рассматриваются различные методы оценки финансовых рисков коммерческих банков, применяемые сегодня в международной и российской практике. Выполнен сравнительный анализ наиболее распространенных методов, выявлены их преимущества и недостатки, а также возможность применения в нашей стране.

Summary. The paper considers various methods for assessing the financial risks of commercial banks, which are used in modern international and Russian practice. A comparative analysis of the most common methods is performed, their advantages and disadvantages are revealed, as well as the possibility of application in our country.

Ключевые слова: финансовый риск, коммерческий банк, аналитический метод, статистический метод, комплексный метод, метод экспертных оценок, системы рейтинговых оценок, системы анализа финансовых коэффициентов, комплексные системы оценки банковских рисков.

Key words: financial risk, commercial bank, analytical method, statistical method, integrated method, expert evaluation method, rating system, financial ratio analysis systems, integrated systems for assessing bank risks.

УДК 336.71

Сегодня не подлежит сомнению, что проблема риска – одна из ключевых в экономической деятельности организаций, особенно в банковской сфере. Согласно данным информационного портала, в нашей стране за период с 1991 по 2017 гг. прекратили свою деятельность вследствие ликвидации или отзыва лицензии Банком России 2 540 кредитных организаций [3]. Конечно, причины прекращения деятельности различны, но вопрос управления рисками по своей значимости считается одним из самых актуальных в условиях кризиса банковской системы.

В общем виде банковские риски разделяются на четыре категории: финансовые, операционные, деловые и чрезвычайные. Финансовые риски в свою очередь включают два типа рисков: чистые и спекулятивные, а среди чистых рисков соответственно выделяют кредитный риск, риски ликвидности и платежеспособности.

В настоящее время под термином «финансовый риск» принято понимать опасность потерь, которые возникают из-за специфики банковских операций при их осуществлении кредитными организациями [1].

В соответствии с огромной степенью воздействия финансовых рисков на работу кредитной организации Банк России произвел регламентацию процессов оценки риска и выявил критерии качества каждой отдельной ссуды в соответствии с Положением 254-П. Но данный документ не содержит конкретных подходов, позволяющих произвести оценку заемщика, поэтому банк имеет право использовать различные методы оценки кредитоспособности заемщика. Главным результатом применения данных методов должна стать оценка кредитоспособности заемщика и оценка уровня его финансовых рисков [2].

Существует достаточно большое количество методов оценки финансовых рисков коммерческих банков России, но выделим основные из них и произведем их сравнительный анализ, отметив преимущества и недостатки (см. табл. 1).

Таблица 1

Сравнительный анализ методов оценки рисков в российской практике

Метод	Характеристика	Преимущества	Недостатки
Аналитический метод	Заключается в выявлении оптимального уровня риска и анализе зон риска для каждого вида банковских услуг	Позволяет произвести более точный анализ рисков не только по отдельным взятым операциям, но и по банку в целом	Для применения данного метода затрачивается много времени
Статистический метод	Основан на анализе статистических данных за большой период времени	С помощью данного метода возможно изучение статистики потерь и прибылей, имевших место при принятии решений, установление величины и частоты получения экономической отдачи, составление прогноза будущего поведения на рынке	Большие затраты времени на его проведение из-за большого объема информации
Комплексный метод	Предполагает проведение совокупной оценки	Позволяет улучшать результаты работы за счет более эффективного использования ресурсов и распределения ответственности	Не учитывает оценку риска по отдельным взятым операциям
Метод экспертных оценок	Основан на мнениях экспертов	Способствует более точному проведению оценки рисков за счет привлечения специалистов извне	Данному методу присущ человеческий фактор – вероятность допущения ошибок

Названные методы оценки финансовых рисков наиболее широко используются в российской практике. В рамках проводимого исследования были также проанализированы методы оценки финансовых рисков, применяемых в таких странах, как США, Италия, Великобритания и Франция. В этих странах для прогнозирования изменений в развитии банковской системы исполь-

зуются сложные экономико-математические модели и статистические инструменты. Надзорные органы этих стран в своей работе используют методики, позволяющие выявить кредитные учреждения, которые нуждаются в помощи, чтобы спрогнозировать возможность банкротства в будущем, основываясь не только на финансовой (количественной) информации, но и на нефинансовых (качественных) данных. К этим методикам можно отнести:

- системы рейтинговых оценок (PATROL, ORAP, CAMELS);
- системы анализа финансовых коэффициентов (BAKIS);
- комплексные системы оценки банковских рисков (RATE, RAST);
- статистические модели (SAABA, Growth Monitor System, SEER Rick Rank).

Для наглядности представим характеристики данных методов в табл. 2.

Таблица 2

Характеристика методов оценки рисков

Страна	Надзорный орган	Функции	Методика оценки	Тип методики оценки
США	На все надзорные органы	<ul style="list-style-type: none"> - разработка нормативных актов; - проведение инспекционных проверок; - анализ банковской информации; - проведение мероприятий по финансовому оздоровлению банков 	CAMELS	Внутренняя система оценок
	Федеральная резервная система		SEER Rick Rank	Модель прогнозируемого банкротства
	Федеральная Корпорация Страхования Депозитов		Growth Monitor System	Модель отслеживания развития
Франция	Банковская комиссия	<ul style="list-style-type: none"> - изучение условий деятельности банков; - контроль финансового состояния и выполнения работниками банка профессиональной этики; - анализ банковской информации; - проведение мероприятий по финансовому оздоровлению банков и при необходимости их ликвидация 	ORAP (Organisation and Reinforcement of Preventive Action)	Внешний контроль системы оценок банка
			SAABA (Support System for Banking Analysis)	Модель ожидаемых убытков
Германия	Центральный банк Германии	<ul style="list-style-type: none"> - проведение проверок; - контроль деятельности кредитно-финансовых учреждений на рынке ценных бумаг; - анализ банковской информации 	BAKIS BAKred Information System)	Система анализа финансовых коэффициентов и равноценных групп

Страна	Надзорный орган	Функция	Методика оценки	Тип методики оценки
Нидерланды	Центральный банк Нидерландов	- проведение проверок; - анализ банковской информации; - проведение инспекционных проверок	RAST (RiskAnalysisSupportTool)	Система всесторонней оценки банковского риска
Великобритания	Центральный орган надзора за рынком финансовых услуг	- анализ банковской информации; - проведение инспекционных проверок; - регулярные официальные собеседования с руководством банков; - установление для банков экономических нормативов и норм деятельности	RATE (RiskAssesment, Tools of Supervision and Evulation)	Система всесторонней оценки банковского риска
Россия	Центральный банк России	- развитие и укрепление банковской системы; - обеспечение эффективного и бесперебойного функционирования	Методика анализа финансового состояния банка	Комплексный анализ финансового состояния банка

Международная практика показывает, что наиболее известной моделью оценки финансовых рисков является система CAMELS, цель которой состоит в анализе состояния банков по таким показателям, как достаточность капитала, уровень доходов, качество активов, а также чувствительность к рыночному риску. Кроме этого, каждый компонент подразделяется на более мелкие, которые в свою очередь оцениваются по пятибалльной шкале. На основе анализа каждого компонента определяется группа надежности.

Среди всех перечисленных зарубежных методик оценки финансовых рисков наиболее развитой принято считать систему PATROL. Сущность данной методики заключается в анализе финансового состояния коммерческого банка и выявлении необходимости выездной проверки. В рамках анализа производится расчет достаточности капитала, качества кредитов, ликвидность, прибыльность и организация.

При оценке по системе ORAP – французской многофакторной модели – производится оценка рисков коммерческого банка как с помощью количественной, так и с привлечением качественной информации. Данная система содержит 14 показателей, разделённых на пять групп: балансовая и внебалансовая деятельность (качество активов), пруденциальные коэффициенты (капитал, ликвидность), доходы, рыночный риск, качественные критерии (акционеры, управление и внутренний контроль).

С помощью применяемой Центральным банком Германии системы BAKIS можно произвести быструю оценку финансового состояния коммерческого банка, а также обнаружить основные изменения, происходящие в динамике кредитного и рыночного риска.

Система RATE, используемая в Великобритании, включает в себя три взаимосвязанных блока: оценку риска, инструменты надзора, а также оценку эффективности применения инструментов надзора [6].

Таким образом, проанализировав разнообразные методики оценки финансовых рисков коммерческих банков в международной и российской практике, можно сделать вывод, что каждый метод является уникальным и способствует повышению устойчивости кредитных организаций в условиях возникновения рисков.

Для того чтобы обеспечить стабильность банковского сектора, необходимо разработать такую модель оценки финансового риска коммерческого банка, которая базировалась бы на основополагающих принципах таких международных систем, как RATE и BAKIS. Данная система позволила бы производить всестороннюю оценку финансового состояния банка на основе расчета 47 коэффициентов и определения степени риска, а также способствовала разработке специфических для каждой анализируемой организации инструментов надзора, программ и подходов с целью снижения возможных рисков.

Чтобы управлять всеми возможными рисками, зарубежные и отчасти отечественные банки организуют службы риск-менеджмента, основными отличительными качествами которых являются: адекватность применяемых методов идентификации и управления рисками масштабам и уровню сложности деятельности кредитной организации, обеспечение достаточной защищенности банка от свойственных ему рисков, направленность на увеличение кредитоспособности и рентабельности кредитной организации и соответствие требованиям надзорных органов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балабанов, И. Т. Основы финансового менеджмента / И. Т. Балабанов. – М.: Финансы и статистика, 2011. – 528 с.
2. Положение о порядке формирования кредитными организациями резервов на возможные потери по ссудам, по ссудной и приравненной к ней задолженности (утв. Банком России 26.03.2004 №254-П) (ред. от 14.11.2016). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Прекратившие существование кредитные организации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://banki.ru>.
4. Хохлов, Н. В. Управление риском / Н. В. Хохлов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 239 с.
5. Чернова, Г. В. Управление рисками / Г. В. Чернова, А. А. Кудрявцева. – М.: Проспект, 2013. – 160 с.
6. Шамонина, М. А. Международные стандарты управления рисками: проблемы адаптации / М. А. Шамонина // Банковские технологии. – 2007. – № 6. – С. 68-77.
7. Уралова, Д. Ж. Сравнение зарубежного и российского опыта проведения финансового анализа и управления рисками / Д. Ж. Уралова // Молодой ученый. – 2016. – № 7. – С. 1012-1017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/111/27788>.

Клымась М. В., Симоненко В. Н.
M. V. Klymas, V. N. Simonenko

СОСТОЯНИЕ ФОНДОВОГО РЫНКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПРИЧИНЫ

THE STATE OF MODERN RUSSIA STOCK MARKET: PROBLEMS AND CAUSES

Клымась Максим Валерьевич – магистрант кафедры «Экономика и финансы» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, г. Комсомольск-на-Амуре). E-mail: stormsol93@mail.ru.
Mr. Maxim V. Klymas – Master's Degree student, Economics, Finance and Accounting Department, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: stormsol93@mail.ru.

Симоненко Виталий Николаевич – доктор экономических наук, профессор кафедры «Экономика, финансы и бухгалтерский учет» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, г. Комсомольск-на-Амуре). E-mail: simonenko@knastu.ru.
Mr. Vitaliy N. Simonenko – doctor of economics, professor, Economics, Finance and Accounting Department, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: simonenko@knastu.ru.

Аннотация. Сложно отрицать тот факт, что любое государство заинтересовано в повышении уровня качества жизни граждан, соответственно существует достаточное количество служб и организаций, направленных на решение данной проблемы. Кроме того, существует ряд экономических институтов, которые лишь косвенно влияют на повышение благосостояния населения, но при этом если их деятельность четко структурирована, система выстроена, а граждане осведомлены о всех нюансах их работы, они способны существенно облегчить решение стратегических государственных задач, касающихся материального обеспечения населения страны. Одним из таких институтов является фондовый рынок. В этой статье мы попытались разобраться в особенностях российского фондового рынка и выявить ряд наиболее важных проблем, препятствующих его качественному функционированию и дальнейшему развитию.

Summary. It is difficult to deny the fact that every state has an interest in improving the citizens' quality of life that is why there is a sufficient number of services and organizations to address the problem. In addition, there are a number of economic institutions, which on the one hand only indirectly affect the increase of the population welfare. But at the same time if their activities are clearly structured, the system is built, and the citizens are aware of all the nuances of their work, they are able to greatly facilitate the solution of strategic state tasks, concerning the material support of the country's population. One of these institutions is the stock market. In this article we have tried to understand the peculiarities of the Russian stock market, and identify some of the most important challenges to its quality and further development.

Ключевые слова: ВВП, экономика, уровень жизни, фондовый рынок, индекс РБК, рынок ценных бумаг, капитализация.

Key words: GDP, the economy, quality of life, the stock market, RBC index, stock market capitalization.

УДК 336.76

Современный российский фондовый рынок достаточно молод, так как полноценно возродился только в 1991 году. Несмотря на то, что фондовый рынок в России существовал до 1917 года, нынешнее положение дел довольно трудно связать с прошлым. Таким образом, стоит признать, что современные очертания российского фондового рынка еще не до конца сформировались, и многие его проблемы можно назвать проблемами роста. Тем не менее существует ряд сложностей, обусловленных иными причинами, такими как бессистемность, непоследовательность и несовершенство законодательства.

Индикатором наличия проблем на российском фондовом рынке является оценка уровня капитализации. Так, например, индекс РБК-100, рассчитываемый для 100 крупнейших компаний, котирующихся на Московской бирже, за июнь 2015 года потерял 5,65 % (или более чем \$28,4 млрд), и по состоянию на последний июньский день 2015-го рыночная капитализация 100 крупнейших российских компаний составила более \$475,41 млрд (см. рис. 1).

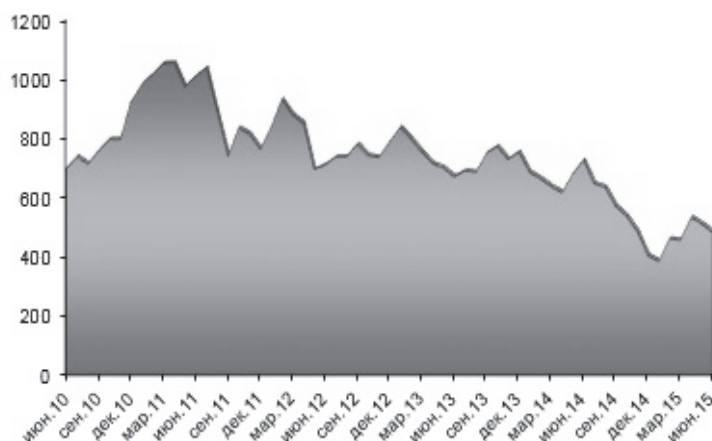

Рис. 1. Индекс РБК-100, млрд долл. США

На приведенном графике (см. рис. 2) ясно прослеживается тенденция к снижению уровня капитализации крупнейших российских компаний. Для того чтобы составить более полное представление об уровне развития и организации российского фондового рынка в сравнении с рынками других стран, имеет смысл привести результат исследований, проведенных информационным агентством «Reuters», на основании которых можно представить график капитализации рынков ценных бумаг отдельных стран мира в сравнении с российским фондовым рынком.

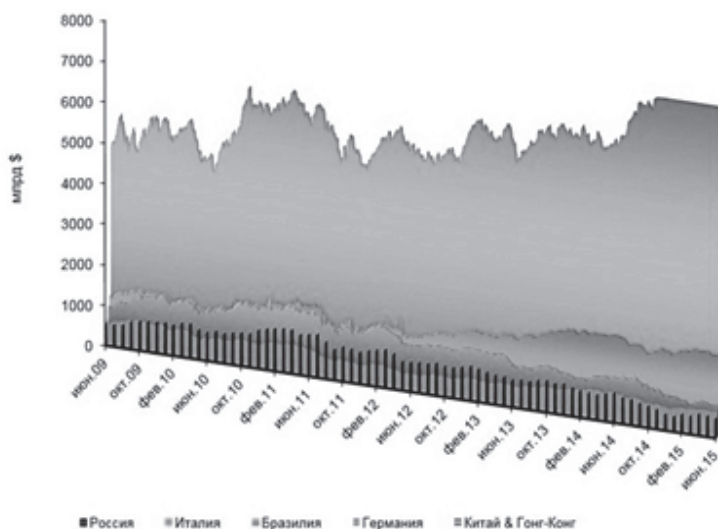

Рис. 2. Капитализация рынков акций некоторых стран, млрд долл. США

На основании данной информации можно сделать вывод, что российский рынок ценных бумаг достаточно слабо развит, а уровень его капитализации не идет ни в какое сравнение с крупнейшими национальными фондовыми рынками и находится примерно на одном уровне с фондовыми рынками Италии, переживающей достаточно серьезный экономический и политический

кризис, а также уступает рынку Бразилии, в которой происходят еще более серьезные потрясения, затрагивающие практически все аспекты деятельности государства.

Мы решили сравнить динамику индекса РБК-100 с динамикой ВВП РФ за аналогичный период времени. Показатель ВВП позволяет составить представление об уровне жизни населения страны, а значит его зависимость от динамики уровня капитализации крупнейших российских компаний подтвердит, что ситуация на фондовом рынке страны отражается и на уровне жизни ее граждан.

Исходные данные для анализа представлены в табл. 1.

Таблица 1

Динамика отдельных показателей рынка

Год	ВВП, млрд долл.	Индекс РБК-100, млрд долл.	Курс доллара США к рублю
2011	2031	770,68	29,39
2012	2053,4	794,28	31,08
2013	2231	754,80	31,85
2014	2017,4	396,55	38,61
2015	1316,7	475,41	61,07

По имеющимся данным можно заметить тенденцию к снижению обоих показателей в течение указанного периода времени, что еще раз подтверждает наличие связи между такими категориями, как рынок ценных бумаг и уровень жизни населения, а значит развитие и совершенствование механизмов национального фондового рынка является важнейшей стратегической задачей государства, так как данный институт оказывает влияние не только на непосредственных участников фондового рынка, но и на население страны в целом (см. рис. 3).

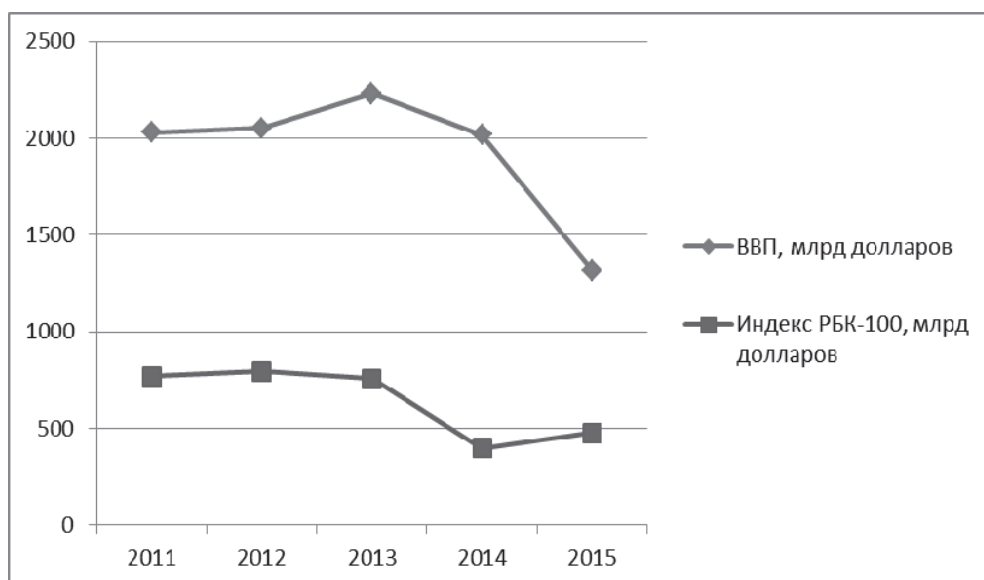

Рис. 3. Динамика ВВП России и индекса РБК-100

Теперь, когда мы разобрались с ситуацией на российском фондовом рынке, определили его место в международной системе экономических взаимоотношений и обозначили степень важности данного направления для государства и его граждан, стоит сказать о проблемах, являющихся причинами сложившейся ситуации (см. рис. 4).

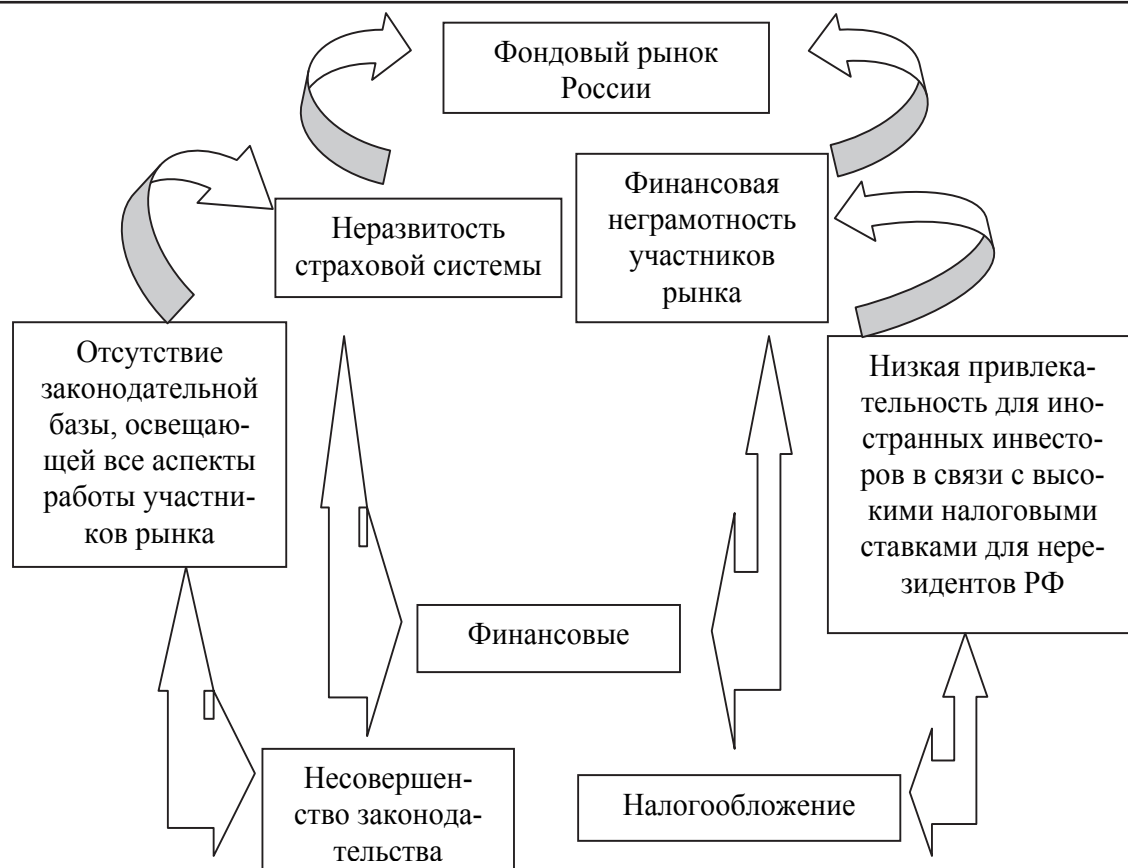

Рис. 4. Блок-схема причин и проблем фондового рынка

Значительное число участников фондовой биржи не осознают всех возможностей заключения сделок (это касается как крупных компаний инвесторов, так и частных инвесторов и ПИФов). Другими словами, они просто не в состоянии до конца разобраться в видах операций на фондовом рынке, что говорит об их некомпетентности и необразованности. Более того, довольно часто можно заметить неопытность и низкий уровень культуры относительно инвестиционной деятельности. Следовательно, капитализация фондового рынка не может увеличиваться быстрыми темпами.

Также предметом обсуждения в развитии фондового рынка является законодательство и право, которые не в состоянии отразить все аспекты, касающиеся работы инвесторов и непосредственно самих участников биржи. Необходимо отметить, что на данном этапе законодательная база развита гораздо лучше, чем в самом начале истории российского фондового рынка. Таким образом, возникает новая проблема, которая заключается в наличии спекулянтства на биржах. Такое явление довольно часто напоминает о себе в современном мире.

Более того, следует отметить невозможность управлять финансовыми рисками. В основном у всех европейских фондовых бирж существуют страховые компании, таким образом риск ведения сделки становится незначительным. Благодаря специальному механизму заключения сделок возникновение риска сходит на «нет», ведь именно с помощью культуры населения и инвесторов система становится более отработанной.

Стоит признать, что сегодня российский фондовый рынок недостаточно эффективен по причине того, что не в состоянии обеспечить оптимальное ценообразование, свободный доступ инвесторов на рынок, а также их защиту. Все это выражается посредством ущемления прав мелких акционеров, а также акционеров-нерезидентов в результате действий крупных держателей акций, в высоких издержках при купле-продаже акций и переоформлении прав владельцев, особенно, если дело касается небольших объемов сделок не очень ликвидных акций.

Более того, необходимо остановиться на проблеме, связанной с налогообложением операций по движению фондовых активов. Налоговое законодательство России, как правило, взимает налоги с рыночной стоимости акций, а не с номинальной. Правила МСФО лежат в основе данной нормы в российской системе учета. Безусловно, значительное число иностранных инвесторов изъявляет желание проводить сделки с акциями на тех площадках, где власти снижают уровень налогообложения. Следовательно, на фондовом рынке России наблюдается отток инвесторов.

Хочется отдельно отметить процедуру регистрации по поводу выпуска ценных бумаг. Например, для первого выпуска предъявляемые требования достаточно серьезные. Они подразумевают раскрытие всей информации относительно эмитента. Однако в случае конвертации акций, которые не затрагивают объем прав акционеров, можно было бы не проходить такую сложную процедуру, как при первичной регистрации.

Достаточно низкий уровень корпоративного управления в акционерных компаниях также можно считать препятствием на пути к развитию российского фондового рынка. Как правило, только один акционер занимается контролем дивидендной политики, а не все владельцы ценных бумаг.

Для устранения проблем и улучшения ситуации можно предложить следующие решения. Необходимо поставить задачу – заинтересовать инвестора. Для этого конкретизируется ответственность руководителей компании и ужесточаются нормы ответственности за выведение прибыли. Целесообразным будет создание института уголовной ответственности за недостоверность предоставляемой инвесторам и акционерам информации. Также для защиты прав инвесторов необходимо развитие систем правовой помощи. А выход на рынок частных инвесторов заметно снизит его зависимость от оценок рейтинговых агентств. Хотя они не утратят своего влияния, не будем забывать, как недавнее понижение суверенного рейтинга страны одним из ведущих рейтинговых агентств до спекулятивного уровня с негативным прогнозом привело к повальному падению объемов торгов.

Для более быстрого темпа развития фондового рынка необходимо развивать два процесса: привлечение денег инвесторов (стартапы с быстрой капитализацией) совокупно с развитием рынка коллективных инвестиций и увеличение дивидендной доходности акций и выпуск инфраструктурных облигаций, широкая секьюритизация венчурных и инновационных проектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Симоненко, Н. Н. Управление инновационными и инвестиционными процессами в отраслях экономики / Н. Н. Симоненко, В. Н. Симоненко // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2013. – № 7. – С. 177-178.
2. Симоненко, Н. Н. Инвестиционная стратегия: учеб. пособие / Н. Н. Симоненко, В. Н. Симоненко, Т. В. Возбранная. – Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВПО «КнАГТУ», 2011. – 178 с.
3. Клымась, М. В. ВВП – индикатор уровня жизни населения: прогноз / М. В. Клымась, В. Н. Симоненко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2016. – № III-2(27). – С. 99-101.
4. Росбизнесконсалтинг: Капитализация рынка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://quote.rbc.ru/rbc100/2015/02/index.shtml>.

Булавенко О. А., Петренко И. А.
O. A. Bulavenko, I. A. Petrenko

INSTAGRAM КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ БИЗНЕСА

INSTAGRAM AS AN EFFECTIVE BUSINESS TOOL

Булавенко Олег Анатольевич – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Сервис и торговое дело» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, г. Комсомольск-на-Амуре). E-mail: o-bul@yandex.ru.

Mr. Oleg A. Bulavenko – Doctor of economic sciences, professor, head of the service and trade business department, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: o-bul@yandex.ru.

Петренко Иван Александрович – студент магистратуры 1-го курса факультета экономики и менеджмента направления «Торговое дело» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, г. Комсомольск-на-Амуре).

Mr Ivan A. Petrenko – Master's degree student of the first year major in trade business, Economics and Management Faculty, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur).

Аннотация. В данной статье дано определение Instagram, проанализирована российская аудитория пользователей социальной сети Instagram, предложены инструменты продвижения в социальной сети Instagram, дано определение хэштегов и способов их расстановки, рекомендованы варианты продвижения в социальной сети Instagram.

Summary. The authors define Instagram; analyze Russian audience of Instagram users and suggest promotion tools in the social network Instagram.

Ключевые слова: социальные сети, Instagram, инструмент продвижения в социальных сетях.

Key words: social network, Instagram, tool for promotion in social networks.

УДК 378.1

Интернет уже давно стал неотъемлемой частью нашей жизни. На сегодняшний день Всемирная сеть может похвастаться массой самых различных сервисов и приложений, которые призваны сделать времяпрепровождение в виртуальном мире более ярким и интересным. Каждый второй слышал о социальной сети под названием «Instagram». Это название часто фигурирует в разговорах молодых людей, всем знакомы фразы: «... опубликовал свое новое фото в Instagram», «нашел интересный профиль в Instagram». В двух словах Instagram – это социальная сеть, в которой люди делятся своими фотографиями. Владельцем Instagram является социальная американская сеть Facebook. Если проводить параллель с другими соцсетями, Instagram похож с Twitter, только здесь к краткому описанию добавляется еще и фотография. Изначально Instagram задумывался как «моментальная» социальная сеть, то есть люди делали фотографию и тут же ее выкладывали. Сейчас тенденция немного изменилась: теперь перед загрузкой того или иного фото пользователь его кропотливо ретуширует, стараясь прибавить снимку яркости и оригинальности. Как и в сети Twitter, в Instagram есть подписчики (так называемые «читатели»). В отличие от Twitter в Instagram основным «рабочим инструментом» является фотография, под которой можно дать емкое описание. Фотографии, которые разместил один пользователь, могут просматривать другие пользователи, а также оставлять комментарии под ними и ставить «лайки» (это символ того, что публикация понравилась). С появлением Instagram у людей появилась возможность наблюдать за жизнью своих кумиров, ведь эту американскую соцсеть полюбили известные музыканты и актеры со всего света – они охотно выкладывают не только различные афиши ближайших выступлений и новых фильмов с их участием, но и делятся фрагментами из повседневной жизни.

Instagram – это больше, чем сервис, в котором подростки выкладывают фото еды и свои селфи. Он входит в число наиболее перспективных социальных платформ для продвижения бизнеса, и его популярность уверенно растет с каждым днем, поэтому продвижение услуг в Instagram очень полезно.

Сервис позволяет публиковать и потреблять визуальный контент, который, как известно, воспринимается пользователями в десятки тысяч раз быстрее, по сравнению с текстовым, и стратегии продвижения в Instagram связаны с визуальным контентом. Instagram входит в число наиболее перспективных социальных платформ для продвижения бизнеса. Во-первых, популярность этой сети уверенно растет. При этом пользователи Instagram демонстрируют высокую вовлеченность во взаимодействие друг с другом и с брендами. Во-вторых, Instagram позволяет публиковать и потреблять визуальный контент, который воспринимается пользователями в десятки тысяч раз быстрее, по сравнению с текстовым. Добавьте сюда возможность использовать Instagram буквально на ходу с помощью мобильных гаджетов. Получается чуть ли не идеальная социальная платформа для современного человека, живущего в бешеном темпе. В-третьих, в отличие от традиционных соцсетей платформы для обмена визуальным контентом успешно генерируют немедленные конверсии.

По данным Pew Research Center 17 % от общего количества пользователей социальных сетей старше 18 лет ежедневно проверяют аккаунт в Instagram. Ядро аудитории этой социальной сети представляют молодые люди в возрасте от 18 до 29 лет. Пользователи Instagram очень активно используют эту сеть. 57 % владельцев проверяют аккаунт как минимум раз в день, а 35 % делают это несколько раз в день.

Hopes & Fears в пользу продвижения бизнеса в Instagram использует следующие весомые аргументы:

- интернет-магазин Haute Future, занимающийся продажей одежды, привлекает практически 80 % покупателей именно с Instagram;
- интернет-магазин Buy-by-me, направленный на продажу и покупку брендовых, качественных вещей, привлекает 65 % клиентов из этой сети;
- магазин Кати Котовой hand made Lapatanova вообще привлекает покупателей исключительно с Instagram.

Приведенная статистика позволяет оценить целесообразность продвижения бизнеса через Instagram. Любой проект всегда ориентирован на какую-то целевую аудиторию, и перед тем как начать вкладывать какие-либо усилия и тратить время на определенный канал коммуникации, необходимо оценить, насколько они эффективны. Проще говоря, если вы занимаетесь продажей модной одежды, интересных девайсов или эксклюзивного продукта, то скорее всего в Instagram вы найдете большую часть своих потенциальных покупателей.

Также продвижение в инстаграм будет полезным для проектов, которые ориентированы на иностранных пользователей. Количество пользователей мобильных гаджетов постоянно растет, соответственно аудитория социальных сетей расширяется, поэтому не стоит упускать такой шанс, как продвижение в социальных сетях.

Первое, что необходимо сделать, если вы решили создать аккаунт в Instagram и продвигать там свои товары и услуги, это оптимизировать его.

В качестве фото профиля поставьте логотип компании или фото основного продукта. В качестве имени в аккаунте используйте название компании, сайта и т.д. Сделайте доступное описание о сути вашего предложения, деятельности. Обязательно укажите контактные данные: телефоны, url сайта.

Следующий пункт – это добавление контента. В первую очередь Instagram подходит для продвижения товаров: одежды, аксессуаров, элементов декора и т.д., то есть тех, которые можно выгодно показать на фото. В то же время, благодаря интеграции в Facebook и другим соцсетям, Instagram можно сделать вспомогательной платформой и для продвижения услуг, то есть постить в Instagram фотографии о событиях, жизни компании и коллектива и расшаривать их в Facebook.

Вполне вероятно, что это позволит привлечь дополнительную аудиторию и заинтересовать уже имеющуюся. Хотя для продвижения услуг Instagram используют реже, чем при раскрутке товаров.

Если вы размещаете фотографии товаров, они должны быть качественными, отображать продукцию с выгодного ракурса. Для фотографий можно и желательно использовать фильтры. Наиболее эффективные из них, которые приносят наибольшее количество откликов: Normal, Inkwell и Mayfair. Кроме того, с 2013 г. в Instagram появилась возможность добавлять видео продолжительностью 15 с. Этот вид контента также можно успешно использовать.

Использование хэштегов – очень важный способ продвижения в Instagram. Хэштеги позволяют группировать контент по тематикам. Выглядят они следующим образом: #hashtags (перед ключевым словом добавляется решетка), то есть при публикации фото или видео необходимо привязать к нему от одного до трех или четырех хэштегов. Каждый пользователь может создавать свои хэштеги, поэтому их достаточно много, но есть и наиболее популярные, которыми чаще всего пользуются при поиске нужного контента. Лучше при публикации использовать один или два популярных хэштега. Какие хэштеги ставить в Instagram, решать вам, списки наиболее популярных вы легко найдете, главное, чтобы они четко соответствовали теме поста. Большое количество хэштегов в Instagram может быть воспринято как спам. Вы можете попутно продвигать и свой хэштег с названием компании или бренда, заинтересовывая посетителей к размещению своих фото с вашим хэштегом.

Для привлечения новых фолловеров (follower), или подписчиков, и эффективного продвижения бренда в Instagram необходимо применять все те же методы маркетинга, которые мы использовали для получения естественных ссылок. Это акции, скидки, специальные предложения для тех, кто поставил лайк, подписался, просмотрел фото или оставил комментарий. Также сами подписывайтесь на обновления других пользователей, оставляйте комментарии и лайки на их страницах. Свяжите свой аккаунт в Instagram с другими своими профилями в социальных сетях (Twitter, Facebook, ВКонтакте). Делайте в них периодически кросспостинг фотографий.

Кроме всего вышеописанного, для успешной раскрутки бизнеса через Instagram ваш аккаунт должен быть живым и привлекательным для пользователей. Показывайте внутреннюю жизнь вашей компании, возможности продукта, который вы предлагаете. При этом часть вашего контента можно сделать развлекающей: нужно описать неожиданное событие или смешной случай. Таким образом, посетители смогут почувствовать сопричастность с вашим бизнесом, а значит, однажды станут его активными участниками в качестве клиентов.

И конечно, публикуйте фото ваших счастливых клиентов. Это также хороший способ раскрутки Instagram, формирования лояльности и положительного имиджа компании.

В заключение хочется добавить, что один из главных мотивов использования в своём бизнесе социальных сетей, и в частности данной визуальной платформы – Instagram работает на вас, не столько будучи средой конкретно торговых отношений, сколько создавая отношения с вашим целевым рынком.

Безусловно, такой аккаунт будет содержать контент, связанный с вашим бизнесом, но ещё он должен выступать в качестве чего-то большего, чем просто каталог. Используйте Instagram, для того чтобы ближе узнать свою аудиторию, организуйте конкурсы, делитесь весёлыми и приятными моментами своего дела, интригуйте, выкладывайте интересные фотографии из закулисья своей деятельности, чтобы ваши подписчики хотели поделиться таким контентом, тем самым увеличивая продажи в Instagram. Кроме того, всегда ищите релевантный вашему бизнесу контент и ставьте «нравится» или комментируйте, а также будьте в курсе того, как ведут свой Instagram ваши конкуренты.

При выборе той или иной социальной платформы для развития своего малого бизнеса обращайте внимание на её соответствие вашим потребностям, а также учитывайте, что это именно то место, где большую часть времени находится ваша целевая аудитория. Сочетание этих двух критериев и даст выигрышную формулу для продвижения вашего бизнеса в Instagram.

ЛИТЕРАТУРА

1. Форум об интернет-маркетинге [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://searchengines.guru>.
2. Форум о продвижении интернет услуг [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://forum.antichat.ru>.
3. Российская ассоциация электронных коммуникаций. Аналитика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://raec.ru/analytics>.
4. Энциклопедия Кругосвет. Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.krugosvet.ru>.

Булавенко О. А., Селиванова В. С.
O. A. Bulavenko, V. S. Selivanova

ТОСЭР КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

TASEDs AS ECONOMY DEVELOPMENT TOOL

Булавенко Олег Анатольевич – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой сервиса и торгового дела Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, г. Комсомольск-на-Амуре). E-mail: o-bul@yandex.ru.

Mr. Oleg A. Bulavenko – Doctor of economic sciences, professor, head of the service and trade business department, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: o-bul@yandex.ru.

Селиванова Валентина Сергеевна – студентка магистратуры 1-го курса факультета экономики и менеджмента направления «Торговое дело» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, г. Комсомольск-на-Амуре). E-mail: selivanova-valya@mail.ru.

Ms. Valentina S. Selivanova – Master's Degree Student of the first year major in Trade business, faculty of economics and management, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: selivanova-valya@mail.ru.

Аннотация. В данной статье дано определение территорий опережающего социально-экономического развития, их преимущество и перспективы.

Summary. In this article definition of territories of the advancing social and economic development, their advantage and prospects are given.

Ключевые слова: территория опережающего социально-экономического развития, ТОСЭР, развитие экономики, резиденты, преимущества, инвестиции.

Key words: the territory of the advancing social and economic development, TASEd, development of economy, residents, advantages, investments.

УДК 330.34

Территория опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) – это территория субъекта Российской Федерации, на которой существует особый правовой режим для бизнеса. Причем рассматривается вся инфраструктура, которая включает земельные участки, объекты транспортной, энергетической, коммунальной, инженерной, социальной, инновационной и иные, находящиеся на данной территории и вне такой территории, но обеспечивающей ее функционирование. На таких территориях оказывается очень большая поддержка со стороны государства, предполагается множество льгот: постройка инфраструктуры осуществляется за счет государства, большие налоговые льготы, режим свободной таможенной зоны (что особо актуально на Дальнем Востоке), сокращение сроков получения разрешительной документации и многое другое.

В 2015 году в связи с образовавшейся ситуацией в РФ был разработан и опубликован антикризисный план. Российская Федерация нуждается в ускоренном развитии экономики.

В качестве средства ускоренного развития было предложено создание территорий опережающего социально-экономического развития. Так, с 31 марта 2015 года вступил в силу Федеральный закон от 29 декабря 2014 года № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации».

Первым испытать подобный режим призван Дальневосточный федеральный округ, так как развитие дальневосточных территорий – это исторически преемственный курс для России, по словам Владимира Владимировича Путина.

В ТОСЭР вводится режим осуществления предпринимательской и иной деятельности с благоприятными условиями для привлечения инвестиций, обеспечения ускоренного социально-экономического развития и создания комфортных условий для обеспечения жизнедеятельности населения.

Отраслевая принадлежность проектов, которые могут быть реализованы в ТОСЭРах: промышленное и сельскохозяйственное производство, добыча и переработка полезных ископаемых (кроме нефти и газа), логистика, развитие туризма.

ТОСЭР «Комсомольск» расположен в черте городов Комсомольска-на-Амуре и Амурска на земельных участках площадью 8 337 га. Город Комсомольск-на-Амуре – крупный промышленный, научный и культурный центр Хабаровского края, второй по величине город в крае. Занимаемая площадь – 325 км², население – 253 тыс. чел. (20 % населения края). Транспортное значение города определяется его положением на пересечении важнейших в регионе путей сообщения: Байкало-Амурской железнодорожной магистрали и Амурского водного пути, автомобильных дорог в направлении Хабаровска, Николаевска-на-Амуре, Ванино и Советской Гавани, Амурска, Чегдомына, нефте- и газопровода с острова Сахалин. Расстояние от города до краевого центра по автомобильной дороге – менее 400 км. В городе расположены три железнодорожных станции, речной порт, два аэропорта. Но один из аэропортов расположен на территории филиала ОАО «Компания «Сухой» «Комсомольский-на-Амуре авиационный завод имени Ю. А. Гагарина», территория завода является закрытой, второй аэропорт удален от города на 30 км и находится в соседнем поселке Хурба. Актуальным будет являться создание нового аэродрома на территории города и площадок ТОСЭР с целью развития рынка авиационных услуг города Комсомольска-на-Амуре.

ТОСЭР «Комсомольск» состоит из трех площадок. Площадки «Амурлитмаш» и «Амурск» имеют подведенные железнодорожные пути. Площадка «Парус» удалена от железнодорожного вокзала на 8 км, от аэропорта в п. Хурба на 24 км, от автомагистрали на 1,5 км. Целесообразным будет создание нового доступного аэродрома на территории площадки ТОСЭР «Парус».

Стать резидентом ТОСЭР возможно компании ООО «Авиапатруль-ДВ», организация предоставляет авиационные услуги, но вынуждена базироваться на территории аэропорта в п. Хурба. Для того чтобы стать резидентом ТОСЭР, организации необходимо:

- 1) обратиться в Агентство инвестиций и развития Хабаровского края;
- 2) дожидаться рассмотрения Агентством обращения, получить организационную и консультационную поддержку;
- 3) подать заявку в Корпорацию Развития Дальнего Востока;
- 4) дожидаться рассмотрения заявки в течение 15 рабочих дней и принятия решения о возможности заключения соглашения об осуществлении деятельности;
- 5) заключить соглашение и внести организацию в реестр резидентов.

Минимальный объем инвестиций для инвестора составляет 500 тыс. р. Компания располагает данными денежными средствами и может подать заявку резидента ТОСЭР.

В свою очередь режим ТОСЭР предоставляет некоторые преимущества, представленные на рис. 1.

На территориях опережающего развития «инвесторы получают уникальные возможности для работы на российском рынке и что важно выгодный плацдарм для прямого выхода на ёмкий растущий рынок АТР», – отметил глава государства Владимир Путин на Петербургском международном экономическом форуме 19 июня 2015 года.

Также создание ТОСЭР предусматривает льготное предоставление земельных участков инвесторам, бесплатное предоставление инфраструктуры, распространение процедуры свободной таможенной зоны.

Все преобразования будут способствовать развитию Дальневосточного региона, который нуждается в подобных мерах, как ни один другой регион. ТОСЭР предполагает создание новых рабочих мест, привлечение инвестиций, повышение уровня жизни и, как результат, создание эффективно действующей транспортной, инженерной, социальной инфраструктуры.

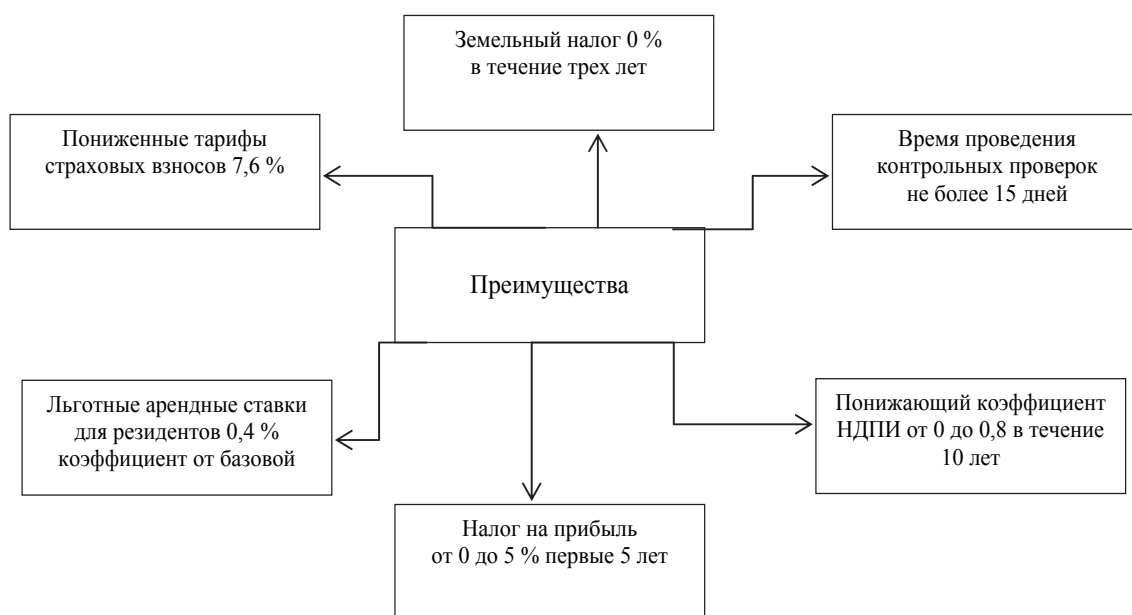

Рис. 1. Преимущества, предоставляемые резидентам ТОСЭР

Правительство края будет всячески поддерживать инвесторов, способных наладить эффективное производство. У региона большой промышленный, научный и кадровый потенциал, который необходимо использовать.

Механизмы, которые предлагает ТОСЭР, позволяют привлекать бизнес, способствуют производству конкурентных товаров как для внутреннего, так и для внешнего рынка. Инвесторы получают дополнительные преференции, что поможет повысить доходную базу местных бюджетов за счет реализации крупных проектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Проблемы Дальнего Востока и ТОСЭР как один из путей их решения / А. В. Булгакова, И. Е. Ярославская, В. В. Бриске, С. В. Пономарев // Молодой ученый. – 2015. – № 8. – С. 501-504.
2. Долгосрочное социально-экономическое развитие Дальнего Востока: основные проблемы и задачи: учеб. пособие / под ред. В. В. Ивантер. – М.: Экономика, 2016. – 182 с.

ПОЛЕМИКА
DISPUTES

Матюшко А. В.
A. V. Matyushko

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПЛЮРАЛИЗМ КАК ВОЗМОЖНЫЙ АТТРИБУТ РАЗВИТИЯ

METHODOLOGICAL PLURALISM AS A POSSIBLE ATTRIBUTE OF DEVELOPMENT

Матюшко Андрей Владимирович – старший преподаватель кафедры иностранных языков Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, г. Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, 27. E-mail: matyushko79@mail.ru.

Mr. Andrey V. Matyushko – Senior teacher, Department of Foreign Languages, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 27, Lenin Str., Komsomolsk-on-Amur, 681013. E-mail: matyushko79@mail.ru.

Аннотация. Данная работа показывает динамику метода в структуре науки.

Summary. This paper shows dynamics of a method in the structure of science.

Ключевые слова: метод, методология, динамика.

Key words: method, methodology, dynamics.

УДК 130.2

Одним из главных, если не важнейшим, критерием для институализации научной дисциплины в качестве самостоятельной выступает наличие собственного метода (или комплекса методов) исследования. Значимость данного положения можно проиллюстрировать, например, постоянными нападками на культурологию, вследствие отсутствия у последней собственного метода, отличного от методов других наук, и непризнания ее претензии на самостоятельность в качестве научной дисциплины. никоим образом не подвергая сомнению этот критерий, хотелось бы остановиться на динамическом аспекте существования метода в научном дискурсе.

В качестве примера рассмотрим процесс переноса методологии в связанных, граничных и отдельных дисциплинах. Терминология условна, поэтому обозначим то, что мы понимаем под данными дефинициями в рамках данной работы (подчеркнем, что мы их используем исключительно в иллюстративных целях, не имея целью вторгаться в понятийную область эпистемологии и философии науки).

Связанными дисциплинами, в рамках данной статьи, номинируются науки по типу связи «вид – вид» в пределах рода. Например, и алгебра, и геометрия являются частью одной науки – математики. Граничные дисциплины активно используют в качестве инструментария инструментальный аппарат другой науки. Примером такого типа отношений является сосуществование математики и физики. Отдельные науки генетически (алгебра и геометрия) и инструментально (математика и физика) не связаны. Примером может служить математика, биология или филология. Экспликации не строгие и, еще раз оговоримся, данная дифференциация используется для пояснения динамики метода в дисциплинах разной степени связанности. Смысл последовательности – рассмотреть функционирование метода в рамках граничной, смежной или отдельной науки.

Существует устоявшееся представление, что доказательство как процедура в рамках отдельной дисциплины очень «щепетильно» в отношении метода. Поэтому весьма показательно, что в истории науки представлены многочисленные примеры продуктивности кросснаучной методологии. Иногда даже может создаться впечатление, что самые нетривиальные и прорывные исследования базируются на методах, нетипичных для той или иной области.

Приведем примеры: алгебра и геометрия в математике. Алгебраически ответить на вопрос о существовании действительных корней у уравнений нечетных степеней представляет собой не-

тривиальную задачу. Для уравнений третьей степени (кубических) необходимо, например, использовать громоздкие формулы Кардано. Для уравнений пятой и выше степеней общего аналитического решения в радикалах не существует вовсе. Однако при обращении к геометрическим методам доказательство элементарно и обходится без единой формулы или даже какого-либо вычисления для любого уравнения. Нечетная степень функции обладает свойством возвращать отрицательное число, взятое в качестве аргумента, в отличие от четных степеней, которые при любом аргументе возвращают положительное число. На основании этого свойства наглядно строится геометрическое рассуждение приблизительно следующего содержания: давая в качестве аргумента положительное и отрицательное число, мы получаем на выходе функцию также с различными знаками. При построении графика функции (мысленное проведение линии от положительного и отрицательного числа) необходимо присутствие пересечения оси координат, следовательно как минимум есть один действительный корень.

Математика – физика. Тривиально, что физическая Вселенная «говорит» с нами на языке математики, при ее описании используется именно этот язык. Но существует и обратный процесс, когда физические построения эвристичны для царицы наук. Например, Перельман доказал гипотезу Пуанкаре, обращаясь к физическим аналогиям. Математика оперирует в максимально абстрактной сфере, и обращение даже к обычным цифрам при численных вычислениях считается если не тотальным поражением, то уж точно паллиативом, по крайней мере до тех пор, пока не будет найдено аналитическое решение.

Математика – биология. Использование математических моделей позволило генерировать проверяемые предсказания, что было невозможно при сохранении исходного методологического комплекса.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно выдвинуть следующую гипотезу: атрибутом любой развивающейся, «живой» дисциплины является постоянное вовлечение новых методов, продуцируемых как в рамках этой области знания, так и, зачастую, заимствованных из других сфер познания, где они уже доказали свою работоспособность и/или эвристичность. Следствием выступает отбрасывание или перемещение в «пассивный запас» отдельных устаревших или переставших генерировать новые методов или же их трансформация и/или синтез. Естественно, процесс методологического переноса не перманентен, а дискретен, но именно его наличие свидетельствует как о расширении, так и углублении предметного поля дисциплины и также о пролиферации исследовательских практик.

Брейтман А. С.
A. S. Breytman

«РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»: PRO ET CONTRA

«RUSSIAN CIVILIZATION»: PRO ET CONTRA

Брейтман Александр Семёнович – доктор философских наук, профессор кафедры межкультурных коммуникаций, сервиса и туризма Дальневосточного государственного университета путей сообщения (Россия, г. Хабаровск); 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева 47. E-mail: brejtman54@mail.ru.

Mr. Alexander S. Brejtman – Doctor of Philosophy, professor, intercultural communication, service and tourism department, Far East State Transport University (Russia, Khabarovsk); 47 Serysheva str., Khabarovsk, 680021. E-mail: brejtman54@mail.ru.

Аннотация. Нижеприведённые заметки – культурологическая рефлексия на актуальные проблемы «русского мира». Их задача – подтолкнуть читателя формулировать свои собственные выводы о возможности развития демократических начал в русской культуре при сохранении её национального ценностного ядра.

Summary. The following notes are a culturology reflection of some actual issues of “the Russian world”. They are aimed at urging the readers to formulate their own conclusions about possible development of democracy in the Russian culture keeping the national values at its core.

Ключевые слова: национальная культура, ценностное ядро, русская цивилизация, отечественная история.

Key words: national culture, value core, Russian civilization, national history.

УДК 008:1-027.21

Думать самостоятельно, т.е. *иметь мужество пользоваться собственным умом* – задача, скажем прямо, не из легких. Этим путём идут, увы, немногие. Именно поэтому, осмелюсь предположить, что состояние сознания современного российского социума (по крайней мере, подавляющей его части) может быть охарактеризовано гоголевским «*великим незнанием России посредни России*». Нижеприведённые заметки – культурологическая рефлексия на актуальные проблемы «русского мира»¹. Их задача – подтолкнуть читателя формулировать свои собственные выводы о возможности развития демократических начал в русской культуре при сохранении её национального ценностного ядра.

Парадоксальное соединение в русской культуре (русском человеке), по выражению Достоевского, идеала Мадонны с идеалом содомским, объясняется в первую очередь противоречивым характером её исторического пути. «Русская культура в отличие от западноевропейской, – отмечает А. С. Кармин, – формировалась на иных путях – на земле, где не проходили римские легионы, где не высилась готика католических соборов, не пылали костры инквизиции, не было ни эпохи Ренессанса, ни волны религиозного протестантства, ни эры конституционного либерализма. Её развитие было связано с событиями другого исторического ряда – с отражением набегов азиатских кочевников, принятием восточного, византийского православного христианства, освобождением от монгольских завоевателей, объединением разрозненных русских княжеств в единое самодержавно-деспотическое государство и распространением его власти всё дальше к Востоку» [2]. Своеобразие «русского пути» может быть понято лишь во взаимодействии (притяжении – оттал-

¹Под «русским миром» автор понимает некую мировую совокупность очагов русской культуры, интегрированных в общечеловеческое культурное пространство, а не продиктованную комплексом национальной неполноценности противопоставленность России («Святой Руси») «мировому империализму», «сионистскому заговору», «продажной» Европе и т.д. и т.п.

кивании), по меньшей мере, двух взаимодополняющих начал, воплощенных в тех или иных институтах государства и церкви.

Недоволощённость же третьего необходимого компонента формирования национальной культуры – общественных и гражданских институтов – результат хорошо известных обстоятельств отечественной истории, в том числе доминирования «коллективного» и «общегосударственного» над «индивидуальным» и «личным» и почти неизбежного при этом принесения в жертву интересов и прав личности, да и самой индивидуальной жизни.

События русской истории предопределили динамику русской культуры, которая в ряде исследований характеризуется как катастрофическая. Здесь в первую очередь имеется в виду то, что каждый раз переход от одного этапа исторического развития к другому сопровождался переломом – полным либо частичным разрушением старого жизненного уклада – и, уже на развалинах, из обломков старого, начинало возводиться новое государственное здание. Следовательно, и реформы (экономические, политические, общекультурные), необходимые при таком переустройстве, далеко не всегда, как известно, были итогом естественно-эволюционного развития, нередко привносились и насаждались сверху.

Катастрофизм отечественной истории не только выкристаллизовал идею сильной государственности, но и предопределил (со времён реформ Петра I) на всю последующую историю России драматическую ситуацию гражданского противостояния: разрыв «верхов» и «низов», «просвещения» и «почвы», патриархально-русского и новоевропейского. Так, в советский период русской истории, беспрецедентный по жестокости к своему собственному народу, борьба со «старым», разрушение «старого», уничтожение «старого» может быть понято как логическое следствие и крайнее выражение культурного разрыва. В этом разрыве и следует, как представляется, искать истоки сегодняшних политических коллизий и идеологической нетерпимости к инакомыслящим.

Сравнивая исторический опыт Европы и России к началу 19 в. и высоко оценивая итоги европейского развития, выдающийся русский мыслитель П. Я. Чаадаев с горечью констатировал, что в истории России сначала было дикое варварство (дохристианский период), потом – грубое невежество (крещение от «падшей» Византии – «нечистого» источника), затем – свирепое и унижительное чужеземное владычество, дух которого позднее унаследовала наша национальная власть (монголо-татарское иго)... Таков, по его мнению, печальный итог нашей «юности». Чаадаевский «список» грехов России велик: «...мы подобны тем детям, которых не приучили мыслить самостоятельно; в период зрелости у них не оказывается ничего своего; все их знание – в их нынешнем быте, вся их душа – вне их...» [3].

В этих раздумьях, увы, много правды. Наблюдения его современников – Гоголя, Пушкина, Аксакова – в немалой степени созвучны чаадаевским:

– «Великое незнание России посреди России. Все живет в иностранных журналах, а не в земле своей (*ср. многотиражные современные гламурно-глянцевые отечественные журналы – стереотипные копии гламурных же европейских и американских*). Город не знает города, человек – человека; живущие только за одной стеной, кажется как бы живущие за морями» [Гоголь, Н., там же];

– «Некоторые люди не заботятся ни о славе, ни о бедствиях отечества, его историю знают только со времен К. Н. Потемкина, имеют некоторое понятие о статистике только той губернии, в которой находятся их поместья, со всем тем почитают себя патриотами, потому что любят ботвинью (суп из свекольной ботвы; зелени) и что дети их бегают в красной рубашке» [Пушкин, А., там же];

– «Мода царствует у нас, ибо полное покорствование без вопросов и критики явлениям, вне нас возникающим, есть мода. Мода в одежде, в языке. В самих негодованиях, в наших восторгах» [Аксаков, К., там же]

Вместе с тем и проницательнейший Пушкин, и «неистовый» Белинский выступили, в числе прочих, оппонентами Чаадаева:

– «Долго Россия оставалась чуждою Европе. Приняв свет христианства от Византии, она не участвовала ни в политических переворотах, ни в умственной деятельности римско-католического мира ... России определено было высокое предназначение... Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией, ...но есть у нас свой язык; смелее! –

обычай, история, песни, сказки – и проч. ...*Клянусь Вам честью, что ни за что на свете не захотел бы переменить отечество, ни иметь другой истории, как истории наших предков, такую как нам Бог её послал*» [Пушкин, А., там же];

– «Нам, русским нечего сомневаться в нашем политическом государственном значении... В народе, чуждом внутреннего развития, не может быть этой крепости, этой силы. Да, в нас есть национальная жизнь, мы призваны сказать миру свое слово, свою мысль...» [Белинский, В., там же].

Да и сам философ, объявленный высочайшим соизволением сумасшедшим, по прошествии восьми лет, где был и домашний арест, и непонимание близких, и негодование «правых» и «левых», и годы раздумий..., сумел сформулировать и иное, почти мистическое, понимание высокой исторической предназначенности России. Таким образом, в начале ещё позапрошлого века русский мыслитель определил на 200 лет вперёд главное историко-культурное противоречие России Нового времени: проблему выбора модели исторического развития между Востоком и Западом – национальной («московской») самобытностью и традиционностью и европейской («петербургской») динамичностью и универсальностью.

Вбирая и обживая на своём историческом пути всё совокупное многообразие культур (пример тому – и сегодняшняя культурная всеядность при декларируемой напоказ ксенофобности) Россия в итоге смогла сформировать самобытную национальную культуру: не некий «мост», соединяющий Восток и Запад (Азию и Европу), и даже не место их встречи, и не причудливого евразийского кентавра, а, по меньшей мере, самостоятельный тип культуры, что, наряду с цивилизациями Востока и Европы, может быть назван Русской цивилизацией.

В особенностях становления русской цивилизации – своеобразие и русского национального характера, парадоксально соединившего в себе начала, казалось бы, несоединимые. Над «загадкой» русской души давно ломают головы и «свои», и чужестранцы: от «инвектив» маркиза де Кюстина, совершившего в начале XIX века путешествие по николаевской России, до спекуляций современных папарацци, берущих интервью у «новых» русских, что «оттягиваются» на самых престижных курортах мира.

Отчего народ (до 30-х гг. прошлого века состоящий, по преимуществу, из крестьянства) на протяжении уже более чем 1000-летней истории России не щадил «живота своего» за страну, где они – и не верноподданные под тёплым боком и зорким оком государства, да и не «подросшие» на холодных ветрах свободы граждане, но царские холопы², барские крепостные, беспаспортные колхозники-совхозники более того «враги народа», зеки, «лагерная пыль»?...

Отчего в начале 17-го века в Нижнем Новгороде собирается народное ополчение, готовое «заложить жён-дочерей – спасти Россию», а 19-го – против «прогрессивного» войска Наполеона поднимается «дубина народной войны»?

В чём, наконец, истоки всенародного (спасшего не только Россию, но весь мир) противостояния не знающей поражений машине германского фашизма?

В каких иррациональных глубинах основа этой далеко не всегда взаимной любви?

Конечно, не в опричнине, превращающей подданных в бессловесное стадо, и не в рабском состоянии крепостных, и уж точно не в беспрецедентном геноциде большевиков против собственного народа. Ближе, чем любые идеологические конструкции и политические декларации, к разгадке этой непостижимой тайны гениальные интуиции Пушкина:

Два чувства дивно близки нам –

В них обретает сердце пищу –

Любовь к родному пепелищу,

Любовь к отеческим гробам

Проблема русского национального характера и до сих пор не разрешена: «ибо, – как утверждал И. Ильин, – доселе он колеблется между слабохарактерностью и высшим героизмом» [3]. Но суть, конечно же, не в констатации извечной антиномичности русского характера. Задачи учёного-

² Известный исторический факт, когда на вопрос европейского путешественника Ивану IV о статусе столичных жителей был получен ответ: «Все они холопы»

гуманитария или художника – в поисках золотой середины на пути преодоления этого разрыва. Преодоление гражданского противостояния – не в поисках новых врагов России, в чём так преуспели ангажированные масс медиа и общественно-политические деятели-популисты. Может быть надо набраться мужества, чтобы, в том числе и по-христиански, признать, *свою* в первую очередь ответственность за происходящее, возлюбить не только ближнего, но и дальнего, не только друга, но и (что самое трудное) врага. Тем более, что образ врага нередко конструируется и насаждается в атмосфере очередного идеологического угара, реанимируемого национализма и неизлечимого невежества массового человека. В конце концов спасение России от смертельно опасного гражданского противостояния – в способности услышать и принять Другого, всеотзывчивости и всеслужении (как это понимал Достоевский), в милосердии, что выше правды и справедливости (у каждого своя правда и своя справедливость). Именно в этом, а не в безапелляционном утверждении нашей исключительности, особой нашей «духовности» и особости пути (в сравнении с их «бездуховностью» и «тупиковостью») – основа русского патриотизма.

Россия нуждается в самопознании, каким бы трудным оно не было. В произведениях Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого, Лескова, Платонова, Булгакова, Гроссмана... присутствует этот бесценный опыт, увы, ещё плохо нами усвоенный. Ещё не до конца осмысленна и не стала фактором общественного сознания философская рефлексия Соловьёва, Бердяева, Лосского, Федотова, Ильина... Самопознание современного российского социума в той же степени невозможно без «Красного колеса» Солженицына, «Москвы – Петушков» Вен. Ерофеева, «Проклятых и убитых» Астафьева, поэзии Бродского, «Зеркала» Тарковского, «Калины красной» Шукшина, «Хрусталёв, машину» и «Трудно быть богом» Германа, «Тельца» Сокурова, «Про уродов и людей» Балабанова, «Оно» Овчарова, «Орды» Прошкина... Вместе с тем самопознание – не самоцель, но необходимый и, может быть, самый трудный шаг на пути к самосозиданию. Только *человек свободный*, а значит ответственный, имеющий «мужество пользоваться собственным умом», способен сам себя созидать.

Сможет ли Россия сегодня найти «ответы» на современные «вызовы»? Для этого нам жизненно необходимо научиться извлекать уроки из более чем тысячелетней отечественной истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильин, И. А. О России / И. А. Ильин. – М.: Студия ТРИТЭ – Росс. Архив, 1991.
2. Кармин, А. С. Основы культурологии: Морфология культуры / А. С. Кармин. – СПб.: Лань, 1997.
3. Чаадаев, П. Я. Цена веков / П. Я. Чаадаев. – М.: Молодая гвардия, 1991.